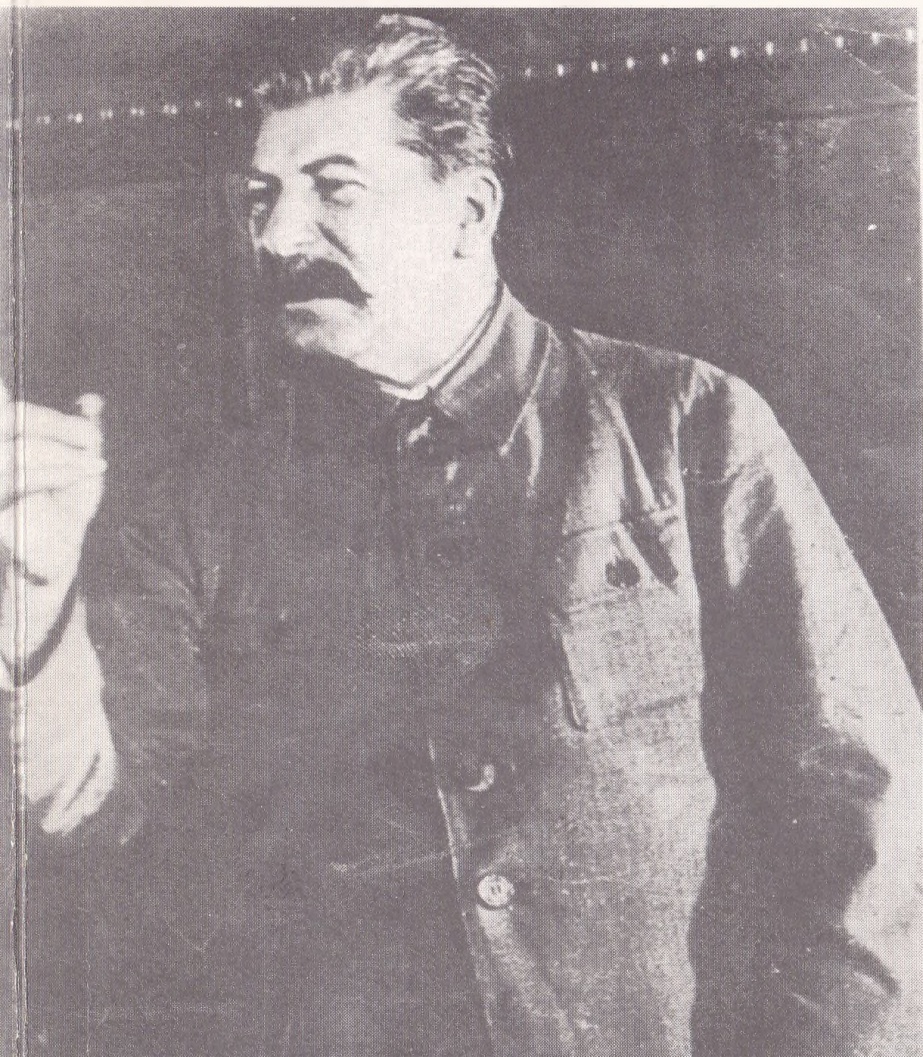

Б.П. Курашвили

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОГИКА СТАЛИНИЗМА

Б.П.Курашвили

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОГИКА СТАЛИНИЗМА

**Исторический контекст
Политическая доктрина
Реальности
Этическая и политическая оценка
Личность Сталина
Возможен ли возврат?**

**“Былина”
Москва 1996**

ББК 63.3(2)7
К 88

Б.П.Курашвили

Брошюра представляет собой отчасти извлечение из книги: Б.Курашвили, Куда идёт Россия?, М., "Прометей", 1994. Сделаны значительные дополнения.

Сталинизм определяется как идеология, политика и система управления в период авторитарно-мобилизационного социализма, отягощённого тоталитарными извращениями. На фоне беглого обзора истории советского социализма показывается историческая неизбежность сталинизма, его несводимость к "сталинщине". Излагаются "изнутри" политическая доктрина и реалии сталинизма, даётся его этическая и политическая оценка, характеризуется многогранная личность Сталина. Изложение выдержано в духе объективности и взвешенности, уважения к величайшим подвигам советского народа, признания реальных огромных заслуг Сталина и осуждения его трагических ошибок.

Представляет интерес для историков, политиков, широкого круга читателей.

К $\frac{1203010000 - 2}{К 56(03) - 96}$

ISBN 5-88528-125-4 © "Былина"
© Б.П.Курашвили

“История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости.”

“Заслуга партии состоит в том, что она не приспособливалась к отсталым, не боялась идти против течения и всё время сохраняла за собой позицию ведущей силы.”

“У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 - 1942 г.г... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошёл на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества - над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!”

И .Сталин.

Введение.

Как и десятилетия назад, Сталин и его эпоха опять стали предметом яростных споров. Одни считают Сталина великим государственным дея-

телем, другие - злодеем, преступником. Высказывается мнение, что и та, и другая оценки естественны, а их сочетание невозможно. Отчего же, однако, невозможно? Сочетание не невозможно, а неизбежно: такова объективно сама действительность. Дело лишь в том, что это сочетание не должно быть эклектическим. Мало сказать, что, с одной стороны, было то, а с другой - это, нужно воспроизвести органическое единство, в котором то и это сливались в реальной истории.

Как комплекс характерных особенностей нашей истории, связанных с именем Сталина и несущих на себе печать его деятельности, "сталинизм", включающий "сталинщину", но не сводимый к ней, - явление огромных масштабов. Да, нравится это кому-то или нет, масштабы и исторической роли Сталина, и его личности огромны. Сталин не уходит из нашей повседневной духовной и политической жизни. Очевидно, никогда и не уйдет, как не ушли Иван Грозный и Петр Первый. Он не будет забыт и в мировой истории, как не забыты Цезарь, Кромвель, Робеспьер, Наполеон. Суждения о нем никогда не будут однозначными. Тем более сейчас, когда его действия еще воспринимаются живущими через призму их собственных судеб и судеб близких.

Сталинизм нельзя, единожды прокляв, обойти, замолчать, закрыть - его придется много, много раз раскрывать и постигать. Эта работа только начинается. В ней исключительно важно не смешивать основные исторические факты и факты частные, хотя бы и кричащие. И не менее

важно отделять достоверные факты от предположительных умозаключений о фактах и от их толкований. Как ни трудно при анализе этого явления удержаться от пристрастий и следовать принципу исторической объективности, к этому нужно стремиться. Только это отличает научное исследование от идеологических и политических спекуляций, для которых сталинизм создает безграничные возможности.

Особо гнусной из этих спекуляций является отождествление сталинизма с фашизмом. Они, увы, сравнимы по жестокости, но противоположны по целям, и неверна хлесткая фраза, что цели перечеркнуты средствами. Нет, фашизм перечеркнут сталинизмом.

Вульгарному антисталинизму самым его объектом обеспечена вечная жизнь. Как, впрочем, и вульгарному сталинизму. Научное исследование сталинизма должно привести к его диалектическому пониманию.

Истина дороже чьего бы то ни было расположения, и без неё невозможно восстановить уважение к нашей истории как одному из основных потоков общечеловеческого развития. А без уважения к истории своего народа невозможно гражданское воспитание. Разумеется, не всё в нашей истории заслуживает уважения. Немало такого, что заслуживает проклятий. Перенесись Чаадаев в наше время, он немало прибавил бы к своим обличениям. Но в целом нашей историей можно гордиться - даже при том, что в ней хватает горьких и постыдных событий, - коль скоро в

общем фактическом контексте такие события круто перевешиваются великими, героическими, благородными делами. Те, кто не понимая (или не принимая) сути истории своего народа, её магистрального течения, в пылу морального негодования (или изображая его) “не признаёт” её великих достижений, - эти люди не делают, как им кажется, истории, не открывают её новой страницы - они шумят и прозябают на её обочинах.

Принципиальный порок вульгарного сталинизма в том, что негативная сторона сталинизма вырывается, выхватывается из исторического контекста, сталинизм превращается в “сталинщину”. Игнорируется главный факт: тридцатые и сороковые годы - это период феноменальных успехов, не имеющих себе равных в мировой истории.

1. Сталинизм в контексте советской истории.

На протяжении семи десятилетий советский социализм, то есть социалистическое общество в СССР, освещался в исторической литературе и публицистике в высшей степени односторонне: у нас большей частью апологетически, за рубежом большей частью клеветнически. В годы “перестройки”, особенно начиная с 1987-го, официальная наука и публицистика сделали крутой поворот и слились с зарубежной литературой в тотальном очернении советской истории. Исторических фактов, безусловно компрометирующих

социализм в его первом осуществлении, прибавилось не так уж много (в основном они были известны и до новых разоблачений), а фальсификации пошли потоком, характер нового строя, его устремления и реальные достижения были оболганы и обгажены.

Коммунисты не могут отдавать историю негодяям, злостным или благонамеренным клеветникам, ибо это означает отдачу им будущего. Светлое будущее - это продолжение правильно понятой истории. Чтобы овладеть историей, сделать ее опорой своей идеологии и политики, "удержать историю на своей стороне", заново добиться исторической легитимации социализма, его нужно освещать объективно.

В распоряжении теории социализма (как предпочтительнее было бы называть в наше время марксизм-ленинизм, чтобы искусственно не ограничивать горизонт теории идеями ее основателей - при сохранении глубочайшего уважения к их научному и человеческому подвигу) опыт двух великих классических революций - французской буржуазной и российской социалистической. В них с особой полнотой проявились закономерности революции как таковой, закономерности, относительно независимые от ее классовой природы.

Глубокие социальные революции как форсированный (то есть насильственно ускоренный) переход от одной общественно-экономической формации к другой проходят три фазы: 1) тотального сокрушения старого; 2) большого отката; 3)

перехода к длительному эволюционному развитию. Закон трехфазовости революции проявился в советском случае и в позитивной форме (“все по объективному закону, как по нотам”), так и в негативной форме (“раз не вполне по закону, то успех проблематичен или достигается ценой сверхусилий и чрезмерных жертв”).

Хорошо известно рассуждение Ленина в его полемике с Сухановым: да, в России не было вполне достаточных экономических и культурных предпосылок для социализма, но минимум предпосылок был - так почему было не взять в свои руки государственную власть, чтобы с ее помощью дотянуть экономику и культуру до требуемого уровня? Это в определенной мере волюнтаристская модель развития. Это развитие с отступлениями от объективной закономерности, “незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории” (Ленин В.И., Полн.собр.соч., т.45, с.379). Значит, с волевой корректировкой общего хода всемирной истории.

Действуя “не вполне по объективному закону”, нужно исходить из того, что недостаточность объективных предпосылок для намечаемых преобразований должна быть компенсирована сверхсильным организационным фактором. У него три составляющих: воодушевляющая, экста- тическая идеология, безраздельно подчиняющая себе мысли и чувства “авангарда” общества (процентов пять-десять населения) и той людской массы (процентов 50-70), которая составляет социальную опору данной политической силы

(остальная часть общества примиряется с судьбой или безуспешно сопротивляется); организованное “как часовой механизм” управление - предусмотрительное до провидчества, самоотверженное, твердое, последовательное, милитаризованное, максимально централизованное; жестокие репрессии, которые обрушиваются не только на врагов, но и на недостаточно усердных, недисциплинированных своих, а временами приобретают из-за моральной порчи насилием его организаторов и исполнителей характер массовых психозов и оргий.

Феноменальные, всемирно-исторические успехи советского народа в первой половине советской истории, успехи, апофеозом которых стала победа в Великой Отечественной войне, соединились, сплелись в одну историческую ткань с невообразимыми потерями и жертвами, и это трудно постигаемое соединение величайшего триумфа с величайшей трагедией находит некоторое объяснение в своеобразии действия закона трехфазовости революции в наших конкретно-исторических условиях.

В первое десятилетие революция развивалась вполне “по объективному закону”, если отвлечься от ее определенной “преждевременности” в капиталистически отсталой стране и ее оправданности “только” тем, что она оказалась единственным спасением от грозившей обществу катастрофы. В это десятилетие она прошла две фазы и вступила в третью.

Скопившаяся за века, особенно за последние десятилетия и особенно за годы первой мировой войны огромная энергия возмущения - возмущения помещичьим и капиталистическим гнетом, к которому добавлялись и гнет национальный, и гнет бюрократический, и "гнет" военных потерь и лишений, общей неустроенности жизни, - эта энергия возмущения, только подогреваемая сопротивлением свержаемых классов, была роковой, демонической силой. "Свобода взметнулась неистово..." (Есенин). Восставшая масса смяла и смела все подряд, весь ненавистный общественный строй, включая и необходимые при любом строе, жизненно важные для общества и еще жизнеспособные институты, механизмы, ценности (рынок, предпринимательство, финансы, законность, аристократическая культура, церковь, имеющие религиозную форму нравственные нормы). В фазе тотального штурма старого сложилась исторически первая модель советского социализма - "военный коммунизм". Точнее, - авторитарно-утопический социализм. В целом, увы, несостоятельный. Лишь с отдельными разумными находками, прежде всего в виде советской организации государственной власти. Гражданская война была неизбежна. Ее чрезмерные масштабы определялись не только выбором свергнутых классов, но и чрезмерностью и неразумной разрушительностью натиска революционных сил, безудержностью "диктатуры пролетариата". Она видела свой "новый демократизм" в том, что служит трудящемуся большинству, и, увы, пренебрегала демократическими

процедурами, правами человека. Сейчас об этом легко рассуждать. Тогда иное было практически невозможно.

Потом произошло - не столько по доброй воле образумившегося руководства, хотя оно и было в те годы гениальное, сколько под давлением всеобщего разорения и массового недовольства, лишь одним из эпизодов которого стал кронштадтский мятеж, - генеральное нэповское отступление, большой откат. И началось, в рамках того же запоздало гениального нэпа, поступательное эволюционное развитие нового строя. Все шло прекрасно, если это слово применимо к революции - грандиозному кровопусканию, которое классово-антагонистическое общество, когда не находит ничего более разумного, учиняет над собой ради перехода на очередную ступень развития. Начала складываться новая, переходная модель общества - авторитарно-многоукладный социализм. Его суть - преимущественное развитие социалистического сектора при временном ограниченном допущении, под строгим контролем, частнокапиталистического производства. Нэп и, следовательно, авторитарно-многоукладный социализм, несколько либерализованная "диктатура пролетариата" вводились, по выражению Ленина, "всерьез и надолго", но бог, то есть реальная история, рассудил иначе.

В конце 20-х г.г. в большую политику властно вмешалось два мотива. Один - опасение, что откат революционной волны превратится в пере рождение нового строя (а данной фазе револю-

ции, ее кризису такая опасность присуща органически). С иллюзиями относительно мировой революции почти расстались, но возродились другие утопические представления и стремления. Что мешает-де построить социализм немедленно? Второй мотив был более серьезный. На горизонте маячила смертельная угроза империалистического нашествия (и оно действительно состоялось через десять с небольшим лет). Дальновидные руководители понимали, что базой для его отражения может быть только современная индустрия, военно-экономический потенциал, который должен быть создан в сроки вдвое-втрое более короткие, чем это позволяло нормальное, эволюционное развитие. В закономерное течение революционного процесса мощно вмешался внешний фактор. Общество было искусственно (с точки зрения внутренних условий) возвращено в подобие первой фазы революции, ибо других способов форсированного (повторимся: насильственно ускоренного) развития не было видно.

Формирование социалистических общественных отношений не могло быть остановлено, оно продолжалось. Частичный возврат к первой фазе революции, присущая ей разрушительная энергия, пафос искоренения и уничтожения причудливо соединились с пафосом созидания, с социальным, экономическим, научно-техническим, культурным творчеством. Сложилась теоретически аномальная, противоестественная, но исторически оказавшаяся неизбежной модель нового общественного строя - авторитарно-мобилизационный

социализм с тоталитарными извращениями. По главному действующему лицу той эпохи эта модель именуется сталинистской.

Как бы ни хотелось откреститься от сталинизма, честнее признать, что для советского социализма он не случаен, был необходимым средством выживания. И социализма, и страны. Эффективность сталинизма снижалась, но не сводилась на нет сталинщиной. Сталинизм - это исторически обусловленные идеология, политика и система управления долгой чрезвычайной полосы развития, а сталинщина - сопровождавшие их извращения. Сталинизм включает сталинщину, но отнюдь не сводится к ней. Культ Сталина, поскольку он был принят народом, при всей своей абстрактной абсурдности (человек - не бог) служил эффективным средством управления.

Какими бы ни были допускавшиеся в те годы жестокости, преступления, беззакония, какими бы чудовищными ни были напрасные потери, как бы тяжела и неискупима ни была вина руководителей, - безнравственно и политически неразумно марать на этом основании по меньшей мере две трети великого народа, великих поколений, совершивших беспрецедентный всемирно-исторический подвиг. Его апофеозом стала победа в Великой Отечественной войне. Одушевленный и сплоченный социалистической идеей, советский народ отстоял не только социализм, но и нечто большее. Он спас себя и страну от порабощения и уничтожения, а весь мир от коричневой чумы. Одного этого (если не признавать прорыва в бу-

душее) достаточно для исторического оправдания советского социализма. Он спас и своих нынешних подлых клеветников и благонамеренных критиков, обгаживающих историю и душу народа. Если новые поколения не унаследуют духовно подвиг своих великих предшественников, они будут идеологически и нравственно опустошенными, ничтожными поколениями, не способными выполнить свою историческую задачу.

Какими бы пороками ни страдало общество, сформировавшееся к концу 40-х - началу 50-х г.г., как бы далеко ни находилось оно от демократии, переходное состояние на пути превращения капитализма в социализм к этому времени было позади. А впереди - реконструкция построенного в "диких" условиях примитивного социализма.

Нельзя смешивать понятия переходности и зрелости общественного строя. Переходность кончается тогда, когда общественно-экономическая формация расстается с многоукладностью, обретает присущие ей формы собственности как безраздельно господствующие, сколько бы недостатков она ни имела при этом в экономической, политической и правовой жизни. Эти недостатки изживаются и выправляются в процессе долгого развития формации на ее собственной основе.

Переходный период закончился у нас с ликвидацией частной (частнокапиталистической) собственности и, следовательно, многоукладности. Да, социализм был примитивным, недемократичным, негуманным, общественная собствен-

ность приобрела форму государственно-бюрократической. Но с ликвидацией частной собственности переходный период все равно закончился. Возвращаться в этих условиях в многоукладность, в переходное состояние нелогично. Это противоречит принципу необратимости истории, и в этом нет практической необходимости.

В 50-е г.г. страна форсированно (опять форсированно) вышла из послевоенной разрухи, восстановила народное хозяйство, ликвидировала атомную монополию и военную недосыгаемость США, обеспечила тем самым безопасность СССР и социалистической системы. Значит, авторитарно-мобилизационная модель социализма полностью исчерпала себя, утратила историческое оправдание. Но по инерции продолжала существовать. Необходимость ее глубокого преобразования, всесторонней демократизации общественной жизни во всех ее сферах упорно не осознавалась политическим руководством.

Начало сказываться новое обстоятельство, которому суждено было сыграть решающую негативную роль в последующей истории. Компетентность политического руководства начала стремительно падать. Социализм - строй, который по самой своей природе предъявляет к уровню руководства более высокие требования, чем предшествующие ему формации, оказался без механизма воспроизводства квалифицированного и ответственного руководящего слоя. Это была одна из многих издержек однопартийного монополизма. Возвышались усердные исполнители, а из них с

наибольшим успехом умело угодничающие, и задвигались или устранялись “впередсмотрящие”, самостоятельно мыслящие, принципиальные, убежденные работники. Ключевые посты, начиная с поста первого руководителя страны (которым фактически, что бы ни вещала Конституция СССР, был генеральный или, короткое время, первый секретарь ЦК КПСС) занимали самонадеянные посредственности, поддающиеся влиянию окружения.

Руководители, годящиеся для среднего уровня, но бездарные для высшего, думали, что можно оседлать сложившуюся, отлаженную и приведшую к победам модель социализма (с отсечением или приглушением ее тоталитарных элементов) и въехать на ней в коммунизм. Или хотя бы в развитой социализм. На деле же вторая половина истории советского социализма была процессом нарастающего маразма. Незаметно завершилось формирование авторитарно-бюрократической модели социализма. Ее “достижения” навязывались другим социалистическим странам.

Страна, в основном преодолевшая было вековое отставание, лишь в отдельных областях, прежде всего связанных с обороной, по инерции и ценой непомерных трат удерживалась на современном уровне, в целом же затопталась на месте, одну за другой упускала возможности, открываемые научно-технической революцией. Научно-технические достижения сплошь и рядом оставались невостребованными. Высокая, морально-

политическая мотивация труда ослабевала и сходила на нет, а нормальная, материальная, "житейская" ее не заменяла. Способности и инициатива работников не находили должного применения, должная дифференциация доходов в зависимости от реальных результатов труда не обеспечивалась и уступала место уравнилельным тенденциям. Реальным участием трудящихся в управлении производством и обществом и не пахло, а регламентация труда и жизни, во многих случаях бессмысленная, раздражала все больше. Теряя квалификацию и элементарную добросовестность, партийная и государственная бюрократия, особенно высокая и высшая, становилась все более своекорыстной, безответственной, коррумпированной, чванливой, и это, кажется, возмущало людей труда сильнее, чем значительно более медленный, чем в развитых капиталистических странах, рост благосостояния. Трудовой люд перестал верить властям, а они не понимали, что это преддверие конца.

Авторитарно-бюрократический социализм - это незакономерное, исторически случайное, "приблудное" дитя советского общества. Тягчайший грех этой уродливой модели - в подрыве веры народа в социалистические перспективы, в то, что на базе общественной собственности обеспеченная достойная жизнь достижима. "Исторический тупик" - не социализм, а его бюрократическое извращение. Оно на три десятилетия задержало появление закономерной формы - нового, незтатистского, небюрократического,

планово-рыночного, демократического, народного социализма. Им было беременно общество. Что же оно родило?

В 1985 г. новый генсек М.Горбачев объявил перестройку. Она началась с признания “предкризисного состояния”, многообещающих призывов к ускорению развития, качественному преобразованию общества. В ходу был лозунг: “Больше демократии, больше социализма!” Были легализованы антибюрократические настроения. Заждавшееся перемен общество встретило все это с воодушевлением. Оно поначалу верило заявлениям, что у партии есть разработанная концепция перестройки, ее политика. Правда, возникала мысль, почему бы эту концепцию не изложить кратко и ясно на паре страниц и не представить на суд народу. Настораживали и рассуждения велеречивого генсека о том, что нет будто бы необходимости придумывать какие-то модели социализма, представлять себе заранее облик общества, которое появится в результате перестройки. Бернштейнианская идея “цель - ничто, реальное движение - все” проповедовалась с упорством, достойным лучшего применения. И все же из шести лет “перестройки” (а она охватывает период от апреля 1985 до августа 1991 г.) первые два года надежды на нее были почти всеобщими. Еще два года они, постепенно ослабевая, все же преобладали над сомнениями. Последние два года сомнения все более углублялись, и кончилось практически всеобщим возмущением большинства народа тем, что он мошеннически обма-

нут и предан. Торжествовали только те, кому “перестройка” действительно служила. Они фактически направляли “прорабов перестройки” к постепенной подмене приведенного выше основного лозунга ее первых лет на диаметрально противоположный в социальном отношении: “Демократия без социализма!” Потом ему на смену фактически придет лозунг: “Диктатура для капитализма!”. Такую уходящую вниз адскую спираль описала советская история.

В истории перестройки остается пока что неясным, была ли она с самого начала операцией по смене общественного строя, заранее продуманной и планомерно проводимой политическим руководством (его посвященной в конечную цель частью) с участием внешних и внутренних антисоциалистических сил, или же начиналась благонамеренными деятелями, действительно приверженными, как они неоднократно заявляли, “социалистическому выбору”, но не справившимися со своей задачей, ввиду чего и они сами, и их перестройка подпали под контроль этих сил, которые привели дело к нужным им результатам. Иудушка Горбачев, к которому это прозвище уже пристало, заслужил его независимо от того, оказался ли он предателем по умыслу или по слабости. Со временем исследователи выяснят действительную картину и с этой, субъективной стороны. С объективной стороны она уже достаточно ясна.

Политика реставрации капитализма, которую с некоторой деликатностью называют политикой

капитализации, а для маскировки политикой перехода к рынку или возвращения в мировую цивилизацию, имеет материальные предпосылки, складывавшиеся на протяжении длительного времени. Исторический факт заключается в том, что в процессе повторного (после имевшего место в России во второй половине XIX в.) первоначального накопления капитала снова образовался класс буржуазии, на сей раз, как ни парадоксален этот эпитет, советской. Новая, советская буржуазия начиналась с расхитителей, спекулянтов, взяточников, чудом выживавших при весьма суровом к ним авторитарно-мобилизационном социализме. Она посвободнее вздохнула в годы хрущевской “оттепели”. В годы брежневского застоя и маразма начался качественно новый период. Его примета - все более широкое подпольное предпринимательство, паразитировавшее на государственном секторе, похищаемых там материалах, “левом” использовании его мощностей. Масштабы “теневой экономики” стали измеряться не жалкими миллионами, а миллиардами и десятками миллиардов тогдашних рублей.

И все же, не преуменьшая “вклада” авторитарно-бюрократического, маразматического социализма в будущую “перестройку”, следует иметь в виду, что только последняя создала основные материальные предпосылки для политики капитализации. Законом о кооперации, принятым в 1988 г., теневой бизнес был практически легализован, были созданы условия для “отмывания” криминальных капиталов. Вскоре,

особенно начиная с 1990 г., они хлынули в сферу обращения, послужили основой для создания многих сотен коммерческих банков и бирж. В их создании активное участие приняли вчерашние и действующие чиновники и сановники, которые пользовались своими должностями как “вкладом в бизнес”. Частный, уже не теневой, а легальный сектор стал ворочать сотнями миллиардов. Фантастические доходы приносила и приносит ему спекуляция на разнице цен: товары приобретаются у государственных предприятий по низким, а продаются потребителям (как внутри страны, главным образом товары массового спроса, так и, главным образом сырье и материалы, за границу) по многократно более высоким ценам. Так, почти ничего не производя, обирая с молчаливого благословения или при прямом небескорыстном соучастии коррумпированного государственного аппарата общество, прямо или косвенно контролируя едва ли не всю сферу обращения, советская буржуазия, почти сплошь криминальная, стала мощной экономической, а значит и политической силой, готовой к овладению государственной властью.

Процесс формирования советской буржуазии был столь явным и масштабным, что его нельзя было не видеть. Руководители “перестройки” либо сознательно ему способствовали, либо самонадеянно рассчитывали предотвратить его последствия, сохранить социализм в его многоукладном виде. В пользу первого предположения говорит то, что параллельно с этим процессом, составляя

вместе с ним целенаправленную подготовку реакционного социального переворота, развернулся процесс антисоциалистической идеологической обработки общества.

В 1986-87 г.г. преобладающая часть прессы была отдана “демократам” (через их назначения главными редакторами). Они довольно быстро придали своим средствам массовой информации, даже многим государственным и партийным газетам, антисоциалистическую направленность, пользуясь в качестве прикрытия тезисами о гласности и объективном освещении истории, а затем перейдя к “принципиальному” отрицанию социализма. Приглашая народ в капитализм (“современную цивилизацию”), в качестве непосредственно достижимого образца преподносили неокapитализм типа шведского или американского. Внушали народу, что альтернативы этому пути нет, так как социализм бесповоротно доказал свою несостоятельность. При этом имеется в виду прежний социализм; сама возможность нового бездоказательно исключалась. К этой кампании присоединилась большая группа обществоведов, прежде всего экономистов; протитуирования общественной науки не пришлось долго ждать. Перебежчик в науке стал таким же типичным явлением, как откочевавший к “демократам” партocrat или бюрократ. Усилился процесс люмпенизации трудящихся классов: разочаровавшись в социализме, многие готовы принять любых капиталистов, отечественных или иностранных, - лишь бы хорошо платили. Интеллигенция и молодежь,

пожалуй, в большей своей части оказалась увлечены демократической фразой и глупенько мечтали о каком-то внеформационном обществе. Идеологический вакуум, образовавшийся в результате тотальной компрометации социалистической идеологии, стал заполняться идеологией религиозной и, особенно бурно, националистической. А также идеологическим негативизмом, опустошенностью, культом насилия и зоологическим эгоцентризмом, что породило бурный рост преступности, наркомании, проституции, самоубийств.

Процесс развала экономики, которой перестали всерьез управлять и отдали на разграбление криминальному и иностранному капиталу, начавшийся в 1990 г. спад производства соединился с разрушением фундаментальных нравственных основ общественной жизни, распадом Союза, ослаблением, да просто глубоким падением авторитета власти. Начался общий кризис не только общественного строя, но самой жизни. Перед народом, приведенным на грань социального безумия, встала проблема физического выживания.

А что же политическое руководство? До 1989 г. центр власти по традиции находился в ЦК КПСС, затем, после формирования Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, переместился в систему Советов, что в 1990 г. было закреплено отменой ст.6 Конституции СССР о КПСС как "руководящей и направляющей силе советского общества, ядре его политической си-

стемы". Это был естественный, необходимый процесс демократизации, но осуществлен он был так, что организационно-политическая передвижка центра власти превратилась в изменение социально-политического характера власти.

Ключевым фактом, характеризующим суть перестройки, и вместе с тем иллюстрацией того, к какому идеологическому, правовому и политическому мошенничеству прибегали ее руководители, явился пересмотр одной из основ конституционного строя СССР - положений о формах собственности. Эти положения сводятся к тому, что средства производства находятся в общественной собственности, преобладает общенародная собственность, управляемая государством и потому называемая государственной, допускается индивидуальная собственность и основанное на ней производство, не ограничивается имеющая в основном трудовое происхождение личная собственность на предметы потребления. Частнокапиталистическая собственность, предполагающая использование наемного труда, отчуждение работника от средств производства, эксплуатацию человека человеком, не допускается. По смыслу Конституции, эти положения, как относящиеся к числу наиболее важных вопросов государственной жизни, могут быть изменены только самим народом, референдумом, этого не могут делать представительные органы, уполномоченные вносить в конституцию иные, ординарные изменения.

Во второй половине 1989 г., когда для выступлений Горбачева, многословных и малосо-

держательных, была характерна не только демократическая, но и социалистическая фразеология, он лицемерно поклялся в неизменной верности “Коммунистическому манифесту” по вопросу о формах собственности и тут же сказал, что для экономических преобразований можно было бы использовать понятие “собственность граждан”. После примерно полугодичной пропагандистской кампании, в которой участвовали некоторые протитуированные экономисты и народные депутаты, это аморфное понятие было включено в закон о собственности. В понятии “собственность граждан”, как уже говорилось, были смешаны принципиально различные вещи - и личная собственность на предметы потребительского назначения, и индивидуальная собственность на средства ремесленного производства, и (ради чего все затевалось) частнокапиталистическая собственность. Так последняя поначалу и была легализована. Одновременно проводилась кампания по пропаганде тезиса о “равноправии всех форм собственности, включая частную”, а в середине 1991 г. дело кончилось тем, что был принят союзный (и примерно в то же время российский) закон о разгосударствлении и приватизации, который по сути дела открывал путь не к равноправию, а к преобладанию частной собственности.

С законодательным провозглашением политики широкой приватизации, т.е. передачи большей части предприятий в частные руки, стало ясно (не всем), что политика ренегат-коммунистов в корне отличается от нэпа 20-х г.г. Многоуклад-

ность бывает разная. Ленинский нэп имел в виду сохранение “командных высот” за социалистическим сектором и ограниченное временное допущение частнокапиталистического предпринимательства под строгим контролем со стороны власти, прочно и безраздельно находящейся в руках социалистических сил. Горбачевский “нэп” в полной мере обнаружил себя как прикрытую социалистической фразеологией подготовку реакционного социального переворота, рассчитанную на передачу частному капиталу, внутреннему и иностранному, господствующих позиций в экономике с последующим овладением им и политической властью.

Особая роль Горбачева в крахе советского социализма требует того, чтобы были проанализированы и личностные характеристики этого генсека ЦК КПСС, потом (с 1989 г.) генсека - председателя Съезда народных депутатов и Верховного Совета, а потом (с 1990 г.) и генсека - Президента СССР. Само его возвышение свидетельствует о глубокой порочности авторитарно-бюрократического социализма и в такой важнейшей области, какой является воспроизводство высшего эшелона власти. Деятель провинциального уровня, с формальной стороны достаточно образованный, но не владеющий никаким соответствующим образованию профессиональным опытом (юриста и экономиста-аграрника), молодой, энергичный, велеречивый, а главное - подкупающе услужливый аппаратный исполнитель, не совершивший ничего заметного, не породив-

ший ни одной новой, оригинальной идеи, по своей личностной сути честолюбивый лакей, - становится первым руководителем единственной тогда партии и, тем самым, страны, обретает самоуверенность и самонадеянность, как это свойственно приходящим к власти посредственностям. Не имея за душой ничего, кроме туманной идеи внеформационной демократии, он повел страну к развалу, умело, надо отдать ему в этом должное, лавируя между разными течениями и группами. К.Маркс был прав, когда заметил, что нации, как и женщине, не прощается, если она становится добычей любого проходимца. В данном случае смягчающим вину советского народа обстоятельством было то, что он был подставлен руководителю-проходимцу партией, которой привык доверять. Вина смягчается, но перед лицом истории остается.

Возглавляя позорно послушную КПСС, чтобы обезглавить ее как социалистическую силу, навязывая позорно послушным Съезду народных депутатов и Верховному Совету СССР двусмысленные или явно антинародные законы, проводя с помощью послушного правительства антинародную политику, Горбачев необратимо вошел в мировую историю как величайший социальный и национальный предатель (не так уж важно, по умыслу или по слабости). Он успешно подвел социализм и Союз ССР под завершающий удар, который и не замедлил последовать.

Предательская клика Горбачева не только провела всю необходимую подготовку к реакци-

онному социальному перевороту и начала его, но и готова была постепенно довести его до конца. Ее соперники не дали ей этого сделать. Завершающий удар по социализму взялись нанести более радикальные реакционные силы. Заодно они решили развалить Союз ССР, некоторые остатки которого клика Горбачева собиралась сохранить. Используя как повод (или спровоцировав) августовский путч, странно робкий и непоследовательный, реакционные силы, возглавляемые (во всяком случае, формально) Б.Ельциным, захватили государственную власть. Точнее, решили в свою пользу проблему двое- или троевластия: до того они делили власть с умеренно реакционными союзными органами, находившимися под руководством Горбачева, и еще не вовсе лишенными влияния социалистическими силами, особенно на местах. Овладев государственной властью, радикальные реакционные силы встали перед задачей разрушения социалистического экономического базиса, его замены капиталистическим. Такова суть событий, последовавших после августа 1991 года.

К 1996 году, когда дописываются эти строки, политика капитализации страны, волокущая её в прошлое, предстаёт перед нами во всех своих катастрофических результатах: падение производства более чем вдвое (такого не было даже в самые трудные годы Великой Отечественной войны), снижение жизненного уровня подавляющего большинства народа втрое, деградация народного хозяйства, особенно её наукоёмких высокотехно-

логичных отраслей, и укоренение его полуколониальной структуры, распад науки, образования, здравоохранения, межнациональные конфликты и пока ещё “окраинные войны”, начавшееся вымирание населения. И всё это на фоне небывалого в мировой истории разграбления народного богатства, фантастического обогащения клики паразитов, хищников, негодяев, утечки огромных капиталов за рубеж. Нельзя, конечно, сказать, что страна пришла к состоянию, от которого была спасена сталинизмом, почему и не стоило её спасать. Нет, победа фашизма привела бы к качественно худшему. Но верно то, что народ спасал страну для себя, а не для клики негодяев, паразитов, хищников.

Каково самое общее научно-историческое объяснение постигшей страну катастрофы? Дело, очевидно, в том, что социалистическая революция не успела перейти в свою третью фазу, общество не вступило необратимо в этап длительного эволюционного развития. Авторитарно-бюрократический социализм отнюдь не был таким этапом. Непреобразование авторитарно-мобилизационного социализма явилось коренной, сущностной причиной катастрофы советского социализма.

Виноват ли в этом сам авторитарно-мобилизационный социализм? В общем, конечно, нет. В основном виноваты не Сталин и его соратники, даже если они не наметили решение задач следующего исторического этапа, а их преемники. Но и с деятелей сталинизма вина не может быть

снята целиком. Это факт, что тоталитарные извращения авторитарно-мобилизационного социализма скомпрометировали во многом саму идею социализма, дали возможность врагам социализма на какое-то время лишить его народной поддержки. Возмездие за тяжкие грехи сталинщины через полвека всё же настигло социализм. Оценивая историю сталинизма в общем контексте советской истории, истории взлёта и падения социализма в СССР, нельзя упускать из виду и этого момента.

Не грехи сталинщины были основной причиной дискредитации советского социализма и его гибели. Если бы на последующем этапе развития социализм справился с задачей своего преобразования, история простила бы социализму эти тяжкие грехи. История ждала этого преобразования десятилетия. И получила вместо него авторитарно-бюрократический маразм, а потом и предательскую “перестройку”. И тогда приговорила советский социализм, заодно и за грехи сталинщины, к смертной казни. Надо думать, временной. История ведь и убивает, и воскрешает.

2. Политическая доктрина сталинизма.

Политическая доктрина сталинизма не была выражена в явном виде и полностью ни в выступлениях Сталина (при всей их прямоте), ни в законодательных и иных решениях тех лет. Ряд ее

элементов проявился достаточно отчетливо, другие лишь угадываются как вероятная подоснова предпринимавшихся мер. Можно ли на почве всей совокупности исторических фактов - заявлений, действий, событий - реконструировать, мысленно воссоздать политическую доктрину сталинизма в ее целостности? Да, можно. Каждый раз с той степенью достоверности, которая обусловлена и мерой фактической осведомленности, и реальными достижениями обществоведения, в частности истории, и интуицией исследователя. Попробуем "вжиться" в ту невероятную эпоху, прибегнуть к ретроспективному мысленному моделированию. Используя этот прием, исследователь как бы проникает внутрь описываемого явления, в его сердцевину, пытается говорить языком самого исследуемого объекта, который ничего не утаивает, но вместе с тем и озабочен историческим самооправданием. Сталинизм описывается таким, каким он, скорее всего, видел себя в политической доктрине, которую в конце 20-х - начале 30-х гг. разработало и имело не столько на бумаге, сколько в голове высшее руководство страны, прежде всего сам Сталин. Вот что он мог бы сказать.

Основные предпосылки.

Руководить - это не значит сидеть у руля и смотреть, чтобы ничего не видеть, пока обстоятельства не ткнут тебя носом в какое-либо бедст-

вие. Чтобы руководить, надо предвидеть. И предвидеть далеко. Предстоящая история: 1) лет десять до войны; 2) большая война. Оба эти периода явятся органическим продолжением крайне острой, яростной социально-классовой и межгосударственной борьбы, начавшейся в начале века и достигшей первого пика в мировой войне и Октябрьской революции. Второй пик впереди. Политика созидания, текущего социалистического строительства в основных своих чертах предопределяется не столько самими целями этого строительства, сколько тем, что оно сменится периодом полномасштабной современной войны, в которой будет решаться судьба социализма и страны.

Может ли СССР спокойно вести социалистическое строительство и лишь непосредственно перед войной заняться подготовкой к ней, чтобы встретить ее во всеоружии? Может ли СССР, на худой конец, прервать полномасштабное социалистическое строительство за три-четыре года до начала явно назревающей войны, чтобы целиком переключиться на подготовку к ней? Принимая желаемое за действительное, легко ответить на второй и даже на первый вопрос положительно. Это было бы роковой ошибкой. Вопреки тому, что думают многие или почти все, на первый и даже на второй вопрос должны быть даны категорически отрицательные ответы.

Мы отстали от передовых стран на пятьдесят-сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Глубокая отсталость страны вынуждает к тому, чтобы подготовка к отражению военного нашествия империализма осуществлялась с наивысшим напряжением задолго до войны, с упреждением в 10-15 лет, на протяжении которых социалистическое строительство должно вестись с максимальным учетом всего того, что необходимо для обеспечения обороноспособности страны.

Экономическая и социально-культурная деятельность общества подчинена соответствующим объективным законам. Политика социалистического строительства тем успешнее, чем полнее она основывается на использовании этих законов. Политическая борьба и ее крайняя форма - вооруженная борьба - тоже имеют свои объективные законы. Требования объективных законов социалистического строительства и объективных законов политической борьбы могут расходиться. Каким требованиям отдать предпочтение? Вопреки тому, что думают многие или почти все, в предстоящий период нужно отдать предпочтение требованиям объективных законов политической борьбы. Таково жесткое ограничение, накладываемое историей на весь процесс позитивного социалистического строительства.

Общая политика, внутренняя и внешняя.

Социализм в СССР - законное дитя истории. Но дитя преждевременное, родившееся в капита-

листически недостаточно развитой, отсталой стране. Мировая революция не спешит ему на помощь. Мечтаниям о спасительной мировой революции надо положить конец. СССР должен спасти себя сам, а там, возможно, спасти и идею мировой революции, подтолкнув ее. Мечту о Мировом Союзе Социалистических Республик сохранить можно и нужно, но в практической политике иметь ее на втором плане.

Да, социализм в СССР долго будет стирать с себя печать недоношенности, изживать остатки утробной, дородовой недоразвитости. И тем не менее должна быть реализована классическая теоретическая схема социализма - общества, основанного на безраздельном господстве общественной собственности, а не какая-то схема полусоциализма с неопределенно долгим сохранением многоукладности, мелкобуржуазности, "врастающего" в социализм кулацкого хозяйства. История недолго будет терпеть такого уродца. Нэп был гениальным выходом из разрухи, хорошим средством восстановления хозяйства, но не годится в качестве постоянной политики. Даже при значительных чисто экономических успехах нэп приведет к чрезмерной для социализма стихийности, росту капиталистических элементов, усилению их влияния и давления на пролетарское государство, общему политическому разложению.

Нэп сковывает возможности форсированного развития. Между тем экономическая и культурная отсталость должны быть преодолены не самотеком, не естественным ходом вещей, а именно

форсированно, на базе максимально интенсивного использования морально-политического и организационного факторов. Пусть на грани волюнтаризма, с подталкиванием и подстегиванием страны. Даже так. Слабость экономического и культурного потенциалов, пока она не преодолена, должна быть компенсирована предельным и даже чрезмерным использованием морально-политического и организационного факторов.

Нэп должен быть отменен. Предстоит в полную меру реализовать ленинское положение о первенстве политики над экономикой, о первенстве политики в общественной жизни в целом. У советского социализма один путь - стать и долго быть социализмом максимально, если угодно, ненормально политизированным. Тот, кто хочет иметь социализм, должен принять идею предельной политизации и служить ей. Кто не принимает предельно политизированного социализма и не служит такому социализму, тот, каковы бы ни были его намерения, встречаая в политику, объективно будет вредить социализму. Иного не дано. Нэп - альтернатива абстрактно-теоретическая, спокойная, удобная, манящая, но в практическом отношении - кажущаяся, ложная, размягчающая и разлагающая. Реальной альтернативы предельно политизированному социализму у нас нет. Таков диктат внутренних условий развития страны.

Таков же диктат внешних условий. Что такое "шестая часть Земли с названием кратким Русь" перед лицом враждебного ей капиталистического

мира? Территория у первой страны социализма и большая, и обильная. Природных ресурсов и пространства достаточно. Достаточно и людских ресурсов - около 10% населения мира, всего лишь вдвое меньше, чем совокупное население шести крупных империалистических держав - США, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии. Это прекрасно. Дальше - хуже. Объем промышленного производства - меньше 5% мирового. Значит, уровень промышленного производства на душу населения вдвое ниже среднего общемирового. Среднемировой уровень - низкий. Наш - ниже низкого. А мировое промышленное производство процентов на 80 сосредоточено в крупных империалистических государствах - у потенциальных противников СССР. Их общеэкономическое, военно-экономическое и военно-техническое превосходство - подавляющее. Пока они выпутываются из внутренних противоречий, формируются в два противостоящих друг другу блока, уничтожают и делят в воображении СССР, страна должна стать в исторически самый короткий срок индустриальной державой. Значит, и с точки зрения внешних условий необходимо всемерное, если угодно волюнтаристское использование морально-политического и организационного факторов для предельно форсированного экономического и культурного развития с абсолютным приоритетом для всего, что ведет к созданию современного военного потенциала.

Все зависит от условий, места и времени. И внутренние, и внешние условия оставляют социа-

лизму только этот путь к выживанию. В этом суть общей политики, сменяющей нэп. В основной своей части и в доступной общему пониманию форме она должна быть выражена как генеральная линия на всемерное форсирование индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и на усиление обороноспособности. Эта новая общая политика должна пронизывать все сферы жизни, без единого исключения.

Социально-экономическая и аграрная политика.

Отмена нэпа не есть возврат к политике “военного коммунизма” с его наивно-романтическими, легкомысленными, странными, “кавалерийскими”, наездническими, оторванными от реальности попытками ввести непосредственное распределение, упразднить торговлю и деньги. Полезные завоевания нэпа сохраняются. Товарно-денежные отношения, хозрасчет переходят из нэпа в новый экономический механизм, но приспособляются к его новому назначению. Цель нового экономического механизма, - с одной стороны, выжать максимально высокие темпы общего экономического роста, а с другой - обеспечить наибольшую перекачку средств из сельского хозяйства в промышленность, а в промышленности - из легкой в тяжелую, из гражданской в военную. Темпы роста имеют огромное значение. Но еще большее значение имеют струк-

турные изменения, создание и реконструкция отраслей, составляющих военно-экономический потенциал. Ради него можно поступиться всем. В самом крайнем случае - даже темпами общего роста. Задолго до войны - все для победы.

Народное потребление ограничивается прожиточным минимумом. Допускается его падение временами ниже этого уровня. Вместе с тем обеспечивается незначительный рост уровня потребления, достаточный для того, чтобы трудящиеся почувствовали, что социализм хотя бы в тенденции, хотя бы в перспективе обещает обеспеченную жизнь. То же самое в части распределения по труду. Различия в оплате труда минимальные, но имеющие стимулирующую силу. Фундаментальный принцип социализма - "от каждого - по способностям, каждому - по труду" фактически превращается в мобилизационный принцип: "от каждого - по общественным потребностям с учетом также и способностей, каждому - прожиточный минимум с небольшими добавками по характеру и результатам труда".

В организации производства - минимум демократии и максимум государственного, жестко централизованного распорядительства в планировании, снабжении, ценообразовании, определении уровня оплаты труда, распределении трудовых ресурсов по отраслям и предприятиям. В меру хозяйственной целесообразности - административное ограничение свободы выбора места работы и жительства, особенно для сельского населения (некоторое подобие крепостного права).

Ленинская формула о прочной опоре на бедноту, союзе с середняком и борьбе с кулаком реализуется в новых формах, новыми методами. Во-первых, кулачество не ограничивается, а окончательно искореняется; примерно миллион кулацких хозяйств ликвидируется, семьи либо высылаются в отдаленные районы, где есть недостаток в трудовых ресурсах, либо стихийно расселяются вне прежних мест жительства. Во-вторых, если не все, то большинство середняков и убеждением, и нажимом, в частности показательным "раскулачиванием" особо сопротивляющихся, вовлекается в коллективные хозяйства. В-третьих, бедняки, как правило, получают руководящее положение в колхозах, а также преимущества в дележе необобществляемого и остающегося бесхозным имущества раскулаченных. Последний эксплуататорский класс ликвидируется. Деревня превращается в социально однородную.

Сплошная коллективизация проводится, не взирая на неизбежное временное падение производства из-за того, что сельское хозяйство лишается значительного числа наиболее энергичных, квалифицированных и культурных работников, какими большей частью, конечно, являются кулаки и зажиточные середняки, а компенсация этих потерь потребует времени. Допускается небольшое отставание в снабжении деревни тракторами и другими машинами от темпов коллективизации.

Формируется система гарантированного получения государством товарной части продукции

по заниженным заготовительным ценам (сдача продукции как “первая заповедь”). Сельское хозяйство используется тем самым (в частности через экспорт зерна и импорт оборудования) как главный источник накопления для индустриализации, хотя бы это и вызывало недовольство по поводу взимания “дани” с крестьянства. Считается терпимым низкий уровень оплаты трудодней и даже “пустой” трудодень, хотя это и нежелательно. В этом случае государство как бы расплачивается с крестьянами в основном тем, что при условии выполнения установленного минимума трудодней колхозники стабильно пользуются предоставленными им приусадебными участками (примерно 3% от общей площади сельскохозяйственных угодий). По возможности обеспечивает небольшой, но заметный и обнадеживающий рост жизненного уровня колхозного крестьянства.

Идеология и нравственно-политическая культура.

Фактически - без употребления фиксирующего данное положение термина - разрабатывается и всячески пропагандируется идеология “мобилизационного” социализма. Подчеркивается и выпячивается отсутствие эксплуатации человека человеком, а не демократизм и благосостояние; единство коренных интересов народа, а не специфика и расхождение интересов разных слоев и групп, национальностей и народностей; социаль-

но-экономические права и их фактическое обеспечение социалистическим строем, а не политические права и их юридическое гарантирование. Критика "мобилизационного" социализма как казарменного, хотя бы она и имела основания, объявляется ревизионистской и клеветнической. Социалистический демократизм толкуется главным образом в том смысле, что партия и государство служат интересам народа и потому пользуются всенародной поддержкой. Мобилизационному социализму нужна демократия поддержки. Поддержки беззаветной, отнюдь не вынужденной. Без такой поддержки он не выполнит своих исторических задач. И не нужно ничего сверх демократии поддержки. Вместе с тем классические демократические права и свободы провозглашаются, обеспечивается их формальная, декларативная жизнь, они сохраняются в сознании народа как принципиальная основа социализма и его вдохновляющая перспектива.

Необозримое и неоднозначное идейное богатство марксизма-ленинизма сводится к его простой сути, к его доступной широкому пониманию сердцевине, к целенаправленно выбранным, систематически изложенным, пусть при этом упрощенным и схематизированным положениям - положениям, которые тесно связаны с принятой политической линией, теоретически объясняют ее, дают уверенность в ее научной обоснованности. Эти положения объявляются единственно верным и достаточным развитием марксизма-ленинизма применительно к целому историческому периоду

строительства социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения. Все, что выходит за рамки комментирования этих положений, все, что противоречит им, отвергается как излишнее и вредное. Никакого чрезмерного погружения в теорию, оторванную от практического действия! Дальнейшая теоретическая разработка фундаментальных проблем марксизма-ленинизма приостанавливается.

Идеологическая работа концентрируется на трех направлениях. Первое - социалистический патриотизм. Социалистическое Отечество - выше всего! Отношение каждого к Социалистическому Отечеству определяется не по громким словам и заверениям, а по конкретным трудовым и боевым делам. Второе - социалистическое трудовое и интернациональное братство. Допустимое при социализме социальное неравенство и вытекающие из него расхождения интересов сводятся к минимуму. Какая бы то ни было конкуренция исключается. Допускается и поощряется социалистическое соревнование: один работает хорошо, другой - лучше, передовик помогает отстающему. Социальные отношения - это всецело направляемые, организуемые и руководимые государством отношения товарищеского сотрудничества и братской взаимопомощи работников, граждан, коллективов, общностей, объединенных единством коренных интересов и политических целей. Все это распространяется и на межнациональные отношения, составляя их фундамент и повседневную жизнь. Третье направление - максималь-

ная идеологизация нравственности. Морально то, что служит социализму и Социалистическому Отечеству. Идеология и ее выражения в политике сращиваются с моралью, составляют доминанту морали, становятся высшим критерием в моральной оценке социального поведения и даже маломальски социально значимых фактов личного поведения людей. Эта линия реализуется вопреки сколь угодно обоснованным обвинениям партии и государства в идеологическом терроризме, в подавлении свободы личности, в отрицании автономности и суверенитета общечеловеческой морали, в ее политическом проституировании и т.д.

Данные идеологические принципы составляют социалистический символ веры. Отступления от него грозят виновному утратой уважения окружающих, остракизмом, отлучением от общества, чем-то вроде церковной анафемы. Было и остается верным: "высший закон - благо революции и Отечества".

Пропаганда внедряет отобранные и отфильтрованные положения марксистско-ленинской теории, идеологические и моральные принципы в народное сознание, приспособляя их к интересам и пониманию различных слоев и групп, дискредитируя и вытесняя все и всяческие идейные альтернативы, способные ослабить или расстроить нужную социально-политическую активность, единодушную поддержку принятого политического курса. Общий итог - сознательная, а неплохо - и фанатичная преданность большинства народа

великим социалистическим идеалам в том виде, как они осуществляются “здесь и теперь”.

Важнейшее направление в развитии массовой политической культуры - воспитание сознательной и вместе с тем железной дисциплины. Нужно сломить естественные для мелкобуржуазной в основном массы населения страны анархические традиции, “антиказенную”, бунтарскую, бурсаческую психологию, легкомысленную склонность полагаться на авось. Главное - сломить все это и сформировать народную привычку к исполнительской дисциплине. Отсюда - жесткие требования и к школе, и к организации коллективного производительного труда, и к проведению общественных кампаний.

Важнейший элемент массовой политической культуры - привычка к неукоснительному выполнению партийных директив, законов, распоряжений. Но вместе с тем - требовательное, критическое отношение к бездеятельному и корыстному начальству, как правило, непосредственному, низовому, высокое же начальство неприкосновенно до особого на то указания. Критика высшего политического руководства не допускается как дискредитирующая строй и политику. Критика бюрократического начальства разрешается и поощряется как средство контроля и воспитания.

Общеизвестно, что идеология господствующего класса является обычно преобладающей в обществе идеологией. Но простого преобладания мало. Оно предполагает существование более или менее влиятельных конкурирующих идеологий. К

ним в норме можно относиться терпимо. Но только в норме, в условиях достаточной стабильности. “Здесь и теперь” это не допустимо. Необходимо больше, чем преобладание, а именно: максимально возможная монополия социалистического идейного влияния. Никакого духовного двоевластия! Ничего такого, что питало бы раздвоенность политического сознания, толкало к поискам уже найденных идеалов! Это особенно важно в России, где литература и вообще художественное творчество, пользуясь непопулярностью и беспомощностью официальной идеологии, традиционно определяли идеологические ориентации фрондирующего, демонстрирующего самостоятельность образованного слоя.

Чем шире распространяется образованность в народе, тем важнее контролировать художественное творчество как сильнейшее средство идеологического воздействия на народ. Главная сила — литература и в целом искусство социалистического реализма. Формируется союз с творческой интеллигенцией, стоящей на социалистических позициях. Но и эта группа интеллигенции подлежит контролю. Тем более другие группы. Необходима жесткая идеологическая цензура. И самоцензура. Если Маяковский “смирлял себя, становясь на горло собственной песне”, то можно и нужно требовать того же от всех других. Или смирять их, если они не в состоянии понять всей важности морально-политического сплочения народа перед лицом смертельной угрозы социализму и беспрецендентности задач, стоящих перед страной, в

любви к которой все клянутся одинаково пылко. Невозможно уклоняться от необходимости сколь угодно жестко смирять тех “мастеров культуры”, которые сейчас вредят и мешают и не в состоянии дождаться времен, более благоприятных для желанной и желательной свободы художественного творчества. То же самое относится к идеологической стороне естественных наук.

Безграничная свобода научного творчества открывается в практических приложениях естественных наук, в технических науках, в изобретательстве, в освоении научно-технических достижений, служащих интересам народного хозяйства и обороне. По этому каналу и должна быть направлена интеллектуальная творческая активность, сюда нужно привлекать одаренных людей, создавать благоприятные условия для действительно полезной “здесь и теперь” работы. “Здесь Родос, здесь прыгай!”

Военная политика.

Успешное отражение военной интервенции в годы гражданской войны - хороший материал для военно-патриотической пропаганды. Дело пропаганды - не допускать пораженческих настроений, внушать уверенность в том, что победа в возможной войне будет одержана. Народ, не уверенный в победе в надвигающейся войне, уже проиграл ее. Нужно петь мужественные и бодрые песни о войне. Но пропагандистские песни и сказки не должны затуманивать головы ответственным по-

литикам и военным, скрывать коренной факт - неблагоприятное для нас соотношение сил, чреватое сокрушительным поражением. Войну лоб в лоб с крупным империалистическим государством нельзя смешивать с отражением интервенционистских экспедиционных сил, которые несут лишь малую долю его военной мощи и решают ограниченную задачу. Страна должна быть подготовлена к тягчайшему испытанию - к современной войне во всех ее измерениях, а именно к войне на уничтожение, к народной войне, к технической войне ("войне моторов").

Война есть, по выражению Маркса, "человекоубойная промышленность". Это своеобразное "производство", имеющее свои объективные законы. Объективные законы этого "производства" повернуты к нам своей суровой, невыгодной стороной. Правде нужно смотреть в лицо. "Производительность труда" в этой "промышленности", т.е. соотношение числа убитых солдат каждой стороны, приблизительно соответствует общему соотношению уровней производительности общественного труда в той и другой стране. Мы уступаем в уровне производительности общественного труда крупным империалистическим государствам раз в пять, если не больше. Значит, столь же огромно отставание в "человекоубойной промышленности". Значит, при прочих равных условиях будем в общем нести раз в пять больше потерь, чем противник. Такова неумолимая тенденция. При прочих равных условиях. Но и они могут быть неравными к нашей

невыгоде. Известно, что организация удешевляет силы. Но высокая организация обычно сопутствует высокому уровню производительности общественного труда, обусловливается таким уровнем, является его элементом. Значит, отнюдь не исключено, что преимущества в организации могут удешевить не наши силы, а силы противника. Значит, удешевить наши потери. Это сделало бы потери непереносимо большими. Терять, как и в первую мировую войну, придется больше, но есть предел. Вдвое, втрое вынести можно, впятеро - нельзя.

Ситуация такова, что даже при больших людских ресурсах и большом пространстве, на котором противник будет распылять свои войска, перспективы войны при сложившемся соотношении сил для нас самые мрачные, если не считать приемлемой такую перспективу, как утрата социалистической, а то и всякой государственности и ведение после этого долгой подпольной и повстанческой борьбы. Такова суровая правда, требующая крайнего образа действий в целях непеременимого крутого изменения сложившегося соотношения сил.

Военная политика, основанная на признании неизбежности войны и ориентирующаяся не на "терпимое" поражение (в войне на уничтожение нового общественного строя, а то и самого народа, которую империалистические государства будут вести против первой страны социализма, такой исход в отличие от времен Брестского мира теперь практически исключен), а на решительную

победу, в сложившихся условиях может быть только следующей.

В оставшееся до войны время максимально сокращается огромный разрыв в базовом элементе соотношения сил - уровне производительности труда, технике производства. Полное преодоление отставания нереально, но можно ориентироваться на его сокращение примерно вдвое. Предельно форсированная индустриализация, а потом и механизация сельского хозяйства сыграют наряду с прочим и ту роль, что послужат единственно реальным путем ускоренного массового повышения технического уровня работников, дадут армии кадры, способные владеть новой военной техникой.

Вся совокупность "прочих условий", фатально не связанных с неустранимыми недостатками общего развития, поднимается до уровня, позволяющего в максимальной мере компенсировать эти недостатки. Создаются современные вооружения всех видов, как правило, превосходящие вооружения противника по боевым свойствам, надежности, простоте эксплуатации. Поднимается на самый высокий уровень престиж военной службы, армия пестуется и холится и в то же время воспитывается в духе самоотверженности и самопожертвования. В офицерский корпус привлекается одаренная энергичная молодежь. Готовятся и смело выдвигаются на высокие посты командирские кадры, способные отрешиться от любования славным прошлым, от устаревшего военного опыта, стремящиеся осваивать и развивать

новые формы и методы боевых действий и вооруженной борьбы в целом. Всячески поощряется солдатская смекалка. Железная дисциплина соединяется с безупречной организованностью. В нешадащем режиме проводится боевая выучка войск, неукоснительно реализуется принцип "тяжело в ученье - легко в бою". По независимым друг от друга и дублирующим друг друга линиям (вооруженные силы и органы госбезопасности) организуется глубокая разведка (которая правильно уподобляется дереву, дающему плоды спустя много лет после посадки).

Поскольку в общем развитии и в специальных мерах повышения обороноспособности время работает на нас, война оттягивается до самой последней возможности. Противоречия между империалистическими блоками используются таким образом, чтобы ни в коем случае не оказаться в состоянии войны с одним блоком при нейтралитете другого. Всеми правдами и неправдами надо добиться того, чтобы война, развязанная против СССР одним империалистическим блоком, велась нами в союзе с другим империалистическим блоком.

Репрессивная политика.

Преследуются две цели: очищение общества от действующих и потенциальных врагов социа-

лизма и принуждение к железной дисциплине. Первая и главная цель - очищение общества от врагов социализма. Сколько их у социалистического государства, отвергающего мелкобуржуазный, кулацкий "социализм", уничтожающего вместе с основными эксплуататорскими классами их остатки, "обижающего" вместе с ними их идеологических прихлебателей и холопов из трудящихся классов? Думать, что врагов у социализма мало, что счет ведется не на миллионы, могут только политические недоросли, недоучившиеся митрофанушки, которым невтерпёж примириться с поверженной реакцией, срастись с ней, "жениться" на ней и "перевоспитывать" ее в обстановке семейной идиллии.

Не следует проводить большое различие между действующими и потенциальными врагами социализма. Неизвестно, какие хуже. Потенциальные враги социализма самого разного толка, сейчас присмирившие, притихшие, почти "перевоспитавшиеся", замаскировавшиеся в неблагоприятной для них обстановке, не представляют большой актуальной опасности в условиях социалистического строительства и потому мало тревожат деятелей, страдающих политической близорукостью. Потенциальные враги социализма проявят себя в последующий критический период, в период войны самым опасным образом - массовым предательством, повстанчеством, актами диверсий, разлагающим влиянием на окружающих. Пренебречь этой опасностью можно только при очень уж благоприятном соотношении

сил. Между тем оно скорее всего будет неблагоприятным. Не исключено, что все будет висеть на волоске. Вражеская деятельность в стране может стать решающим фактором поражения.

По сути дела, в условиях внешней войны, империалистического нашествия неизбежны или, по меньшей мере, вероятны стертые, а то и прямые и открытые формы гражданской войны. Как предотвратить ее или свести к минимуму? Лучший выход - до внешней войны произвести погребение действующих и потенциальных внутренних врагов социализма в земле или глубоком тылу... В принципе лучше в глубоком тылу: это будет одновременно решением проблемы рабочих рук в отдаленных малонаселенных районах, проблемы освоения в них природных богатств.

Определение Лениным диктатуры пролетариата как состояния "придавленной войны против противников пролетарской власти" нужно практически распространить не только на действующих, но и на потенциальных противников. История не прощает мягкотелости.

Поскольку гражданская война в условиях внешней войны неизбежна или хотя бы вероятна, нужно заблаговременно, по собственной инициативе и в нужный момент, в своих формах провести придавленную гражданскую войну. Одной открытой гражданской войны в нашей стране оказалось мало. Нужна вторая, прикрытая и "придавленная". Она может быть обоснована тезисом об обострении классовой борьбы по мере нарастания успехов в социалистическом строи-

тельстве. Главное, жизненно важное для судеб социализма заключается в том, что внешняя война и гражданская война ни в коем случае не должны слиться. Их одновременность означает катастрофу. Необходимо превентивно развязать (благовидный предлог найдется) и выиграть “придавленную” гражданскую войну. Причем сделать это заблаговременно, за несколько лет до внешней войны, чтобы раны от генеральной чистки общества успели хотя бы затянуться. Таков центральный пункт политики в сфере подавления.

Перевоспитание людей, не приемлющих социализм, даже отдельных врагов социализма в принципе возможно, особенно на патриотической основе. Но в отношении взрослых людей и в массовом масштабе это нереально. Другое дело - подрастающее поколение, формирующееся в условиях перекрестного влияния родительской и общей среды. Молодое поколение в массе можно и нужно отнять у остатков эксплуататорских классов, ему должны быть открыты двери в новую жизнь. Сын за отца не отвечает. Но допускается в новую жизнь не без дополнительного контроля, входит в новое общество как такой его “почти полноправный” член, которому предстоит особо доказывать свою благонадежность.

Вторая, “не менее главная”, а может быть, “еще более главная”, конструктивная цель репрессивной политики - массовое принуждение к железной дисциплине, массовое воспитание гражданской честности и обязательности. Нужно

сломить и искоренить вековую психологию “расейского” анархизма, кумовства, воровства. Одних идеологических мер здесь недостаточно. Мириться с положением, когда “Васька слушает да ест”, “блат выше Совнаркома” - значит сделать социалистическое государство посмешищем, обессилить власть во всех ее проявлениях, в ее созидательных начинаниях. Нужна сильная, не верящая слезам, непреклонная власть. Народ ее поймет и примет.

Марксизм-ленинизм считает репрессии, даже “революционный террор”, необходимым средством переустройства общества, воспитания дисциплины. Они и должны решительно применяться. При том принципиальном ограничении, что не должен быть подменен ведущий мотив массового социально-политического поведения. Социалистические убеждения большинства народа, его готовность к самоотверженному труду и героической защите Родины ни в коем случае не должны уступить места голому страху. Страх лепит трусов - войне нужны герои. Но пусть и страх возникает в сознании и подсознании каждого при любых ненадлежащих, “греховных” намерениях. Социалистические убеждения, если угодно, “социалистическая вера” и страх ответственности за измену этим высоким убеждениям, этой вере вполне соединимы таким образом, чтобы люди в своем подавляющем большинстве чувствовали, что социализм, служение Отечеству выбраны ими самими, сознательно и свободно. Такое соедине-

ние убежденности и страха, веры и страха и должно быть достигнуто.

Политическое руководство и система управления.

Не подлежит сомнению, что история требует от страны, народа, партии творческого напряжения, лишений и жертв, превышающих человеческие возможности. Борьба за выживание и строительство социализма при общем неблагоприятном соотношении мировых и во многом внутренних сил не может обойтись без поражений и острых критических ситуаций, без “зависания над пропастью”, без провалов, ошибок и их исправлений, без крутых поворотов в политике. В этих условиях абсолютно необходимо абсолютное единство и дееспособность политического руководства и абсолютное доверие к нему большинства народа. В противном случае - крах на всех направлениях, общая катастрофа.

В первое десятилетие после Октября полное единство политического руководства не сложилось и не могло сложиться. Оно должно сложиться во второе десятилетие после Октября. Иначе третье десятилетие станет последним в истории российского социализма.

По Ленину, “политические трения являются величайшей опасностью”. Именно величайшей опасностью. Это сказано на X съезде партии, на входе в относительно спокойный (но и коварный

в этом своем спокойствии) период нэпа. История показала, что предупреждение было верным. Оно вдвойне верно на входе в период отказа от нэпа, в период форсирования глубочайших преобразований, в предвоенный период и в неизбежный период войны. Никакого политического двоевластия!

Нужно до конца извлечь урок из ситуации Бреста. В чем ее суть? Разброд в ЦК связывает Ленину руки. Он не в состоянии своевременно провести свое единственно верное единоличное решение. Случайности препирательств, “революционная” самонадеянность и политическая наивность подготовишек от марксизма, сантименты, истерики, фразерство, соблазны честолюбия - и судьба революции повисает на волоске. Волосок мог быть срезан. Это было бы платой за отсутствие единства политического руководства. Нельзя закрывать глаза на то, что необходимое единство могло быть обеспечено лишь диктатурой вождя. И это не было бы крахом идеологии. По Ленину, “нет ничего ошибочнее” мнения, “будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления”. Совместима, вполне совместима.

Трения в высшем руководстве, если отвлечься от личных мотивов, вульгарной борьбы за власть, отражают, как правило, расхождения и противоречия в социальной опоре революции, в политической основе партии и государства и в то же время контрреволюционное и обывательское

давление на партию и государство со стороны враждебных и промежуточных классов и общественных групп. Трения в высшем руководстве, следовательно, полезны как показатель напряжений в общественной жизни. С ними, этими трениями, можно мириться и извлекать из них определенную пользу - но только в условиях спокойного, стабильного развития. Если таких условий нет, трения в высшем политическом руководстве - это излишняя роскошь, которую партия могла позволить себе разве что при Ленине, да и то без всякой охоты. Улавливать напряжения в общественной жизни и понимать их суть можно и без трений в высшем политическом руководстве. Достаточно и коллективного разума единомышленников, разума, всесторонне взвешивающего неясную ситуацию, "разыгрывающего" ее за разных участников общественного процесса. Характер предстоящего развития требует, чтобы с трениями в высшем политическом руководстве и их источником (если не объективным - положением и интересами классов и общественных групп, то субъективным - открытыми и скрытыми оппозициями и фракциями) было решительно покончено. Если не навсегда, то надолго.

В силу конкретно-исторических условий, в частности в силу традиций и устремлений, характера общей и политической структуры тех поколений, на которые пала великая историческая миссия защитить и утвердить социализм, - в силу всего этого полное единство высшего политического руководства достижимо лишь при особом

положении первого руководителя, выступающего одновременно в качестве вождя народа. Это не противоречит марксистскому учению о роли личности и народных масс в истории. При том, что вождизм не есть общая норма. Это скорее “экстраординарная норма”, точнее, крайнее выражение общей нормы или ситуационно допустимое исключение из общей нормы. Так или иначе, в предстоящий период вождизм будет необходим, полезен, а значит, обязателен.

Вождь необходим, а второго Ленина нет и не видно. Кому быть вождем? После смерти Ленина конкуренция политических курсов, сама по себе острая, обострилась борьбой за вакансию. На эту конкуренцию наложились личные виды и амбиции деятелей, которые при Ленине признавали его превосходство. После смерти Ленина каждый из них считал себя предпочтительным претендентом на роль первого руководителя, видел вождем себя и только себя. Что ж, жесткий отбор пройден. История как бы специально отвела на этот отбор несколько лет бескомпромиссной внутриполитической борьбы по всему фронту социалистической политики. В этой борьбе верх взял Сталин. Ему и объективно и по его собственному пониманию и признанию далеко до Ленина, но, если взять не отдельные качества, а их совокупность, способности “многоборца”, то другим еще дальше. Он победил сначала идейно и политически, а потом уже организационно. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков отпали. Дорога им - в небытие.

На роль вождя Сталин выдвинулся естественным образом. Теперь остается только признать этот факт и то, что вождей не меняют. Нужно смириться с тем, что Сталин, не являющийся вторым Лениным, будет выступать в этом недостижимо высоком качестве - как "Ленин сегодня".

Другим руководителям придется принять это превращение, даже если это не естественное превращение подросшего "гадкого утенка" в лебедя, а перекрашивание селезня в лебедя. Больше того, придется принять и проповедывать миф о его практической непогрешимости: логика вождизма обязывает, а ошибающийся вождь - не вождь. Поскольку же ошибки неизбежны, то потребуются и козлы отпущения. Тем крупнее, чем серьезнее ошибки, которых не удастся избежать вождю.

Оппозиция разгромлена и рассеяна. Решен ли тем самым окончательно и бесповоротно вопрос о единстве политического руководства? Нет, не решен. Бывшая оппозиция вроде бы совершает политическое самоубийство, отрекаясь от своих взглядов, клянясь в верности генеральной линии партии, пресмыкаясь перед Сталиным, восхваляя его как "великого продолжателя дела Ленина". Подобно одному герою Маяковского, "лизет в пояс, лизет ниже". Все так, и это неплохо. Но бывшие оппозиционеры остались. Они не могут не стремиться вернуть себе прежнее руководящее положение в партии. Иного не бывает. От власти и не отказываются, и не отвыкают. Публично пресмыкаясь перед "великим продолжате-

лем", они дружно вычеркивают его на съезде из бюллетеней при выборах членов ЦК. Это не только двурушничество, но и вызов. Они посылают своим сторонникам и колеблющимся в руководящем слое партии, в партийных массах, в обществе сигнал, что существуют и надеются. Само их физическое существование подбадривает сторонников отвергнутых политических курсов, ослабляет веру в генеральную линию партии и в тех, кто ее представляет и проводит. Троцкий призывает из-за границы свое охвостье в стране к сохранению сил, проникновению в систему власти, подготовке к гражданской войне - он и его охвостье получают гражданскую войну.

Революция требует жертв. Не в последнюю очередь от выпавших из колесницы и путающихся под ногами незадачливых руководителей. В условиях непримиримого противоборства и предельного напряжения сил, когда организация решает все, не обойтись без физического уничтожения остатков оппозиции. Особенно остатков той ее части, которая (правые уклонисты) имеет немалую социальную опору в лице кулаков, обиженных середняков, прикрытых нэпманов, всей мелкобуржуазной стихии. И, увы, жаждущих более спокойной жизни миллионов трудящихся. К двурушничавшей оппозиции, учитывая относительную легкость, соблазн и смертельную опасность военных заговоров, нужно приравнять военных руководителей, имеющих политические притязания, а также тех, у кого есть поводы не доверять компетентности высшего политического

руководства, сомневаться в неукоснительности выполнения его решений. Противники принятого политического курса, действующие и потенциальные, установленные и вероятные, должны не просто уничтожаться или изолироваться, но и компрометироваться как государственные преступники, изменники, враги народа. Радикальная чистка не может обойтись без издержек, без ударов по невинным. Тем не менее она необходима.

Проведение этой линии в жизнь означает, что членам высшего политического руководства и прежде всего “вождю народа” придется подавлять в себе колебания и обычные человеческие чувства, преступать моральные принципы, стать, если угодно, злодеем и освоить технологию злодейства, пренебрегать личными привязанностями и симпатиями, обречь себя на муки совести. А впоследствии неотвратимо предстать перед судом истории. Это тоже неизбежные издержки.

В свое время Кромвель побеждал благодаря своим “железнобоким”. Никакая революция не обходится без “железнобоких”. Партия большевиков, в первую голову ее актив, сложилась как своего рода орден меченосцев, направляющий и одухотворяющий деятельность Советского государства, противостоящий инертности, своекорыстию и давлению бюрократизированного государственного аппарата. В меру возможности проводится внутрипартийная демократия, включая широкое обсуждение проблем (при запрете фракций и группировок), самокритику и критику снизу (прежде всего направленную против бюрокра-

тившихся сановников и чиновников). В меру возможности партия остается самостоятельным организмом, живущим самостоятельной идейной и практической жизнью. В меру возможности, но не больше. При необходимости, при любом кризисе внутрипартийная демократия свертывается, партия милитаризуется и управляется как строго централизованная организация, члены и особенно актив которой служат ей жизнью и кровью, действуя в режиме железной дисциплины. Естественная и еще в большей мере искусственно форсируемая смена поколений в руководящем партийном слое связана со сменой типичной фигуры старого революционера, нередко трудноуправляемого, типичной фигурой партийного работника. Работник идет на смену революционеру. В слой руководящих партийных работников не должны попадать, а, попав, должны беспощадно вычищаться болтуны, хапуги и беспринципные карьеристы. В этот слой должны отбираться идейные компетентные работники - не только однолюбцы в идеологии и политике (их всепоглощающая любовь - социализм, большевизм, генеральная линия), но и духовно преданные "магистру ордена" - первому руководителю партии.

Система управления в стране строится на основе "мобилизационной формы демократического централизма" - максимальной концентрации и централизации власти с допущением и поощрением лишь исполнительной и совещатель-

ной инициативы неведущих и нижестоящих звеньев, “приводных ремней” от партии к массам.

На каждом уровне управления центром власти является партия, ее комитеты. Фактическая власть сосредотачивается в руках первого секретаря парткома, от ЦК до райкома. Любой плюрализм в осуществлении власти, любое “разделение власти” отвергается как источник ослабления единства, надежности и оперативности управления. Всестороннее обдумывание и взвешивание решений обеспечивается коллегиальными началами в деятельности парткомов, созданием оперативно работающих комиссий с привлечением специалистов и предоставлением первому секретарю парткома права принятия окончательного решения в случае разногласия. Советы формируются соответствующими партийными органами как по существу совещательные и поддерживающие, а формально полновластные органы, принимающие основные государственные решения. Обеспечивается представительство в Советах всех слоев и групп населения как для проверки на депутатах качества принимаемых решений; так и для демонстрации единодушной поддержки этих решений всем народом. Административный аппарат, формально создаваемый Советами, подотчетный и подконтрольный им, фактически работает под непосредственным руководством соответствующих партийных комитетов. При формальном признании независимости судов и их подчинении только закону, они фактически подчинены партийным комитетам соответствующего уровня.

В массовых репрессивных кампаниях, а также по отдельным делам, которые рискованно проводить через суд, действуют органы внесудебной репрессии.

Как и концентрация управления на каждом уровне, его централизация доводится до практически достижимого предела. Все существенное решается в центре - Политбюро ЦК, имеющем в качестве основных рабочих инструментов отделы ЦК, Госплан, Генштаб и специализированные отраслевые ведомства. Предприятия, учреждения, другие организации функционируют в режиме неукоснительного директивного планирования, а именно получают плановые задания, выводимые из единого государственного плана, и выполняют их во что бы то ни стало, приспособляясь к складывающейся на месте конкретной обстановке. Инициатива снизу, в том числе и в части выдвижения и обсуждения целей деятельности, поощряется, но никак не взамен выполнения заданий. Ответственность за невыполнение заданий - неотвратимая и чаще всего жесткая. В виде исключения она может смягчаться лишь для вновь назначенных, формирующихся работников. Кадры заботливо выращиваются, они решают все. Престиж работников аппарата управления поддерживается на высоком уровне, аппарат рассматривается как важнейшее звено в системе власти, пользуется умеренными привилегиями, но его попытки вести свою линию, заботиться больше о себе, чем о деле, его своеволие и бюрократические извращения в его работе преследуются как

вредительство или наравне с вредительством. Никакого бюрократического двоевластия!

Такую речь мог бы сказать Иосиф Сталин. Такой представляется политическая доктрина сталинизма, если описать ее “изнутри”. Такой, вероятно, она существовала в сознании ее авторов, прежде всего И.В.Сталина, служа подосновой десятка-другого стратегических и тысяч стратегически значимых решений, воплощаясь в миллионах политических и политически значимых действий. Возможно, выявятся прямые документы об элементах доктрины, хотя далеко не все доверялось бумаге. Думается, содержание этой политической доктрины, изложенное в откровенной, местами не свободной от цинизма форме, отвечает историческим свидетельствам и с достаточной полнотой объясняет фактическую сторону сталинизма в неразрывном сочетании ее позитивных и негативных измерений. При неизбежных ошибках и срывах эта доктрина была в целом осуществлена, стала реальным сталинизмом, обремененным сталищиной.

Только имея перед мысленным взором целостную картину сталинизма, включая его политическую доктрину, можно понять невероятно противоречивый, величайший и тягчайший период нашей истории, в частности роль в ней Иосифа Сталина - гениального политика-революционера, поправшего моральные принци-

пы, обязательные и для революционной политики. В противном случае остается выдергивать отдельные эпизоды, "подтверждающие" заранее сложившееся или заданное мнение, соответственно восторгаться или возмущаться Сталиным и безапелляционно изрекать легковесные суждения.

Воссоздание политической доктрины сталинизма в ее целостности позволяет сделать по меньшей мере три вывода, имеющие отношения к современным дискуссиям о сталинизме.

Во-первых, становится очевидным и наглядным, что сталинизм - это "тотальная мобилизация" всех мыслимых и немыслимых факторов, которые в тех критических условиях могли быть поставлены на службу социализму, народу, стране и противопоставлены грозному фронту неблагоприятных факторов; это системная мобилизация факторов, благодаря согласованному использованию которых Советский Союз в 30-е и 40-е гг. превратился в развитую индустриально-аграрную страну, отстоял социалистические завоевания в Великой Отечественной войне. Хлесткие суждения, что победы были достигнуты не благодаря, а вопреки действиям Сталина, при сопоставлении с реальными фактами обнаруживают полную несостоятельность.

Во-вторых, совершенно очевидно, что та сторона сталинизма, вокруг которой ведутся наиболее острые споры, а именно его репрессивная политика, - это его органический элемент. Смешны и наивны благонамеренные попытки вульгарного сталинизма отрицать этот факт, не видеть в ста-

линизме пропитавшей его сталинщины, утверждать, что здесь все дело в случайных ошибках, в эксцессах усердных не по разуму исполнителей, в неполной осведомленности Сталина и т.п. Нет, речь идет именно об органическом элементе сталинизма, проникшем во все его поры, несшем на себе свою долю общей нагрузки.

В-третьих, становится более ясным, что в репрессивной политике сталинизма не все оправдывалось чрезвычайными обстоятельствами. Здесь политическая логика сталинизма, затуманенная подозрительностью и ненавистью, закусил моральные удила, стала чрезмерной, соскользнула к абсурду. Здесь, в этой своей части сталинизм выродился в сталинщину. Допущенные жестокости и беззакония сыграли, вопреки расчетам, крайне отрицательную роль. В этой части суждения об исторической незакономерности и огромном вреде сталинизма, о победах народа вопреки действиям Сталина нужно признать истинными. Сталинщина наложила на сталинизм несмываемое пятно злодейства. По Пушкину, "гений и злодейство - две вещи несовместные". Если это и верно, то не для политики.

Историю сталинизма еще предстоит написать.

3. Реальности сталинизма.

Этот заголовок настраивает читателя на ожидание того, что ему наконец сообщат достаточно

полные достоверные данные о сталинских репрессиях. Такие данные приведены в конце главы. Но для правильного понимания сталинизма ознакомление с его реальностями лучше начать с того, какими были его цели и насколько полно они были достигнуты. Благие цели отнюдь не оправдывают любые средства, но цели в определенных границах обуславливают необходимые средства. В начале были цели.

Оценивая реальности сталинизма, нужно, в соответствии с непререкаемым юридическим принципом, выслушать и самого Сталина. Находясь в положении обвиняемого, что отчасти справедливо, он в научной литературе и публицистике уже лет сорок молчит, что не только не справедливо, но и не способствует прояснению истины.

Сталин об итогах своей политики.

В истории сталинизма естественным образом выделяется три этапа: довоенный, военный и послевоенный. На переходе от второго этапа к третьему Сталин в предвыборном выступлении 9 февраля 1946 г. подвел итоги первых двух этапов и сделал наброски для третьего. Надеюсь, читатель не посетует на меня за обильное цитирование этого емкого выступления. Итак, слово "обвиняемому" - И.В.Сталину. Вот извлечения из его речи 9 февраля 1946 г. :

"Было бы неправильно думать, что вторая мировая война возникла случайно или в результате ошибок тех или иных государственных деяте-

лей, хотя ошибки безусловно имели место. На самом деле война возникла как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма...

Таким образом, в результате первого кризиса капиталистической системы мирового хозяйства возникла первая мировая война, в результате же второго кризиса возникла вторая мировая война.

Это не значит, конечно, что вторая мировая война является копией первой. Наоборот, вторая мировая война существенно отличается от первой своим характером. Следует иметь ввиду, что главные фашистские государства - Германия, Япония, Италия - раньше чем напасть на союзные страны уничтожили у себя последние остатки буржуазно-демократических свобод, установили у себя жестокий террористический режим, растоптали принцип суверенитета и свободного развития малых стран, объявили политику захвата чужих земель своей собственной политикой и заявили во всеуслышание, что они добиваются мирового господства и распространения фашистского режима во всем мире, причем захватом Чехословакии и центральных районов Китая государства оси показали, что они готовы осуществить свою угрозу насчет порабощения всех свободолюбивых народов. Ввиду этого вторая мировая война против государств оси, в отличие от первой мировой войны, приняла с самого начала характер войны антифашистской, освободительной, одной из задач которой являлось также восстановление демо-

кратических свобод. Вступление Советского Союза в войну против государств оси могло лишь усилить - и действительно усилило - антифашистский и освободительный характер второй мировой войны...

Что касается нашей страны, то эта война была для нее самой жестокой и тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины.

Но война была не только проклятием. Она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа. Война обнажила все факты и события в тылу и на фронте, она безжалостно сорвала все покровы и прикрытия, скрывавшие действительное лицо государств, правительств, партий, и выставила их на сцену без маски, без прикрас, со всеми их недостатками и достоинствами. Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей коммунистической партии и подвела итоги их работы, как бы говоря нам: вот они, ваши люди и организации, их дела и дни, - разглядите их внимательно и воздайте им по их делам.

В этом одна из положительных сторон войны...

Итак, каковы итоги войны?

... Мы окончили войну полной победой над врагами, - в этом главный итог войны. Но это слишком общий итог, и мы не можем поставить здесь точку...

Наша победа означает, прежде всего, что победил наш советский **общественный** строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность...

Теперь мы можем сказать, что война опрокинула все утверждения иностранной печати, как беспочвенные. Война показала, что советский общественный строй является подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой, что советский общественный строй является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества.

Более того ... Теперь речь идет о том, что советский общественный строй оказался более жизнеспособным и устойчивым, чем несоветский общественный строй, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй.

Наша победа означает, во-вторых, что победил наш советский **государственный** строй, что наше многонациональное советское государство выдержало все испытания войны и доказало свою жизнеспособность.

Как известно, видные деятели иностранной печати не раз высказывались в том духе, что советское многонациональное государство представляет "искусственное и нежизненное сооружение", что в случае каких-либо осложнений развал

Советского Союза является неотвратимым, что Советский Союз ждет судьба Австро-Венгрии.

...Эти господа не поняли, что аналогия с Австро-Венгрией несостоятельна, ибо наше многонациональное государство выросло не на буржуазной основе, стимулирующей чувства национального недоверия и национальной вражды, а на советской основе, которая, наоборот, культивирует чувства дружбы и братского сотрудничества между народами нашего государства.

...Теперь речь идет о том, что советский государственный строй оказался образцом многонационального государства, что советский государственный строй представляет такую систему государственной организации, где национальный вопрос и проблема сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве.

Наша победа означает, в-третьих, что победили советские вооруженные силы, победила наша Красная Армия...

...Война показала, что Красная Армия является не "колоссом на глиняных ногах", а первой-классной армией нашего времени, имеющей вполне современное вооружение, опытнейший командный состав и высокие морально-боевые качества. Не нужно забывать, что Красная Армия является той самой армией, которая наголову разбила германскую армию, вчера еще наводившую ужас на армии европейских государств...

Так понимаем мы конкретно победу нашей страны над ее врагами.

Таковы в основном итоги войны.

Было бы ошибочно думать, что можно добиться такой исторической победы без предварительной подготовки всей страны к активной обороне. Не менее ошибочно было бы полагать, что такую подготовку можно провести в короткий срок, в течение каких-либо трех - четырех лет. Еще более ошибочно было бы утверждать, что мы добились победы благодаря лишь храбрости наших войск. Без храбрости, конечно, невозможно добиться победы. Но одной лишь храбрости не достаточно для того, чтобы одолеть врага, имеющего многочисленную армию, первоклассное вооружение, хорошо обученные офицерские кадры и неплохо поставленное снабжение. Чтобы принять удар такого врага, дать ему отпор, а потом нанести ему полное поражение, для этого нужно было иметь, кроме беспримерной храбрости наших войск, вполне современное вооружение и притом в достаточном количестве и хорошо поставленное снабжение - тоже в достаточных размерах. Но для этого необходимо было иметь и притом в достаточном количестве такие элементарные вещи, как: металл - для производства вооружения, снаряжения, оборудования для предприятий; топливо - для поддержания работы предприятий и транспорта; хлопок - для производства обмундирования; хлеб - для снабжения армии.

...На подготовку этого грандиозного дела понадобилось осуществление трех пятилетних планов развития народного хозяйства. Именно эти

три пятилетки помогли нам создать эти материальные возможности. Во всяком случае положение нашей страны в этом отношении перед второй мировой войной, в 1940 году, было в несколько раз лучше, чем перед первой мировой войной, в 1913 году...

Что касается 1940 года, то в течение этого года в нашей стране было произведено: 15 миллионов тонн **чугуна**, т.е. в 4 раза больше, чем в 1913 году; 18 миллионов 300 тысяч тонн **стали**, т.е. в 4 с половиной раза больше, чем в 1913 году; 31 миллион тонн **нефти**, т.е. в 3 с половиной раз больше, чем в 1913 году; 166 миллионов тонн **угля**, т.е. в 5 с половиной раз больше, чем в 1913 году; 38 миллионов 300 тысяч тонн **товарного зерна**, т.е. на 17 миллионов тонн больше, чем в 1913 году; 2 миллиона 700 тысяч тонн **хлопка-сырца**, т.е. в 3 с половиной раза больше, чем в 1913 году...

Разница, как видите, колоссальная.

Такой небывалый рост производства нельзя считать простым и обычным развитием страны от отсталости к прогрессу. Это был скачок, при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной - в индустриальную.

Это историческое превращение было проделано в течение трех пятилеток, начиная с 1928 года, - с первого года первой пятилетки. До этого времени нам пришлось заниматься восстановлением разрушенной промышленности и залечиванием ран, полученных в результате первой миро-

вой войны и гражданской войны. Если при этом принять во внимание то обстоятельство, что первая пятилетка была выполнена в течение 4 лет, а осуществление третьей пятилетки было прервано войной на четвертом году ее исполнения, то выходит, что на превращение нашей страны из аграрной в индустриальную понадобилось всего около 13 лет.

Нельзя не признать, что тринадцатилетний срок является невероятно коротким сроком для осуществления такого грандиозного дела.

Этим, собственно, и объясняется, что опубликование этих цифр вызвало в свое время в иностранной печати бурю разногласия. Друзья решили, что произошло “чудо”. Недоброжелатели же объявили, что пятилетки являются “большевистской пропагандой” и “фокусами Чека”. Но так как чудес на свете не бывает, а Чека не так сильна, чтобы отменить законы общественного развития, то “общественному мнению” за границей пришлось примириться с фактами.

При помощи какой политики удалось коммунистической партии обеспечить эти материальные возможности в стране в такой короткий срок?

Прежде всего при помощи советской политики индустриализации страны.

Советский метод индустриализации страны коренным образом отличается от капиталистического метода индустриализации. В капиталистических странах индустриализация обычно начинается с легкой промышленности. Так как в легкой промышленности требуется меньше вложе-

ний и капитал оборачивается быстрее, причем получение прибыли является более легким делом, чем в тяжелой промышленности, то легкая промышленность становится там первым объектом индустриализации. Только по истечении длительного срока, в течение которого легкая промышленность накапливает прибыли и сосредоточивает их в банках, только после этого наступает очередь тяжелой промышленности и начинается постепенная перекачка накоплений в тяжелую индустрию для того, чтобы создать условия для ее развертывания. Но это - процесс длительный, требующий большого срока в несколько десятилетий, в течение которого приходится ждать развития легкой промышленности и прозябать без тяжелой промышленности. Понятно, что коммунистическая партия не могла стать на этот путь. Партия знала, что война надвигается, что оборонять страну без тяжелой индустрии невозможно, что опоздать в этом деле - значит проиграть. Партия помнила слова Ленина о том, что без тяжелой индустрии невозможно отстоять независимость страны, что без нее может погибнуть советский строй. Поэтому коммунистическая партия нашей страны отвергла "обычный" путь индустриализации страны и начала дело индустриализации страны с развертывания тяжелой индустрии. Это было трудно, но преодолимо. Большую помощь в этом деле оказала национализация промышленности и банков, давшая возможность быстрого сбора и перекачки средств в тяжелую индустрию.

Не может быть сомнений, что без этого невозможно было добиться превращения нашей страны в индустриальную страну в такой короткий срок.

Во-вторых, при помощи политики коллективизации сельского хозяйства.

... Коммунистическая партия не могла стать на капиталистический путь развития сельского хозяйства не только в силу принципиальных соображений, но и потому, что он предполагает слишком длительный путь развития и требует предварительного разорения крестьян, превращения их в батраков. Поэтому коммунистическая партия стала на путь коллективизации сельского хозяйства, на путь укрупнения сельского хозяйства путем объединения крестьянских хозяйств в колхозы. Метод коллективизации оказался в высшей степени прогрессивным методом не только потому, что он не требовал разорения крестьян, но и особенно потому, что он дал возможность в течение нескольких лет покрыть всю страну крупными коллективными хозяйствами, имеющими возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать стране побольше товарной продукции.

Нет сомнения, что без политики коллективизации мы не смогли бы покончить в такой короткий срок с вековой отсталостью нашего сельского хозяйства.

Нельзя сказать, чтобы политика партии не встречала противодействия. Не только отсталые люди, всегда отмахивающиеся от всего нового, но

многие видные члены партии систематически тянули партию назад и старались всяческими способами стащить ее на “обычный” капиталистический путь развития. Все антипартийные махинации троцкистов и правых, вся их “работа” по части саботажа мероприятий нашего правительства преследовали одну цель: сорвать политику партии и затормозить дело индустриализации и коллективизации. Но партия не поддавалась ни угрозам одних, ни воплям других и уверенно шла вперед, несмотря ни на что. Заслуга партии состоит в том, что она не приспособлялась к отсталым, не боялась идти против течения и все время сохраняла за собой позицию ведущей силы. Не может быть сомнения, что без такой стойкости и выдержки коммунистическая партия не смогла бы отстоять политику индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Сумела ли коммунистическая партия правильно использовать созданные таким образом материальные возможности для того, чтобы развернуть военное производство и снабжать Красную Армию необходимым вооружением?

Я думаю, что она сумела это сделать, и при том сумела с наибольшим успехом.

Если не считать первого года войны, когда эвакуация промышленности на восток затормозила дело разворота военного производства, то в течение остальных трех лет войны партия сумела добиться таких успехов, которые дали ей возможность не только снабжать фронт в достаточном количестве артиллерией, пулеметами, винтовка-

ми, самолетами, танками, боеприпасами, но и накапливать резервы. При этом известно, что наше вооружение по качеству не только не уступало немецкому, но в общем даже превосходило его...

Что касается снабжения Красной Армии продовольствием и обмундированием, то всем известно, что фронт не только не испытывал в этом отношении какого-либо недостатка, но имел даже при себе необходимые резервы.

Так обстоит дело с работой коммунистической партии нашей страны в период до начала войны и в течение самой войны.

Теперь несколько слов насчет планов работы коммунистической партии на ближайшее будущее... Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система "(в связи с тяжелым положением, вызванным неурожаем 1946 года, карточная система была отменена, с одновременным проведением денежной реформы, лишь в декабре 1947 года. - Б.К.)," особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов,

могущих дать возможность науке развернуть свои силы...

Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем... Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать...

Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности. Я считаю, что избирательная кампания есть суд избирателей над коммунистической партией нашей страны, как над партией правящей. Результаты же выборов будут означать приговор избирателей.

В избирательной борьбе коммунистическая партия выступает не одна. Она идет на выборы в блоке с беспартийными. В былые времена коммунисты относились к беспартийным и к беспартийности с некоторым недоверием. Объясняется это тем, что флагом беспартийности нередко прикрывались различные буржуазные группы, которым невыгодно было выступать перед избирате-

лями без маски. Так было в прошлом. Но теперь у нас другие времена. Беспартийных отделяет теперь от буржуазии барьер, называемый советским общественным строем. Этот же барьер объединяет беспартийных с коммунистами в один общий коллектив **советских людей**. Живя в общем коллективе, они вместе боролись за укрепление могущества нашей страны, вместе воевали и проливали кровь на фронтах во имя свободы и величия нашей Родины, вместе ковали и выковали победу над врагами нашей страны. Разница между ними лишь в том, что одни состоят в партии, а другие нет. Но это разница формальная. Важно то, что и те и другие творят одно общее дело...”.

Такую речь произнес Сталин вскоре после победоносного окончания войны, величайшей в отечественной и мировой истории, войны, которая - и он очевидным образом понимал это - была главным делом его жизни. Эту речь он мог бы повторить и много позже перед своими обвинителями. Краски в речи приглушены, смысл же, если вдуматься в нее, потрясает: перед нами величайшее чудо истории, подтверждающее ее объективные закономерности. Акцент в речи сделан на целях. Средства лишь вскользь упомянуты, они здесь не сочтены кровью, отодвинуты в “былые времена”. Похоже, “холодная война” предвидится пока лишь в общей форме. “Теперь у нас другие времена”, беспартийные составляют с коммунистами “один общий коллектив советских людей”, защищенный от враждебного ему мира барьером “советского общественного строя”, т.е.

социализма. Возможность падения этого барьера, расползания советского общества и партии по всем швам теоретически признается - отсюда забота о гарантиях "от всяких случайностей", - но практически не допускается. Репрессии, типичные для "былых времен", не возобновлялись, но и не исчезли: политический режим оставался жёстко авторитарным - со своими жертвами, не столь многочисленными.

Политическое завещание Сталина.

Вступив в возраст, когда положено "думать о боге", Сталин основное внимание уделял целям предстоящей жизнедеятельности народа и ее "высоким средствам" (подцелям). Так появились его работы "Марксизм и вопросы языкознания" и "Экономические проблемы социализма в СССР". Наибольший интерес представляет вторая - его "духовное завещание", написанное им за год и - в виде ответов на письма - за полгода до смерти.

Сталин заглянул в суть проблем действительно основополагающих - таких, как характер экономических законов при социализме, о товарном производстве и законе стоимости, об основном экономическом законе, предмете политэкономии и др. Он и здесь был в своей стихии. Некоторые его взгляды оказались неожиданными и послужили поводом для дискуссий, которые идут и сейчас. Как это ни странно, на него опираются не только коммунисты-ортодоксы, убежденные, неколебимые противники "рыночного социализма",

но и сторонники последнего. Они считают Сталина одним из основоположников “нового социализма”, правда, непоследовательным. На этот момент стоило бы обратить внимание.

В “Экономических проблемах...” Сталин пишет:

“Говорят, что товарное производство... обязательно приведет к капитализму. Это неверно... Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это - две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишенные средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу как товар. Без этого нет капиталистического производства...”

Нельзя рассматривать товарное производство как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий. Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при рабовладель-

ческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму. Спрашивается, почему не может товарное производство обслуживать также на известный период наше социалистическое общество, не приводя к капитализму, если иметь в виду, что товарное производство не имеет у нас такого неограниченного и всеобъемлющего распространения, как при капиталистических условиях, что оно у нас поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации?

Говорят, что после того, как установилось в нашей стране господство общественной собственности на средства производства, а система наемного труда и эксплуатации ликвидирована, существование товарного производства потеряло смысл, что следовало бы ввиду этого устранить товарное производство.

Это также неверно. В настоящее время у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная - общенародная, и колхозная, которую нельзя назвать общенародной. В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность. В колхозных же предприятиях, хотя средства производ-

ства (земля, машины) и принадлежат государству, однако продукция производства составляет собственность отдельных колхозов, так как труд в колхозах, как и семена, - свой собственный, а земель, которая передана колхозам в вечное пользование, колхозы распоряжаются фактически как своей собственностью, несмотря на то, что они не могут ее продать, купить, сдать в аренду, заложить.

Это обстоятельство ведет к тому, что государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий, тогда как колхозной продукцией, как своей собственностью, распоряжаются лишь колхозы. Но колхозы не хотят отчуждать своих продуктов иначе как в виде товаров, в обмен на которые они хотят получить нужные им товары. Других экономических связей с городом, кроме товарных, кроме обмена через куплю-продажу, в настоящее время колхозы не приемлют. Поэтому товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда Ленин провозгласил необходимость всемерного разворота товарооборота.

Конечно, когда вместо двух основных производственных секторов, государственного и колхозного, появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжения всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его "денежным хозяйством" исчезнет, как ненужный элемент народного хозяйства.

Но пока этого нет, пока остаются два основных производственных сектора, товарное производство и товарное обращение должны остаться в силе, как необходимый и весьма полезный элемент в системе нашего народного хозяйства. Каким образом произойдет создание единого объединенного сектора, путем ли простого поглощения колхозного сектора государственным сектором, что мало вероятно (ибо это было бы воспринято как экспроприация колхозов), или путём организации единого общенародного хозяйственного органа (с представительством от госпромышленности и колхозов) с правом сначала учёта всей потребительской продукции страны, а с течением времени - также распределения продукции в порядке, скажем, продуктообмена, - это вопрос особый, требующий отдельного обсуждения.

Следовательно, наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединённых социалистических производителей (государство, колхозы, кооперация), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиваться в капиталистическое производство и которому суждено обслуживать совместно с его "денежным хозяйством" дело развития и укрепления социалистического производства".

Как видим, при всех оговорках Сталин определенно высказывается за допустимость и необходимость товарного производства при социализме. В связи с этим вопросом заслуживают серьезного внимания также следующие высказанные им в рассматриваемой работе мысли.

Ввиду того, что “наше товарное производство коренным образом отличается от товарного производства при капитализме”, у нас, по его мнению (оно может быть отчасти оспорено), неприменимы такие экономические категории, как рабочая сила как товар, прибавочная стоимость, капитал, прибыль на капитал, средняя норма прибыли, необходимый и прибавочный труд и др.

Закон стоимости существует и действует при социализме, но сфера его действия ограничена “прежде всего” обменом “товаров личного потребления”, где этот закон “сохраняет за собой, конечно в известных пределах, роль регулятора производства”. Вместе с тем действия закона стоимости не ограничиваются сферой товарного обращения, “они распространяются также на производство”, где этот закон “не имеет регулирующего значения.., но всё же воздействует на производство”, так как “потребительские товары, необходимые для покрытия затрат рабочей силы в процессе производства, производятся у нас и реализуются как товары, подлежащие действию закона стоимости”.

“Беда не в том, что закон стоимости воздействует у нас на производство. Беда в том, что наши хозяйственники и плановики, за немногими

исключениями, плохо знакомы с действиями закона стоимости, не изучают их и не умеют учитывать их в своих расчетах. Этим собственно и объясняется та неразбериха, которая все еще царит у нас в вопросе о политике цен”.

Действия закона стоимости, их сфера ограничиваются такими факторами, как “отсутствие частной собственности на средства производства и обобществление средств производства как в городе, так и в деревне”, “закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, заменивший собой закон конкуренции и анархии производства”, “наши годовые и пятилетние планы и вообще вся наша хозяйственная политика, опирающаяся на требования закона планомерного развития народного хозяйства”. Поэтому мы не знаем кризисов перепроизводства.

“Стоимость, как и закон стоимости, есть историческая категория, связанная с существованием товарного производства. С исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с ее формами и закон стоимости”. “На второй фазе коммунистического общества количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путем, не через посредство стоимости и ее форм, как ... при товарном производстве, а прямо и непосредственно - количеством времени, количеством часов, израсходованным на производство продуктов”. По правде говоря, остается неясным, как при этом будет учитываться качество труда, степень его сложности. Или это будет несущественно?

Сталин меньше всего может быть обвинен в консерватизме. Как и в авантюризме. Л.М. Каганович был прав, когда в своих поздних, окрашенных мудрой старостью воспоминаниях выделил в стиле Сталина ту черту, что он был исключительно осторожным, "осторожнейшим" политиком. Тем не менее в заключительной части "Экономических проблем социализма в СССР" он высказался за неторопливое, но неуклонное введение широкой системы прямого продуктообмена между городом и колхозами и тем самым за сокращение сферы действия товарного обращения. Очевидно, это было случайное для него утопическое увлечение. В принципе его отношение к исторически значимым изменениям в общественной жизни было другим, безоговорочно трезвым. Это отношение хорошо выражено им в "Марксизме и вопросах языкознания".

Сталин пишет там: "История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в ... языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя?.. Кто же, кроме дон-кихотов, может ставить себе такую задачу?". С точки зрения устойчивости, возможности приспособления даже к самым глубоким, формационным переворотам товарное производство вполне может быть уподоблено языку. Правда, реальное приспособление товарного производства к глубинным особенностям социализма - задача в творческом от-

ношении более сложная, чем благонамеренные, но совершенно неконструктивные призывы к его отмене. Можно понять, почему некоторые марксистские ортодоксы упрекают Сталина в “рыночном уклоне” и признают у него только гипотетический, отодвинутый в лучшее будущее прямой продуктообмен.

Казалось бы, Сталин всей своей политической жизнью воспитан в волюнтаристском духе, в духе отрицания “обычных” путей развития, готовности, как он говорил 9 февраля 1946 г., идти “против течения” и тем обеспечивать руководимой им партии “позицию ведущей силы”. Такое представление было бы односторонним. Да, Сталин был способен к осуществлению волюнтаристского политического курса, “трудного, но преодолимого”. Пожалуй, он не имел себе в этом равных. Но и марксистская школа, и внутренние склонности и потенции делали его не менее пригодным для нечрезвычайной, закономерной, спокойной политики. Эта сторона проявилась в его отношении к подмене экономических проблем организационными и в его представлениях о дальнейшем процессе мирового развития.

Прекрасно понимая важнейшее значение “рациональной организации производительных сил в общественном производстве”, Сталин не забывал, что объективной предпосылкой такой рациональности служит соответствие производственных отношений характеру производительных сил (а элементом их, надо думать, является состояние не только орудий производства, но и ра-

ботника производства, в частности и то, признает ли он справедливыми для себя производственные отношения). Соответствие производственных отношений характеру производительных сил Сталин отнюдь не полагал при социализме заведомо “полным”, непротиворечивым, считал необходимым вовремя выявлять отставание производственных отношений от характера производительных сил, именно в этом видел главный фактор развития производства. “Это своеобразие развития производственных отношений от роли тормоза производительных сил к роли главного их двигателя вперед и от роли главного двигателя к роли тормоза производительных сил, - составляет один из главных элементов марксистской материалистической диалектики”.

“Проблемы рациональной организации производительных сил, планирования народного хозяйства и т.п. являются не предметом политической экономии, а предметом хозяйственной политики руководящих органов. Это две различные области, которые нельзя смешивать... Политическая экономия изучает законы развития производственных отношений людей. Хозяйственная политика делает из этого практические выводы, конкретизирует их и строит на этом свою повседневную работу. Загружать политическую экономию вопросами хозяйственной политики значит загубить ее как науку.

Предметом политической экономии являются производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности

на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс, “взаимный обмен своей деятельностью”; в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов. Все это вместе составляет предмет политической экономии”.

Сталин понимал, что глубинные законы экономического развития социализма требуют сохранения всего ценного, жизнеспособного из предшествующих эпох, в частности сохранения и приспособления к нуждам нового строя механизма рыночного регулирования, ограничиваемого, но отнюдь не упраздняемого плановой системой. К сожалению, он не успел предсказать и начать осуществлять тот поворот к новому, рыночно-демократическому социализму, отнюдь не многоукладному, который исключил бы перерождение авторитарно-мобилизационного социализма в авторитарно-бюрократический маразм. Сталин, увы, не опередил настолько свое время.

Не оправдался и его прогноз развития мировой истории. Но сам характер этого прогноза в высшей степени поучителен. Поучителен для того нового социализма, который не состоялся лет тридцать-сорок тому назад, но может возникнуть сейчас. Вот этот прогноз, характеризующий суть сталинизма почти столь же красноречиво, как и его осуществленные цели.

“Наиболее важным экономическим результатом второй мировой войны и ее хозяйственных последствий нужно считать распад единого

всеохватывающего мирового рынка. Это обстоятельство определило дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы.

Вторая мировая война сама была порождена этим кризисом. Каждая из двух капиталистических коалиций, вцепившихся друг в друга во время войны, рассчитывала разбить противника и добиться мирового господства. В этом они искали выход из кризиса...

Однако война не оправдала этих надежд. Правда, Германия и Япония были выведены из строя, как конкуренты трех главных капиталистических стран: США, Англии, Франции. Но наряду с этим от капиталистической системы отпали Китай и другие народно-демократические страны в Европе, образовав вместе с Советским Союзом единый и мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма. Экономическим результатом существования двух противоположных лагерей явилось то, что единый всеохватывающий мировой рынок распался, в результате чего мы имеем теперь два параллельных мировых рынка, тоже противостоящих друг другу.

Следует отметить, что США и Англия с Францией сами содействовали, конечно, помимо своей воли, образованию и укреплению нового параллельного мирового рынка. Они подвергли экономической блокаде СССР, Китай и европейские народно-демократические страны, не вошедшие в систему "плана Маршалла", думая этим удушить их. На деле же получилось не удушение,

а укрепление нового мирового рынка. Все же основное в этом деле состоит, конечно, не в экономической блокаде, а в том, что за период после войны эти страны экономически сомкнулись и наладили экономическое сотрудничество и взаимопомощь. Опыт этого сотрудничества показывает что ни одна капиталистическая страна не могла бы оказать такой действительной и технически квалифицированной помощи народно-демократическим странам, какую оказывает им Советский Союз. Дело не только в том, что помощь эта является максимально дешевой и технически первоклассной. Дело прежде всего в том, что в основе этого сотрудничества лежит искреннее желание помочь друг другу и добиться общего экономического подъема. В результате мы имеем высокие темпы развития промышленности в этих странах. Можно с уверенностью сказать, что при таких темпах развития промышленности дело дойдет до того, что эти страны не только не будут нуждаться в завозе товаров из капиталистических стран, но сами почувствуют необходимость отпустить на сторону избыточные товары своего производства.

Но из этого следует, что сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам будет не расширяться, а сокращаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться. В этом, собственно, и состоит углубление общего кризиса мировой капиталистической системы в связи с распадом мирового рынка.

Это чувствуют сами капиталисты, ибо трудно не почувствовать потерю таких рынков, как СССР, Китай. Они стараются перекрыть эти трудности “планом Маршалла”, войной в Корее, гонкой вооружения, милитаризацией промышленности. Но это очень похоже на то, что утопающие хватаются за соломинку...

Некоторые товарищи утверждают, что в силу развития новых международных условий после второй мировой войны, войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными. Они считают, что противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами, что Соединенные Штаты Америки достаточно подчинили себе другие капиталистические страны для того, чтобы не дать им воевать между собой и ослаблять друг друга, что передовые люди капитализма достаточно научены опытом двух мировых войн, нанеших серьезный ущерб всему капиталистическому миру, чтобы позволить себе втянуть капиталистические страны в войну между собой, - что ввиду всего этого войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными.

Эти товарищи ошибаются. Они видят внешние явления, мелькающие на поверхности, но не видят тех глубинных сил, которые, хотя и действуют пока незаметно, но все же будут определять ход событий.

Внешне все будто бы обстоит “благополучно”: Соединенные Штаты Америки

посадили на паек Западную Европу, Японию, другие капиталистические страны; Германия (Западная), Англия, Франция, Италия, Япония, попавшие в лапы США, послушно выполняют веления США. Но было бы неправильно думать, что это “благополучие” может сохраниться “на веки вечные”, что эти страны будут без конца терпеть господство и гнет Соединенных Штатов Америки, что они не попытаются вырваться из американской неволи и стать на путь самостоятельного развития.

Возьмем прежде всего Англию и Францию. Несомненно, что эти страны являются империалистическими. Несомненно, что дешевое сырье и обеспеченные рынки сбыта имеют для них перво-степенное значение. Можно ли полагать, что они будут без конца терпеть нынешнее положение, когда американцы под шумок “помощи” по линии “плана Маршалла” внедряются в экономику Англии и Франции, стараясь превратить ее в придаток экономики Соединенных Штатов Америки, когда американский капитал захватывает сырье и рынки сбыта в англо-французских колониях и готовит таким образом катастрофу для высоких прибылей англо-французских капиталистов? Не вернее ли будет сказать, что капиталистическая Англия, а вслед за ней и капиталистическая Франция в конце концов будут вынуждены вырваться из объятий США и пойти на конфликт с ними для того, чтобы обеспечить себе самостоятельное положение и, конечно, высокие прибыли?

Перейдем к главным побежденным странам, к Германии (Западной), Японии. Эти страны впадают теперь жалкое существование под сапогом американского империализма. Их промышленность и сельское хозяйство, их торговля, их внешняя и внутренняя политика, весь их быт скованы американским “режимом” оккупации. А ведь эти страны вчера еще были великими империалистическими державами, потрясавшими основы господства Англии, США, Франции в Европе, в Азии. Думать, что эти страны не попытаются вновь подняться на ноги, сломить “режим” США и вырваться на путь самостоятельного развития - значит верить в чудеса.

Говорят, что противоречия между капитализмом и социализмом сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами. Теоретически это, конечно, верно. Это верно не только теперь, в настоящее время, - это было верно также перед второй мировой войной. И это более или менее понимали руководители капиталистических стран. И все же вторая мировая война началась не с войны с СССР, а с войны между капиталистическими странами. Почему? Потому, во-первых, что война с СССР, как с страной социализма, опаснее для капитализма, чем война между капиталистическими странами, ибо, если война между капиталистическими странами ставит вопрос только о преобладании таких-то капиталистических стран над другими капиталистическими странами, то война с СССР обязательно должна поставить вопрос о существовании самого капи-

тализма. Потому, во-вторых, что капиталисты. хотя и шумят в целях “пропаганды” об агрессивности Советского Союза, сами не верят в его агрессивность, так как они учитывают мирную политику Советского Союза и знают, что Советский Союз сам не нападет на капиталистические страны...

Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм”.

Прогнозируя таким образом развитие послевоенной мировой истории. Сталин в “Экономических проблемах социализма в СССР” не абсолютизировал текущий момент, но в определенной мере принимал желаемое за действительное. Иначе говоря, в данном случае он был свободен от одного из фундаментальных недостатков человеческого мышления (абсолютизация текущего момента), но грешил другим столь же фундаментальным недостатком (принятие желаемого за действительное). В том, что его прогноз насчет неизбежности войн при империализме между капиталистическими странами не оправдался (пока что), во многом виновны его незадачливые преемники. Судя по всему, Сталин - политик “осторожнейший” - твердо решил, что плоды великой победы следует полностью сохранить как в части утверждения социализма и СССР, так и в части утверждения “социалистического лагеря”, но в последнем случае не увлечься его расширением, прочно осваивать уже приобретенное. Это было мудрое решение. Нужно было уйти в “домашние дела”, в великое созидание, чтобы на

деле доказать преимущества социализма. Все остальное приложилось бы.

Преемники Сталина оказались не на уровне этой великой задачи. Они ограничились половинчатым хозрасчетом, от которого вреда было больше, чем пользы, вообразили себя решающей мировой силой, ударились в легкомысленный внешнеполитический радикализм и в конечном счете провалили у себя строительство социализма, проиграли “холодную” войну, сдали все позиции. Новый советский социализм, очевидно, не повторит этой роковой ошибки.

Элементы технологии сталинизма.

Подобно тому, как сталинизм не может быть понят вне контекста советской истории, технологическая сторона сталинизма, в частности его репрессивная политика, к чему мы сейчас переходим, не может быть понята вне связи с его целевой стороной. “Цель, как закон, определяет способ моих действий.” (Маркс). Целевой стержень сталинизма, характеристике которого в основном посвящена предыдущая часть настоящей главы, нашел достаточно полное и объективное отражение в высказываниях самого Сталина. Этого нельзя сказать о технологии сталинизма, прежде всего о его репрессивной политике. Сталин о многом умолчал. Некоторые тайны, важные для этого в прошлом профессионального революционера-конспиратора, едва ли когда-нибудь будут

раскрыты. Но об установках для своего режима он сказал немало с достаточной прямоотой.

Читатель, докапывающийся до сути этой стороны сталинизма, обратит в первую очередь внимание на доклад и заключительное слово Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 3 - 5 марта 1937 г., изданные (неожиданно и в 1954 году) под заголовком "О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников".

Вот заслуживающие особого внимания места из этих выступлений Сталина.

"Из докладов и прений по ним, заслушанных на пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты...

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящем о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс “ленинградского центра”, равно как судебный процесс “Зиновьева - Каменева”, дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс “Зиновьевско-троцкистского центра” расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охраны, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации...

Значит, сигналы и предупреждения были...

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать...

...Они забыли о том, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это ... не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление...

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?..

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7-8 тому назад, что троцкизм ... перестал быть политическим течением в рабочем классе, что ... троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств...

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?..

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту... Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят

из борьбы действительно твердокаменными большевиками...

Но есть другого рода опасности, опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много повидавших, обстановка успехов - успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением - порождает настроение беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Неудивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых восхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства...

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты...

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?

Что нужно сделать для этого?..

... Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере

наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным...

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь ввиду, что остатки разбитых классов в СССР неодинокі. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм...

...Вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о "систематическом выполнении хозяйственных планов" и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой

теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о “систематическом выполнении хозяйственных планов”...

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей - это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред... Чтобы построить Днепрострой “(очевидная оговорка: имелся ввиду Днепрогэс. - Б.К.),” надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов...

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах...

...Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей Родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений.

Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания японо-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только дей-

ствительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь на пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опорочивать теперь таких товарищей.

Среди наших товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Не хорошо, конечно, что они прервали свою личную приятельскую связь с отдельны-

ми троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами...

Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов - 4 тысячи членов партии, то есть около полпроцента, а воздержалось 2600 членов партии. Не приняли участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам, голосовавших за троцкистов, прибавить всех воздержавшихся, - полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам, - и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а пять процентов не участвовавших, то есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил. И если, несмотря на это, троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии, то это потому, что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении в партии и восстановлении ис-

ключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы”.

Наряду с вопросами репрессивной политики Сталин в своем заключительном слове на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в роковом 1937-ом коснулся и существенных элементов практиковавшегося им стиля управления. Вот некоторые высказанные им мысли, от которых нельзя отвлекаться при комплексной взвешенной оценке сталинизма.

“...Когда наши партийные товарищи, увлекаясь хозяйственными успехами, отходили от политики, это была крайность, стоившая нам больших жертв. Если теперь некоторые наши товарищи, берясь за усиление партийно-политической работы, вздумают отойти от хозяйства, то это будет другая крайность, которая будет нам стоить не меньших жертв. Нельзя шарахаться от одной крайности к другой. Нельзя отделять политику от хозяйства...

Смысл известного пункта проекта резолюции об освобождении партийных организаций от хозяйственных мелочей состоит ... лишь в том, чтобы не допускать больше практики подмены и обезличения хозяйственных органов, в том числе и особенно земельных органов, нашими партийными организациями. Необходимо, стало быть, усвоить метод большевистского руководства хозяйственными органами, состоящий в том, чтобы

систематически помогать этим органам, систематически укреплять их и руководить хозяйством не помимо этих органов, а через них...

Что значит - правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе?

Это значит подбирать работников, во-первых по политическому признаку, т. е. заслуживают ли они политического доверия, и, во-вторых, по деловому признаку, т. е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы...

...Чаще всего подбирают работников не по объективным признакам, а по признакам случайным, субъективным, обывательски-мещанским. Подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов - безотнositельно к их политической и деловой пригодности.

Понятно, что вместо руководящей группы ответственных работников получается семейка близких людей, артель, члены которой стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга и время от времени посылать в центр пустопорожние и тошнотворные рапорта об успехах...

Понятно, что такая семейственная обстановка создает благоприятную среду для выращивания подхалимов, людей, лишенных чувства своего достоинства и потому не имеющих ничего общего с большевизмом...

Что значит - проверять работников, проверять исполнение заданий?..

Некоторые товарищи думают, что проверять людей можно только сверху, когда руководители проверяют руководимых по результатам их работы. Это неверно. Проверка сверху, конечно, нужна, как одна из действительных мер проверки людей и проверки исполнения заданий. Но проверка сверху далеко еще не исчерпывает всего дела проверки. Существует еще другого рода проверка, проверка снизу, когда руководимые проверяют руководителей, отмечают их ошибки и указывают пути их исправления. Этого рода проверка является одним из самых действительных способов проверки людей.

Партийные массы проверяют своих руководителей на активах, на конференциях, на съездах путем заслушивания их отчетов, путем критики недостатков, наконец, путем избрания или неизбрания в руководящие органы тех или иных руководящих товарищей. Точное проведение демократического централизма в партии, как этого требует устав нашей партии, безусловная выборность партийных органов, право выставления и отвода кандидатов, закрытое голосование, свобода критики и самокритики, - все эти и подобные им мероприятия необходимо провести в жизнь для того, между прочим, чтобы облегчить проверку и контроль руководителей партии со стороны партийных масс.

Беспартийные массы проверяют своих хозяйственных, профсоюзных и иных руководителей на беспартийных активах, на массовых совещаниях всякого рода, где они заслушивают отчеты своих

руководителей, критикуют недостатки и намечают пути их исправления.

Наконец, народ проверяет руководителей страны во время выборов в органы власти Советского Союза путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Задача состоит в том, чтобы соединить проверку сверху с проверкой снизу.

Что значит - обучать кадры на их собственных ошибках?..

Некоторые товарищи говорят, что нецелесообразно говорить открыто о своих ошибках, так как открытое признание своих ошибок может быть расценено нашими врагами как наша слабость и может быть использовано ими. Это пустяки, товарищи, сущие пустяки. Открытое признание наших ошибок и честное их исправление, наоборот, может лишь усилить нашу партию, поднять авторитет нашей партии в глазах рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. А это главное. Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится.

... Щадить и сохранять кадры при помощи замазывания их ошибок, - это значит наверняка погубить эти самые кадры... Кто думает щадить самолюбие наших кадров путем замазывания их ошибок, тот губит и кадры, и самолюбие кадров, ибо он замазыванием их ошибок облегчает повторение новых, может быть более серьёзных ошибок, которые, надо полагать, приведут к полному провалу ...

Мы, руководители, видим вещи, события только с одной стороны, я бы сказал - сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал - снизу, их поле зрения тоже, стало быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо объединить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным...

Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушаться к голосу масс, - вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства.

Можно признать как правило, что пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимыми. И, наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку”.

Предупреждение Сталина не сработало. Так оно и случилось, и насквозь проржавевшая бюрократическая партия-пустышка была отброшена историей. Но это случилось полвека спустя.

Жесточайшая генеральная чистка 1937 -1938 г.г. достигла непосредственных целей, обеспечила деспотизм общества, государства, партии на критический период истории, но невероятная чрезмерность этой чистки стала в своем дальнейшем действии одним из факторов краха советского социализма. Приведенные жесткие установки Ста-

лина, местами содержавшие разумные ограничения, на деле вылились в безудержно жестокую практику, в “логику кошмара”.

Сталинизм и троцкизм.

Как целевая, так и технологическая стороны сталинизма не могут быть поняты вне его взаимосвязей с троцкизмом, который считал себя единственным идейным наследником ленинского большевизма и вёл со сталинским руководством упорную, непримиримую борьбу.

В развернутом и систематическом виде троцкизм противопоставлен сталинизму в книге Л.Д. Троцкого “Преданная революция”, законченной в августе 1936 г. и тогда же изданной на Западе. В СССР она была издана в 1991 г. НИИ культуры (Москва). Нужно заметить, книга не привлекла широкого внимания. Ее антисталинистский заряд оказался слабее, чем уже “достигнутый уровень” разоблачений и осуждений. “Демократическая” печать рассматривала сталинизм как показатель принципиальной неприемлемости социализма, Троцкий же “спасал” безусловно прогрессивный социализм от сталинского “термидора”. Для “демократов” - могильщиков социализма и заодно убийц Отечества Троцкий не стал союзником.

Для Сталина же он был главным соперником в борьбе за наследование Ленину, а потом и злейшим врагом. Работ Троцкого у нас почти не

знают. Ознакомившись с основными чертами сталинизма по Сталину, читателю полезно будет ознакомиться и с критикой сталинизма Троцким. Ему тоже надо дать слово.

Правда, его критика относится лишь к начальному этапу сталинизма. Триумфа сталинизма Троцкий, убитый по заданию Сталина в 1940 г. в Мексике, уже не наблюдал. Поучительный парадокс истории состоит в том, что сейчас сталинисты и троцкисты, по инерции обмениваясь критическими ударами, выступают совместно в борьбе за восстановление социализма. Будь Сталин, Троцкий и Бухарин живы, они определенно составили бы тройственный коммунистический блок.

Понял ли Троцкий суть сталинизма на его подготовительном этапе? В основном, видимо, не понял. Помешала не только непримиримая борьба за власть, но прежде всего две догмы, которым Троцкий оставался верным вопреки истории, - об отмирании государства при социализме и о невозможности победы социализма в одной стране. Некритическое принятие этих догм предопределяло его оценки. Взгляды Троцкого тем не менее поучительны, а кое в чем и объективны.

1) Троцкий не отрицает тех достижений сталинизма, которые и к 1936 году были огромными. Вот что он пишет в книге "Преданная революция" (здесь и дальше сноски даются по названному выше изданию этой книги).

"Гигантские достижения промышленности, многообещающее начало сельскохозяйственного

подъема, чрезвычайное возрастание старых промышленных городов, возникновение новых, быстрое увеличение численности рабочих, подъем культурного уровня и потребностей - таковы бесспорные результаты Октябрьской революции. С господами буржуазными экономистами спорить более не о чем: социализм доказал свое право на победу не на страницах "Капитала", а на хозяйственной арене, составляющей шестую часть земной поверхности; не языком диалектики, а языком железа, цемента и электричества. Если б даже СССР, в результате внутренних трудностей, внешних ударов и ошибок руководства потерпел крушение, - чего, как мы твердо надеемся, не случится, - остался бы, как залог будущего, тот неискоренимый факт, что только благодаря пролетарской революции отсталая страна совершила менее чем в два десятилетия беспримерные в истории успехи.

Тем самым закончен спор и с реформизмом в рабочем движении. Можно ли хоть на минуту сопоставить их мышиную возню с той титанической работой, которую совершил народ, пробужденный революцией к новой жизни? Если бы в 1918 году социал-демократия в Германии использовала навязанную ей рабочими власть для социалистического переворота, а не для спасения капитализма, нетрудно, на основании опыта России, понять, какой непреодолимой экономической мощью обладал бы сегодня социалистический массив Центральной и Восточной Европы и значительной части Азии. Исторические преступления рефор-

мизма народы мира будут оплачивать новыми войнами и революциями" (с. 9,10).

2) Троцкий объективен и в сопоставлении экономического и культурного потенциала противоположных систем.

"Динамические коэффициенты советской промышленности беспримерны. Но ни сегодня ни завтра они ещё не решают вопроса ... Соотношение сил на сегодняшний день определяется не динамикой роста, а противопоставлением всего могущества обоих лагерей, как оно выражается в материальных накоплениях, в технике, в культуре и прежде всего в производительности человеческого труда. Когда мы подходим к делу под этим статическим углом зрения, положение сразу меняется к чрезвычайной невыгоде для СССР.

... Хозяйственные успехи СССР дают возможность укрепиться, продвинуться, вооружиться, когда нужно - отступить и выждать, словом, продержаться. Но по самому существу своему вопрос "*кто кого ?*" не только как военный, но прежде всего экономический стоит перед СССР в мировом масштабе... Несмотря на условия застоя и гниения, капитализм все еще сохраняет за собой огромный перевес в отношении техники, организации и культуры труда.

... На *лучшем* металлургическом заводе, по признанию его директора, выпуск чугуна и стали на одного рабочего в три раза ниже *среднего* выпуска на заводах Америки. Сопоставление средних цифр по обеим странам дало бы, вероятно, 1:5 или ещё ниже того...

Бюрократия из всех сил подстёгивает рабочих, но правильно использовать рабочую силу не умеет. В сельском хозяйстве дело обстоит, разумеется, ещё менее благополучно, чем в промышленности. Низкой производительности труда отвечает низкий национальный доход, а следовательно и низкий уровень жизни народных масс.

... На душу советского населения приходится значительно меньше национального дохода, чем на Западе. А так как капитальные вложения поглощают в СССР около 25-30 процентов, т.е. несравненно большую долю дохода, чем где бы то ни было, то фонд потребления народных масс не может не быть значительно ниже, чем в передовых капиталистических странах...

Историческая ответственность за такое положение ложится, конечно, на все тяжелое и мрачное прошлое России, с его наследством тьмы и нищеты. Другого выхода на путь прогресса, чем низвержение капитализма, не было. Чтоб убедиться в этом, достаточно хотя бы бросить взгляд на прибалтийские страны и Польшу, составлявшие некогда передовые части царской империи, а ныне не выходящие из маразма. Нетленная заслуга советского режима - в его напряжённой и, в общем, успешной борьбе с отсталостью. Но правильная оценка достигнутого есть первое условие дальнейшего движения вперёд" (с. 10 - 11, 16, 19 - 20).

3) Троицкий правильно отмечает как ситуационную неизбежность, так и историческую несостоятельность "военного коммунизма".

“Первые три года после переворота были периодом открытой гражданской войны. Хозяйственная жизнь оставалась целиком подчинена нуждам фронтов. Культурная работа ютилась на задворках и характеризовалась смелым размахом творческой мысли, прежде всего личной мысли Ленина, при чрезвычайной скудости материальных средств. Это так называемый период “военного коммунизма” (1918 - 1921 г.г.), который составляет героическую параллель к “военному социализму” капиталистических стран. Хозяйственные задачи советского правительства сводились в те годы главным образом к тому, чтоб поддержать военную промышленность и использовать оставшиеся от прошлого скудные запасы для войны и спасения от гибели городского населения. Военный коммунизм был, по существу своему, системой регламентации потребления в осажденной крепости.

Нужно, однако, признать, что, по первоначальному замыслу, он преследовал более широкие цели. Советское правительство надеялось и стремилось непосредственно развить методы регламентации в систему планового хозяйства, в области распределения, как и в сфере производства. Другими словами: от “военного коммунизма” оно рассчитывало постепенно, но без нарушения системы, прийти к подлинному коммунизму. Принятая в марте 1919 года программа большевистской партии гласила: “В области распределения задача советской власти состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомер-

ным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов”.

Действительность приходила, однако, во всё большее столкновение с программой “военного коммунизма”: производство неизменно падало, и не только вследствие разрушительного действия войны, но и вследствие угашения стимула личной заинтересованности у производителей... Развал производительных сил оставил позади всё, что раньше видела по этой части история. Страна и вместе с нею власть очутилась на самом краю пропасти.

Утопические надежды эпохи “военного коммунизма” подверглись впоследствии жестокой и во многом основательной критике. Теоретическая ошибка правящей партии останется, однако, совершенно необъяснимой, если оставить без внимания, что все тогдашние расчёты строились на ожидании близкой победы революции на Западе... И нет сомнения, если б пролетарская революция восторжествовала в Германии - а её победе помешала только и исключительно социал-демократия, - экономическое развитие Советского Союза, как и Германии, пошло бы вперёд столь гигантскими шагами, что судьба Европы и мира сложилась бы к сегодняшнему дню неизмеримо более благоприятно. Можно, однако, сказать с полной уверенностью, что и в этом счастливом случае от непосредственного государственного распределения продуктов пришлось бы все равно отказаться в пользу методов торгового оборота”. (с. 21 - 23).

4) Троцкий не только не имел принципиальных расхождений со Сталиным по проводимой им после 1928 года “генеральной линии” на индустриализацию и коллективизацию, но и считал себя, “левую оппозицию” её действительным инициатором, так как за несколько лет до этого предлагал такую политику. Опираясь на правых - Бухарина, Рыкова, Томского, Сталин отвергал эти предложения.

“Ещё в апреле 1927 года Сталин утверждал на пленуме Центрального Комитета, что приступать к строительству днепровской гидростанции было бы для нас то же, что для мужика покупать граммофон вместо коровы. Этот крылатый афоризм резюмировал целую программу...

Не только Рыков, тогда ещё глава правительства, заявлял в июле 1928 г. : “Развитие индивидуальных хозяйств крестьянства является ... важнейшей задачей партии”, но ему вторил и Сталин: “Есть люди, - говорил он, - думающие, что индивидуальное хозяйство исчерпало себя, что его не стоит поддерживать... Эти люди не имеют ничего общего с линией нашей партии”. Менее чем через год линия партии не имела ничего общего с этими словами: на горизонте занималась заря сплошной коллективизации...

Так или иначе, поворот произошёл. Лозунг “обогащайтесь!”, как и теория безболезненного вращивания кулака в социализм, были с запозданием, но тем более решительно осуждены. Индустриализация поставлена в порядок дня. Самодовольный квиетизм сменился панической стреми-

тельностью. Полузабытый лозунг Ленина “догнать и перегнать” был дополнен словами: “в кратчайший срок”. Минималистская пятилетка, уже принципиально одобренная съездом партии, уступила место новому плану, основные элементы которого были целиком заимствованы из платформы разгромленной левой оппозиции. Днепрострой, вчера ещё уподоблявшийся граммофону, сегодня оказался в центре внимания...

По плану, созданному уже под кнутом продовольственного кризиса, коллективное хозяйство должно было охватить к концу пятилетия около 20 % крестьянских хозяйств. Эта программа, грандиозность которой станет ясна, если учесть, что за предшествующие десять лет коллективизация охватила менее 1% деревни, оказалась, однако, уже в середине пятилетия оставлена далеко позади...

В настоящее время уже вряд ли кто-либо решится повторять либеральный вздор, будто коллективизация в целом явилась продуктом голого насилия... Теперь, после экспроприации крупных владений и предельной парцелляции земельного фонда, сочетание земельных клочков в более крупные участки стало вопросом жизни и смерти для крестьянства, для сельского хозяйства, для общества в целом...

Форсированный характер нового курса вырос из необходимости спастись от последствий политики 1923 - 1928 годов. Но всё же коллективизация могла и должна была иметь более разумные темпы и более планомерные формы. Имея в руках

власть и промышленность, бюрократия могла регулировать процесс коллективизации, не доводя страну до грани катастрофы...

... Никогда ещё дыхание смерти не носилось так непосредственно над территорией Октябрьской революции, как в годы сплошной коллективизации. Недовольство, неуверенность, ожесточение разъедали страну. Расстройство денежной системы; нагромождение твёрдых цен, "конвенционных" и цен вольного рынка; переход от подobia *торговли* между государством и крестьянством к хлебному, мясному и молочному *налогам*; борьба не на жизнь, а на смерть с массовыми хищениями колхозного имущества и с массовым укрывательством таких хищений; чисто военная мобилизация партии для борьбы с кулацким саботажем после "ликвидации" кулачества как класса; одновременно с этим: возвращение к карточной системе и голодному пайку, наконец, восстановление паспортной системы - все эти меры возродили в стране атмосферу, казалось, давно уже законченной гражданской войны...

Режим устоял. Но это заслуга самого режима, пустившего глубокие корни в народную почву. Не в меньшей мере это заслуга благоприятных внешних обстоятельств... Первые годы торгово-промышленного кризиса создали во всём капиталистическом мире настроения растерянной выжидательности. Никто не был готов к войне, никто не отваживался на неё..." (с. 28, 31, 32, 34 - 35, 37 - 38).

5) Троцкий проявляет в высшей степени странный для практического политика догматизм, когда в обстановке 30-х г.г. полагает возможным отмирание Советского государства, так как, дескать, иначе революция не может считаться пролетарской, а общество социалистическим. Столь же странна квалификация любого государственного аппарата как бюрократического, непризнание возможности того, что отделённый от общества профессиональный аппарат, при всех свойственных ему тенденциях к своекорыстному использованию власти, в чём и заключается суть бюрократизма, в определённых условиях в основном и главным служит общественным, а не собственным узким интересам. Аргументация Троцким своего антигосударственного взгляда сводится к цитатничеству и частным примерам.

“Первую отличительную черту пролетарской революции Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, видел в том, что, экспроприируя эксплуататоров, она упраздняет необходимость в возвышающемся над обществом бюрократическом аппарате, прежде всего в полиции и постоянной армии. “Пролетариату нужно государство - это повторяют все оппортунисты, - писал Ленин в 1917 г., за месяц-два до завоевания власти, - но они, оппортунисты, забывают добавить, что пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать”...

Тот же смелый взгляд на государство пролетарской диктатуры нашёл через полтора года пос-

ле завоевания власти своё законченное выражение в программе большевистской партии, в том числе и в разделе об армии. Сильное государство, но без мандаринов; вооружённая сила, но без самураев! Не задачи обороны создают военную и штатскую бюрократию, а классовый строй общества, который переносится и на организацию обороны... Программа требует замены постоянной армии вооружённым народом...

...При наивысшем напряжении фантазии трудно представить себе контраст более разительный, чем тот, какой существует между схемой рабочего государства по Марксу - Энгельсу - Ленину и тем реальным государством, какое ныне возглавляется Сталиным...

Не мысля развития социалистического общества без отмирания государства, т.е. без замены всякого рода полицейщины самоуправлением культурных производителей и потребителей, Энгельс возлагал завершение этой задачи на молодое поколение, "которое вырастет в новых, свободных общественных условиях и окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности". Ленин прибавляет от себя : "...*всякой* государственности, в том числе и демократически-республиканской...". Так примерно располагалась в сознании Энгельса и Ленина перспектива построения социалистического общества: поколение, завоевавшее власть, "старая гвардия", начинает работу ликвидации государства; ближайшее поколение завершает её " (с. 44 - 46, 134).

Троцкий непростительно умалчивает о том, что в последние годы жизни, делая выводы из исторической практики, Ленин оставил утопические ожидания относительно исторически немедленно-го отмирания государства и заботился о его де-бюрократизации и управленческой эффективности. Было ясно, что Троцкий стремился к власти от-нюдь не для того, чтобы возглавить процесс от-мирания государства. Его рассуждения на этот счёт, определение им “советского термидора” как “победы бюрократии над массами” (с. 90), его слова о “свинцовом заде бюрократии”, который “перевесил голову революции” (с. 81) (подразумевалась его собственная голова), не слу-чайно воспринималась как подрывная акция в борьбе за власть.

б) Противореча себе, Троцкий признаёт не-обходимость государства, но ошибочно приписы-вает ему ту степень бюрократизации, до которой оно тогда ещё не опустилось.

“... нынешнее советское общество не может обойтись без государства, ни даже - в известных пределах - без бюрократии. Но причиной этому являются отнюдь не жалкие остатки прошлого “ (эксплуататорских классов. - Б.К.), “а могуще-ственные тенденции и силы настоящего. Оправ-дание существования советского государства, как аппарата принуждения, заключается в том, что нынешний переходный строй ещё полон соци-альных противоречий, которые в области *потреб-ления* - наиболее близкой и чувствительной для всех - имеют страшно напряжённый характер и

всегда угрожают прорваться отсюда в область производства. Победу социализма нельзя, поэтому, назвать ещё ни окончательной, ни бесповоротной.

Основой бюрократического командования является бедность общества предметами потребления с вытекающей отсюда борьбой всех против всех. Когда в магазине товаров достаточно, покупатели могут приходить, когда хотят. Когда товаров мало, покупатели вынуждены становиться в очередь. Когда очередь длинна, необходимо поставить полицейского для охраны порядка. Таков исходный пункт власти советской бюрократии. Она "знает", кому давать, а кто может подождать.

Повышение материального и культурного уровня должно бы, на первый взгляд, уменьшать необходимость привилегий ... и тем вырывать почву из-под ног ... бюрократии. На самом же деле произошло обратное: рост производительных сил сопровождался до сих пор крайним развитием всех видов неравенства, привилегий и преимуществ, а вместе с тем и бюрократизма...

Нынешнее состояние производства ещё очень далеко от того, чтобы обеспечить всех всем необходимым. Но оно уже достаточно, чтобы дать значительные привилегии меньшинству и превратить неравенство в кнут для подстёгивания большинства. Такова первая причина того, почему рост производства усиливал до сих пор не социалистические, а буржуазные черты государства.

Но это не единственная причина. Наряду с экономическим фактором, диктующим на данной

стадии капиталистические методы оплаты труда, действует параллельно политический фактор, в лице самой бюрократии. По самой сути своей она является насадительницей и охранительницей неравенства. Она с самого начала возникает как буржуазный орган рабочего государства. Устанавливая и охраняя преимущества меньшинства, она снимает, разумеется, сливки для самой себя. Кто распределяет блага, тот никогда ещё не обделял себя. Так из социальной нужды вырастает орган, который далеко перерастает общественно необходимую функцию, становится самостоятельным фактором и вместе с тем источником великих опасностей для общественного организма.

Социальный смысл советского Термидора начинает вырисовываться перед нами. Бедность и культурная отсталость масс ещё раз воплотились в зловещей фигуре повелителя с большой палкой в руках. Разжалованная и поруганная бюрократия снова стала из слуги общества господином его. На этом пути она достигла такой социальной и моральной отчуждённости от народных масс, что не может уже допустить никакого контроля ни над своими действиями, ни над своими доходами" (с. 95 - 97).

Связывая необходимость государства, "бюрократии" с неравным распределением, Троцкий забывает, что сам же определил социализм как "строй планового производства во имя наилучшего удовлетворения человеческих потребностей" (с.55), причём неравного, по результатам труда. И сам же приветствовал огромные дости-

жения первых пятилеток, а именно это и было главным делом “бюрократии”.

Критика “бюрократии” в приведённом и других местах опускается ниже уровня даже догматического теоретизирования, приобретает характер публицистической ругани. Он обличает своих оппонентов даже в том, что они строят “роскошные метрополитены - для платёжеспособных” (с. 99), или в том, что вместо освобождения женщины “от тысячелетних оков” с помощью обобществления “хозяйственных функций семьи”, они, советские бюрократы осуществляют “семейный Термидор”, принимая меры к укреплению семьи, возвращаясь к “таким буржуазным нормам, как выплата алиментов” (с. 121 - 128). Его политический взор то проясняется в книге в процессе изложения, то застилается враждой к отвергнувшей его партии.

При этом никакой серьёзной, конкретной антибюрократической альтернативы Троцкий не предлагает. Если не считать такой альтернативой абстрактные фразы о самоуправлении. Или такое понимание свободы искусства, когда в своём отношении “к различным художественным группировкам и течениям” государство руководствуется правилом: “Ставя над всеми ими категорический критерий: *за* революцию или *против* революции, - предоставлять им в области художественного самоопределения полную свободу” (с. 150). Итак, свобода под категорическим критерием. Как будто было иначе.

7) Сталинизм рассматривается Троцким как бонапартистский режим, сравнимый с фашизмом.

“Было бы наивностью думать, будто неведомый массам Сталин вышел внезапно из-за кулис во всеоружии законченного стратегического плана. Нет, прежде ещё, чем он нащупал свою дорогу, бюрократия нащупала его самого. Сталин приносил ей все нужные гарантии: престиж старого большевика, крепкий характер, узкий кругозор и неразрывную связь с аппаратом, как единственным источником собственного влияния. Успех, который на него обрушился, был на первых порах неожиданностью для него самого. Это был дружный отклик нового правящего слоя, который стремился освободиться от старых принципов и от контроля масс и которому нужен был надёжный третейский судья в его внутренних делах. Второстепенная фигура перед лицом масс и событий революции, Сталин обнаружил себя как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в её среде...

Всё более назойливое обожествление Сталина является, при всей своей карикатурности, необходимым элементом режима. Бюрократии нужен неприкосновенный суперарбитр, первый консул, если не император, и она поднимает на своих плечах того, кто наиболее отвечает её притязаниям на господство. “Сила характера” вождя, которой так восторгаются литературные дилетанты Запада, есть на самом деле итог коллективного напора касты, готовой на всё, лишь бы отстоять

себя... Сталин есть персонификация бюрократии: в этом и состоит его политическая личность.

Цезаризм, или его буржуазная форма, бонапартизм, выступает на сцену в те моменты истории, когда острая борьба двух лагерей как бы поднимает государственную власть над нацией и обеспечивает ей, на вид, полную независимость от классов, а на самом деле - лишь необходимую свободу для защиты привилегированных. Сталинский режим, который возвышается над политически атомизированным обществом, опирается на полицейский и офицерский корпус и не допускает над собой никакого контроля, предоставляет явную варьяцию бонапартизма, нового, ещё не виданного в истории типа. Цезаризм возник в условиях потрясаемого внутренней борьбой рабочего общества. Бонапартизм есть одно из политических орудий капиталистического режима, в его критические периоды. Сталинизм есть разновидность той же системы, но на фундаменте рабочего государства, раздираемого антогонизмом между организованной и вооружённой советской аристократией и безоружными трудящимися массами.

Как свидетельствует история, бонапартизм отлично уживается со всеобщим и даже тайным избирательным правом. Демократическим ритуалом бонапартизма являясь *плебисцит*, Время от времени гражданам ставится вопрос: *за* или *против* вождя? причём голосующий чувствует дуло револьвера у виска. Со времён Наполеона III, который кажется ныне провинциальным дилетан-

том, эта техника достигла необыкновенного развития. Новая советская конституция, устанавливающая *бонапартизм на плебисцитарной основе*, является подлинным увенчанием системы.

В последнем счёте советский бонапартизм обязан своим возникновением запоздалости мировой революции. Но та же причина породила в капиталистических странах фашизм. Мы приходим к неожиданному, на первый взгляд, выводу: подавление советской демократии всесильной бюрократией, как и разгром буржуазной демократии фашизмом, вызваны одной и той же причиной: промедлением мирового пролетариата в разрешении поставленной перед ним историей задачи. Сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собой симметричные явления. Многими чертами своими они убийственно похожи друг на друга. Победоносное революционное движение в Европе немедленно же потрясло бы не только фашизм, но и советский бонапартизм. Поворачиваясь спиной к международной революции, сталинская бюрократия по-своему права: она лишь повинует-ся голосу самосохранения" (с. 80, 229 - 231).

8) Сталинское руководство обвиняется в отступлении от Программы партии 1919 г., в измене мировой революции, как если бы осуществление этой революции было в его воле, его выбором. Троцкий не видит без неё возможности сохранения СССР.

"... программа строилась полностью и целиком на международной перспективе.

“Октябрьская революция в России осуществила диктатуру пролетариата ... Началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции”. Таковы вступительные строки программы. Авторы не только не ставили своей целью построение “социализма в отдельной стране”, - эта идея вообще никому не приходила тогда в голову, меньше всего Сталину, но и не задавались вопросом о том, какой характер примет советское государство, если ему в течение двух десятилетий придётся изолированно разрешать те экономические и культурные задачи, которые передовой капитализм разрешил уже давно.

Послевоенный революционный кризис не привёл, однако, к победе социализма в Европе: социал-демократия спасла буржуазию. Тот период, который Ленину и его соратникам казался короткой “передышкой”, растянулся на целую историческую эпоху. Противоречивая социальная структура СССР и ультрабюрократический характер его государства являются прямым последствием этой своеобразной, “непредвиденной” исторической заминки, которая одновременно привела в капиталистических странах к фашизму или предфашистской реакции ...

После периода интервенций и блокады экономическое и военное давление капиталистического мира на Советский Союз оказалось, правда, значительно слабее, чем можно было опасаться. Европа стояла ещё под знаком прошлой, а не будущей войны. Потом нагрянул небывалый мировой экономический кризис, ввергший в пристра-

цию правящие классы всего мира. Только благодаря этому Советский Союз мог безнаказанно пройти через испытания первой пятилетки, когда страна снова стала ареной гражданской войны, голода и эпидемий. Первые годы второй пятилетки, принесшие явное улучшение внутреннего состояния СССР, совпали с началом экономического оживления в капиталистическом мире, новым приливом надежд, аппетитов, нетерпения и военных вооружений. Опасность комбинированного нападения на СССР только потому принимает на наших глазах осязательные формы, что страна советов всё ещё изолирована; что на значительном своём протяжении "одна шестая часть земного шара" представляет царство первобытной отсталости; что производительность труда, несмотря на национализацию средств производства, ещё гораздо ниже, чем в капиталистических странах; наконец, - и это сейчас важнее всего, - что главные отряды мирового пролетариата разбиты, не уверены в себе и лишены надёжного руководства. Так Октябрьская революция, в которой вожди её видели только вступление к мировой революции, но которая ходом вещей получила на время самодовлеющее значение, обнаруживает на новой исторической ступени свою глубокую зависимость от мирового развития. Снова становится очевидно, что исторический вопрос: кто - кого? не может быть разрешён в национальных рамках; что внутренние успехи или неудачи лишь готовят более или менее благоприятные условия для его разрешения на мировой арене.

Советская бюрократия, надо отдать ей эту справедливость, приобрела огромный опыт управления людскими массами: их убаюкивания, их разделения и обессиливания, их прямого обмана - с целью неограниченного властвования над ними. Но именно по этой самой причине она утратила всякие следы способности революционного воспитания масс. Задушив самостоятельность и инициативу народных низов у себя дома, она и на мировой арене естественно уже не может пробуждать критическую мысль и революционную отвагу. К тому же, как правящий и привилегированный слой, она неизмеримо более ценит на Западе помощь и дружбу родственных ей по социальному типу буржуазных радикалов, реформистских парламентариев, профсоюзных бюрократов, чем отделённых от неё социальной пропастью рядовых рабочих ... Факт таков, что , в качестве руководительницы Коминтерна, национально ограниченная и консервативная, невежественная и безответственная советская бюрократия не принесла мировому рабочему движению ничего, кроме бедствий. Достаточно напомнить, что разгром китайской революции, развязавшей руки японскому милитаризму на Востоке, и разгром германского пролетариата, приведший к торжеству Гитлера и бешеному росту германского милитаризма, являются в одинаковой мере плодами политики Коминтерна.

Предав мировую революцию, но чувствуя себя преданной ею, термидорианская бюрократия главные свои усилия направила на то, чтоб

“нейтрализовать” буржуазию. Для этого надо было казаться умеренной, солидной, подлинной опорой порядка. Но чтоб долго и с успехом казаться чем-либо, надо стать им на деле. Об этом позаботилась органическая эволюция правящего слоя. Так, отступая постепенно перед последствиями собственных ошибок, бюрократия пришла к мысли застраховать неприкосновенность СССР путём включения его в систему европейско-азиатского статус-кво. Что может быть, в самом деле, лучше вечного пакта о взаимном ненападении между социализмом и капитализмом?..

Можно ли, однако, ожидать, что из предстоящей великой войны Советский Союз выйдет без поражения? На прямо поставленный вопрос ответим столь же прямо: если б война осталась только войною, поражение Советского Союза было бы неизбежно. В техническом, экономическом и военном смысле империализм несравненно могущественнее. Если революция на Западе не парализует его, он сметёт режим, вышедший из Октябрьской революции.

Можно возразить, что “империализм” есть абстракция, ибо сам он раздирается противоречиями. Совершенно верно: если б их не было, Советский Союз давно сошёл бы со сцены. Однако было бы роковой ошибкой не видеть того предела, у которого эти противоречия должны умолкнуть ... Империалистические антогонисты всегда найдут компромисс, чтобы помешать военной победе Советского Союза ...

Положение радикально изменилось бы, конечно, если бы буржуазные союзники получили материальные гарантии в том, что московское правительство стоит по одну с ними сторону не только военной, но и классовой траншеи. Пользуясь затруднениями СССР, попавшего меж двух огней, капиталистические “друзья мира” примут, разумеется, все меры к тому, чтобы пробить брешь в монополии внешней торговли и советских законах о собственности ... И если допустить, что мировая борьба разыграется до конца только в военной области, то у союзников будут серьёзные шансы добиться своей цели. Без вмешательства революции социальные основы СССР должны потерпеть крушение не только в случае поражения, но и в случае победы...

Только европейский пролетариат, непримиримо противостоящий своей буржуазии... сможет оградить СССР от разгрома или “союзного” удара в спину... Никакая военная победа не спасёт наследия Октябрьской революции, если в остальном мире удержится империализм...

Не статус-кво, а Социалистические Соединённые Штаты Европы!” (с. 52 - 53, 158 - 160, 188 - 193).

9) Троцкий в общем правильно отмечает неустойчивость социального положения в СССР и свойственные строящемуся социализму противоречия. Это используется для доказательства невозможности социализма в одной стране, к тому же отсталой.

“Процесс экономического и культурного развития СССР оставил позади уже несколько этапов, но далеко не достиг ещё внутреннего равновесия. Если считать, что задачей социализма является создание бесклассового общества, основанного на солидарности и гармоническом удовлетворении всех потребностей, то в этом основном смысле в СССР социализма нет ещё и в помине. Правда, противоречия советского общества глубоко отличаются по природе своей от противоречий капитализма, но имеют тем не менее очень напряжённый характер. Они находят своё выражение в материальном и культурном неравенстве, в государственных репрессиях, в политических группировках и борьбе фракций...

Мы далеки от мысли противопоставлять абстракцию диктатуры абстракции демократии и взвешивать их качества на весах чистого разума. Всё относительно в этом мире, где постоянна лишь изменчивость. Диктатура большевистской партии явилась одним из самых могущественных в истории инструментов прогресса. Но... запрещение оппозиционных партий повлекло за собой запрещение фракций; запрещение фракций закончилось запрещением думать иначе, чем непогрешимый вождь. Полицейская монолитность партии повлекла за собой бюрократическую безнаказанность, которая стала источником всех видов распушенности и разложения...

Даже при понимании исторической неизбежности неравенства в течение ещё длительного времени, остаются открытыми вопросы о до-

пустимых пределах неравенства, как и об его общественной целесообразности в каждом конкретном случае. Неизбежная борьба за долю в народном доходе станет по необходимости политической борьбой.

Является ли нынешний строй социалистическим или нет, будет решаться не софизмами бюрократии, а отношением к строю самих масс, т.е. промышленных рабочих и колхозных крестьян...

Для предстоящей 6 января 1937 г. переписи советского населения выработан следующий перечень социальных категорий: рабочие; служащие; колхозники; единоличники; кустари; люди свободных профессий; служители культа; другие нетрудящиеся элементы. Согласно официальному комментарию, переписной лист только потому не включает в себе других социальных характеристик, что в СССР нет классов. На самом деле переписной лист построен с прямым расчётом: скрыть привилегированные верхи и наиболее обездоленные низы. Действительные прослойки советского общества, которые должно и можно было бы без труда выявить при помощи честной переписи, таковы: верхи бюрократии, специалисты и пр., живущие в буржуазных условиях существования; средний и низший слои, на уровне мелкой буржуазии; рабочая и колхозная аристократия - примерно на том же уровне; средняя рабочая масса; средние слои колхозников; крестьяне и кустари-единоличники; низшие рабочие и крестьянские слои, переходящие в люмпен-

пролетариат; беспризорные, проститутки и прочие...

Изнутри советского режима вырастают две противоположные тенденции. Поскольку он, в противоположность капитализму, развивает производительные силы, он подготавливает экономический фундамент социализма. Поскольку, в угоду высшим слоям, он доводит до всё более крайнего выражения буржуазные нормы распределения, он подготавливает капиталистическую реставрацию...

Бюрократия в СССР усваивает буржуазные нравы, не имея рядом с собой национальной буржуазии. В этом смысле нельзя не признать, что она есть нечто большее, чем бюрократия. Она есть единственный в полном смысле слова привилегированный и командующий слой в советском обществе.

Не менее важно другое отличие. Советская бюрократия экспроприировала пролетариат политически, чтобы своими методами охранять его социальные завоевания. Но самый факт присвоения ею политической власти в стране, где важнейшие средства производства сосредоточены в руках государства, создаёт новое, ещё небывалое взаимоотношение между бюрократией и богатствами нации. Средства производства принадлежат государству. Но государство как бы "принадлежит" бюрократии... Бюрократия ещё не создала для своего господства социальной опоры, в виде особых форм собственности. Она вынуждена защищать государственную собственность как источник своей власти и своих доходов. Этой стороной

своей деятельности она всё ещё остаётся орудием диктатуры пролетариата.

Попытка представить советскую бюрократию как класс “государственных капиталистов” заведомо не выдерживает критики. У бюрократии нет ни акций, ни облигаций. Она вербует, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности. Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата чиновник не может передать по наследству... Она делает вид, что в качестве особой социальной группы она вообще не существует. Присвоение ею огромной доли народного дохода имеет характер социального паразитизма. Всё это делает положение командующего советского слоя в высшей степени противоречивым, двусмысленным и недостойным, несмотря на полноту власти и дымовую завесу лести...

Как сознательная политическая сила бюрократия изменила революции... Октябрьская революция предана правящим слоем, но она ещё не опрокинута. Она располагает большой силой сопротивления, которая совпадает с установленными отношениями собственности, с живой силой пролетариата, с сознанием его лучших элементов, с безвыходностью мирового капитализма, с неизбежностью мировой революции” (с. 6, 89 - 90, 104, 201 - 202, 206 - 209).

10) Троцкий пытается дать объективное определение сложившегося в СССР общественного строя, но при этом, во-первых, естественное для

социализма неравенство, связанное с распределением по труду, толкует как “буржуазное”, а во-вторых, преувеличивает самостоятельность “бюрократии” и её враждебность социализму.

“СССР представляет промежуточное между капитализмом и социализмом противоречивое общество, в котором: а) производительные силы ещё далеко недостаточны, чтоб придать государственной собственности социалистический характер; б) порождаемая нуждою тяга к первоначальному накоплению прорывается через бесчисленные поры планового хозяйства; в) нормы распределения, сохраняющие буржуазный характер, лежат в основе новой дифференциации общества; г) экономический рост, медленно улучшая положение трудящихся, содействует быстрому формированию привилегированного слоя; д) эксплуатируя социальные антагонизмы, бюрократия превратилась в бесконтрольную и чуждую социализму касту; е) преданный правящей партией социальный переворот живёт ещё в отношениях собственности и в сознании трудящихся; ж) дальнейшее развитие накопившихся противоречий может как привести к социализму, так и отбросить назад, к капитализму; з) на пути к капитализму контрреволюция должна была бы сломить сопротивление рабочих; и) на пути к социализму рабочие должны были бы низвергнуть бюрократию” (с. 211).

11) Троцкий правильно отмечает, что бюрократия попытается закрепить своё привилегированное положение восстановлением частной собственности. “Можно возразить, что крупному бю-

рократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Новейший культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завешания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение её в новый имущий класс” (с. 210).

12) Как ни бранит Троцкий “советский термидор” и “советскую бюрократию”, он признаёт, что они сохранили главное завоевание социалистической революции - общественную собственность на средства производства, в связи с чем видит в качестве цели своей организации (как он считает, “левой”, “большевистской”, “ленинской” оппозиции) не социальную, а лишь политическую революцию.

“Чиновник ли съест рабочее государство или же рабочий класс справиться с чиновником? Так стоит сейчас вопрос, от решения которого зависит судьба СССР. Огромное большинство советских рабочих уже и сейчас враждебно бюрократии, крестьянские массы ненавидят её здоровой плебейской ненавистью. Если, в противоположность крестьянам, рабочие почти не вступали на путь открытой борьбы, обрекая тем протестующую деревню на блуждание и бессилие, то не только из-

за репрессий: рабочие боялись, что, опрокинув бюрократию, они расчистят поле для капиталистической реставрации... Без планового хозяйства Советский Союз был бы отброшен на десятки лет назад. В этом смысле бюрократия продолжает выполнять необходимую функцию. Но она выполняет её так, что подготавливает взрыв всей системы, который может полностью снести результаты революции. Рабочие - реалисты. Нисколько не обманывая себя насчёт правящей касты, по крайней мере ближайших к ним низших её ярусов, они видят в ней пока что сторожа некоторой части своих собственных завоеваний. Они неизбежно прогонят нечестного наглого и ненадёжного сторожа, как только увидят другую возможность: для этого нужно, чтоб на Западе или на Востоке открылся революционный просвет...

Революция, которую бюрократия подготавливает против себя, не будет социальной, как Октябрьская революция 1917 г.: дело не идёт на этот раз об изменении экономических основ общества, о замене одних форм собственности другими. История знала и в прошлом не только социальные революции, которые заменяли феодальный режим буржуазным, но и политические, которые, не нарушая экономических основ общества, сметали старую правящую верхушку (1830 г. и 1848 г. во Франции, февраль 1917 г. в России и пр.). Низвержение бонапартистской касты будет, разумеется, иметь глубокие социальные последствия; но само по себе оно укладывается в рамки политического переворота" (с. 236 и 238).

13) Какова программа троцкистов, именуемых “нелегальной партией большевиков-ленинцев” (с. 208)? Вот как Троцкий отвечает на этот вопрос.

“Представим себе, что советская бюрократия низвергнута революционной партией, которая имеет все качества старого большевизма и в то же время обогащена мировым опытом последнего периода. Такого рода партия начала бы с восстановления демократии профессиональных союзов и советов. Она могла бы и должна была бы восстановить свободу советских партий. Вместе с массами и во главе их она произвела бы беспощадную чистку государственного аппарата. Она дала бы молодёжи возможность самостоятельно мыслить, учиться, критиковать и формироваться. Она внесла бы глубокие изменения в распределение народного дохода в соответствии с интересами и волей рабочих и крестьянских масс. Но поскольку дело касается отношений собственности, новой власти не пришлось бы прибегать к революционным мерам. Она продолжала и развила бы дальше опыт планового хозяйства. После политической революции, т.е. низложения бюрократии, пролетариату пришлось бы в экономике произвести ряд важнейших реформ, но не новую социальную революцию” (с. 209).

Да, небогато. Самое конкретное и реальное - беспощадная чистка.

14) Троцкий не скрывает факт ведения его сторонниками в СССР подпольной работы. Он

прямо не призывает к террористическим актам и “только” видит в них определённую пользу.

“На протяжении 12 лет власть десятки раз оповещала мир об окончательном искоренении оппозиции. Но во время “чистки” в последние месяцы 1935 г. и первой половине 1936 г. снова исключены были сотни тысяч членов партии, в том числе несколько десятков тысяч “троцкистов”. Наиболее активные были немедленно арестованы, разбросаны по тюрьмам и концентрационным лагерям... Сколько именно большевиков исключено, арестовано, сослано, истреблено начиная с 1923 г., когда открылась эра бонапартизма, мы узнаем, когда развернём архивы политической полиции Сталина. Сколько их осталось в подполье, обнаружится, когда начнётся крушение бюрократии.

Какое значение могут иметь 20 - 30 тысяч оппозиционеров на партию в два миллиона человек? Голое сопоставление цифр не говорит в таком вопросе ничего. Десятка революционеров на полк достаточно, чтобы в накалённой политической атмосфере увлечь его на сторону народа. Недаром штабы смертельно боятся малочисленных подпольных кружков, даже одиночек. Этот реакционный штабной страх, пропитывающий сталинскую бюрократию насквозь, объясняет бешеный характер её преследований и её отравленных клевет...

Для правильной оценки положения в стране крупнейшее значение имеют нередкие террористические акты против представителей власти.

Наиболее нашумевшим было убийство Кирова, ловкого и беззастенчивого ленинградского диктатора, типичного представителя своей корпорации. Сами по себе террористические акты меньше всего способны опрокинуть бонапартистскую олигархию. Если отдельный бюрократ боится револьвера, то бюрократия в целом не без успеха эксплуатирует террор для оправдания своих собственных насилий, пристёгивая попутно к убийству своих политических противников (дело Зиновьева, Каменева и других). Индивидуальный террор - дело нетерпеливых или отчаявшихся одиночек, принадлежащих чаще всего к младшему поколению самой бюрократии. Но, как и в царские времена, политические убийства являются безошибочным признаком предгрозовой атмосферы и предвещают наступление открытого политического кризиса...

Мирного выхода из кризиса нет. Ни один дьявол ещё не обстригал добровольно своих когтей. Советская бюрократия не сдаст без боя своих позиций. Развитие явно ведёт на путь революции" (с. 234, 237 - 238).

Таково основное содержание книги Троцкого "Преданная революция", этого катехизиса троцкизма. Надеюсь, читатель, до сих пор по принципиальным соображениям не читавший Троцкого, согласится со мной, что его работы, и прежде всего эта, достойны чтения. Во всяком случае,

они многое проясняют в сталинизме как теоретическом и практическом отрицании троцкизма.

Что бы не говорили о троцкизме раньше и сейчас, он был и остаётся леворадикальным, а временами ультралевым, экстремистским течением в коммунистическом движении, тогда как сталинизм был, при всём радикализме, точнее, жёсткости его политического режима, течением левомысленным, лишь временами леворадикальным. Режим - другой аспект политики.

В значительно большей мере, чем сталинизм, троцкизм подменяет теорию догматическим теоретизированием, то есть квазитеорией. Суть этого приёма, широко используемого в богословии, состоит в том, что любые выводы и действия оппонента сопоставляются с якобы верными для любых условий, места и времени догмами, якобы аксиоматическими положениями. Те выводы и действия, которые, какова бы ни была реальная действительность, отвечают принятым догмам, объявляются истинными, а те, которые расходятся с догмами, - в лучшем случае считаются добросовестными, чаще же всего злонамеренными заблуждениями. Между теорией (научным обобщением действительности или научным осмыслением её конкретных проявлений) и догматическим теоретизированием сходство и различие такое же, как, скажем, между поэзией и графоманством, между профессиональным исполнением и любительским салонным музицированием.

Краеугольные положения троцкизма - о возможности победы социализма в одной стране,

вне рамок мировой революции и о том, что сразу после социалистической революции государство начинает отмирать, а в противном случае неизбежно бюрократизируется и изменяет революции, - эти краеугольные положения становятся, применительно к политической практике Сталина и его высказываниям, основанием для догматического теоретизирования.

Сталин ответил своему оппоненту тем же. В дискуссиях против троцкизма в 20-х годах он прямо-таки блестяще использовал догматическое теоретизирование, чтобы доказать: Ленин в сложившихся конкретно-исторических условиях, в условиях стабилизации капитализма и классовой борьбы внутри страны, считал необходимым и возможным не только строить, но и построить социализм в России и использовать для этого государство, развивать и укреплять его, чтобы только потом, в иных условиях, взять курс на его отмирание, - такова диалектика развития.

Сталин сформировал тот принцип, что отмирание государства (в принципиально иных условиях, после победы мировой революции, пока что, увы, запаздывающей) возможно не иначе как через его укрепление в сложившихся условиях, когда лишь с его помощью можно защитить Октябрь и сделать СССР базой развёртывания той же мировой революции, - и крыть Троцкому было нечем, все его обвинения сталинизма в термидоре лопнули как мыльный пузырь. В лучшем случае Троцкий воспринимался как человек, забежавший вперёд, ошибшийся эпохой. А в худшем? Как

авантюрист, готовый провоцировать революции в других странах, когда для них нет необходимых предпосылок, и тем обрекать их на поражение, а СССР на ответный удар. Или как пораженец, предсказывающий неизбежный крах социалистического строительства в СССР, если революция в других странах не придёт к нему на помощь, и видящий максимум достижимого для СССР лишь в том, чтобы “продержаться” до этой внешней помощи.

С такой программой второй (после Ленина) человек Октября, каким считал себя и, очевидно, был Троцкий, не мог рассчитывать на то, чтобы наследовать Ленину, стать первым руководителем ленинской партии и Советского государства. Его программа не смогла ни сплотить, ни вдохновить народ на великие самоотверженные усилия. Сталин победил в соперничестве с Троцким не потому, что его вынесла наверх термидорианская бюрократия, а потому, что он выдвинул мужественную программу строительства социализма в одной стране, программу, которая выглядела невозможной, но при гениальном руководстве и сверхусилиях народа была в какой-то мере реальна. И была реализована.

Как теоретик и политик, ошибившийся эпохой, Троцкий предстаёт и в своей критике сталинской бюрократии. К ней Троцкий относит характеристики, данные Марксом буржуазной бюрократии, но это верно лишь отчасти, применительно лишь к относительно небольшой части сталинского аппарата управления, к нетипичным

его работникам, случайным людям, от которых этот аппарат постоянно очищался. Значительная, но едва ли преобладающая часть советского партийного и государственного аппарата по-настоящему бюрократизировалась, дошла до готовности предать интересы народа, социалистический общественный строй и охотно это сделала много позже, полвека спустя, во времена брежневского застоя и горбачёвской “перестройки”. К бюрократии этой эпохи и относятся обличения Троцкого.

Ослеплённый злостью неудачник, изгнанный из революционной партии и социалистического государства, одним из высших руководителей которых он совсем недавно был, Троцкий в своих обличениях отнюдь не вовсе отрывался от действительности, его клевета отнюдь не “голая” - он слишком умён, чтобы опуститься до этого. Он верно отмечает явно негативные и сомнительные черты советского “бюрократизма”, но - таков метод - гипертрофирует их, заслоняет ими всё позитивное. И получает им же заданную картину, нужную ему для обоснования его политики - политики отмщения и реванша. Не нужно героизировать Троцкого.

Но вот приятный посмертный сюрприз. Эта картина, в целом неверная, искажающая суть сталинского аппарата управления, становится всё более верной в послесталинскую эпоху, и Троцкий из одностороннего обличителя, если не клеветника, превращается в проницательного исследователя, в провидца. Не будем, однако, заблуж-

даться. У этого провидчества два источника. Первый - слепота. Троцкий в упор не видел, так как не хотел видеть, что сталинизм, помимо прочего, включал в свои арсеналы эффективный механизм контроля аппарата управления, жёстко пресекавший элементы бюрократического перерождения этого аппарата. Между прочим, разделение этого аппарата на партийный и государственный было некоей трансформацией классического разделения властей. Партийная масса играла роль не только статиста, но и, по обстоятельствам, роли то опоры руководителей в их спорах с вышестоящими (например, поддерживала директора завода против наркомата), то контролёра и судьи (например, не избирала директора в бюро первичной парторганизации, после чего он снимался с должности как не пользующийся доверием в коллективе). Да и так возмущающие Троцкого чины, ордена, звания и т.п. были отнюдь не лишними в организации работы аппарата. Не видя всего этого, Троцкий оказался провидцем - это второй источник его провидчества - по милости своих злейших врагов - действительных бюрократов, не усовершенствовавших, а разложивших сталинский аппарат управления. Эти бюрократы были и антитроцкистами, и антисталинистами. Послесталинское развитие, завершившееся бюрократическим маразмом социализма и его крахом, не было закономерным, было исторически случайным. И таким же исторически случайным стало то, что звучат как истина слова Троцкого:

“Как сознательная политическая сила бюрократия изменила революции”.

Другое дело - предупреждение Троцкого о том, что советская бюрократия, сегодня довольствующаяся своим положением управляющей государственной собственностью, своекорыстно пользующаяся этим положением, завтра сочтёт его ненадёжным, неустойчивым, недостаточным и устремится к частной собственности. Здесь Троцкий проявил прямо-таки гениальную проницательность. Но в том, что он не был услышан, виноват во многом он сам. Его предупреждение утонуло в яростном потоке его обличений, которые воспринимались аппаратом управления, работавшим в целом самоотверженно и сверхпродуктивно, как клеветнические.

Соперничество Сталина и Троцкого оставляло в обществе по преимуществу такое впечатление: катятся по истории две бочки - одна, полная, с глухим рокотанием, другая, пустая, с шумом и грохотом. И мало кто думал, что и во второй бочке есть некоторое полезное наполнение.

Выделяя из ряда аспектов один, политику обычно определяют как искусство возможного. Нереальные цели чаще всего влекут к провалу. Те, кто ставит перед собой недостижимые цели, не принимаются в политике всерьёз. А те, кто ставит перед собой и достигает цели, находящиеся на грани невозможного, признаются либо исключительно везучими, либо гениальными политиками. Политику, взятую в другом аспекте, можно определить также как искусство достигать

своих целей и чужими руками, а именно усилиями своих союзников, нейтралов и самого противника (с помощью его ошибочных действий). При этом, естественно, нужно избежать положения, когда твои цели подменяются чужими.

Приложив эти определения политики как искусства, как арены социального творчества к Сталину и Троцкому, к сталинизму и троцкизму, мы едва ли затруднимся в выводах относительно того, кто из них в политическом искусстве проявил себя продуктивнее, кто в этом искусстве показал более глубокое понимание политики как объективной реальности, как системы отношений первичных субъектов политики (классы, нации и др.) между собой и с производными субъектами политики (партии, церкви и др.) по поводу обладания государственной властью и её использования.

Сталин зря убил Троцкого. Будь Троцкий жив, он не мог бы не признать, что сталинский партийно-государственный аппарат, страдающий “бюрократическим насморком”, не изменил революции (измена горбачёвского аппарата не в счёт, “отец за сына, а тем более дед за внука не отвечает”). Якобы невозможный социализм в одной стране был построен, якобы невозможный союз с одними империалистическими державами против других, пусть кратковременный и неустойчивый, состоялся. И принёс якобы невозможную величайшую победу. С образованием мировой социалистической системы мировая революция сделала огромный шаг вперёд, хотя и не такой, как предполагалось раньше. Всё это Троцкий вынужден

был бы признать. И не имело бы никакого значения то, что Троцкий не признал бы лишь грустного для себя факта, что в отличие от него Сталин действительно был гениальным политиком.

Милован Джилас, неоднократно встречавшийся со Сталиным в качестве одного из лидеров югославских коммунистов, а потом ставший одним из упорнейших и теоретически продуктивных оппонентов и Сталина, и Тито, совершенно правильно характеризует интеллектуальные преимущества Сталина. Вот это место из книги Джиласа "Беседы со Сталиным", написанной Джиласом уже "из оппозиции" и изданной в 1961 году:

"Одна из наиболее существенных, если не самая существенная из причин, что противники Сталина в партии - Троцкий, Бухарин, Зиновьев и другие - проиграли в борьбе с ним, та, что он был более оригинальным, более творческим марксистом, чем любой из них. Разумеется, в его стиле нет фейерверков Троцкого, а в его анализах - острого ума Бухарина. Изложения Сталина - это рациональное видение социальной реальности, руководство для новых, победоносных сил. Извлечённая из данной реальности, из соответствующих условий и атмосферы, его мысль действительно кажется серой, плоской и беспомощной. Но это лишь её внешний облик.

Сущность учения Маркса в неразрывности теории и практики...

Коммунизм и коммунисты всегда и всюду побеждали - пока возможно было осуществление этого единства их учения с практикой. Сталину

же непостижимую демоническую силу придало упорство и умение соединить марксистско-ленинское учение с властью, с государственной мощью. Потому что Сталин - не политический теоретик в полном смысле этого слова. Он говорит и пишет только тогда, когда его к этому принуждает политическая борьба - в партии, в обществе, а чаще всего тут и там одновременно. В этом слиянии мысли и реальности, в этом деловитом и неотвлечённом прагматизме и состоит сила и оригинальность взглядов Сталина...

Необходимо ещё раз повторить, что сталинский марксизм, сталинские взгляды никогда не проявляются - как будто их вовсе и не существовало - отдельно от нужд послереволюционного советского общества и советского государства. Это марксизм партии, жизненная необходимость которой - превращаться во власть, в "ведущую", господствующую силу. Троцкий назвал Сталина самой выдающейся посредственностью в нашей партии. Бухарин насмеялся над ним, говоря, что он охвачен бесплодной страстью стать известным теоретиком, Но это всё острословие, фракционистские высказывания. Сталин действительно не мыслил теоретически в полном смысле этого слова. Это не анализ и не учёные рассуждения. Однако для сочетания идеологии с потребностями партии... его мышление намного более ценно, чем мышление всех его противников... Сталин победил не потому, что он "искажал" марксизм, а как раз потому, что он его осуществлял...

Впрочем, при жизни Сталина никто не отрицал, что он марксист. Ни один разумный человек этого не делает и сегодня. Несогласия были и есть только в оценке его качеств как теоретика и его последовательности как наследника Ленина” (М.Джилас. Лицо тоталитаризма. М., “Новости”, 1992, стр.139 - 141).

Интересно в связи с этим и такое воспоминание Джиласа: “В разговоре кто-то (думаю, что я сам) подчеркнул, что мировоззрение Маркса и Энгельса живо и современно, на что Сталин заметил: “Да, они, без сомнения, основоположники. Но и у них есть недостатки. Не следует забывать, что на Маркса и Энгельса слишком сильно влияла немецкая классическая философия. В то время как Ленин от подобных влияний был свободен...” (там же, стр. 138). На самого Сталина сильнейшее влияние оказал Ленин. Но и его влияние, видимо, нельзя назвать “слишком сильным”. Мы вернёмся к этому дальше.

Главной и роковой ошибкой Троцкого было объявление им политической войны Сталину и сталинизму, войны на свержение и уничтожение. Это воистину ошибка, которая хуже преступления. Этот шаг был грубо нелогичен в свете признанных самим Троцким фактов. “Термидорианская бюрократия” форсированно развивает страну, готовя отпор вероятному империалистическому нашествию. Она не покушается на социальные основы революции, почему не даёт даже повода для социального переворота, - так какая необходимость свергать её и тем дезоргани-

зовать работу, ведущуюся в условиях острейшего дефицита времени? Неужели достаточным основанием для политического переворота является то, что когда-то бюрократия, возможно, переориентируется с государственной собственности на частную? И чем конкретно сталинскую бюрократию, безжалостно вычищенную и уничтоженную, заменить в системе управления? Не такой же ли, только троцкистской бюрократией? Чем хрен слаще редьки? Неужели ради такой замены нужно вести подпольную работу, проникать в штабы, готовить военный переворот, злорадствовать по поводу убийства Кирова и тем благославлять аналогичные террористические акты? И если такие вещи пишутся в книге, то что содержалось в секретных инструктивных письмах, которые Троцкий посылал своему подполью? Громкие процессы, в частности процесс право-троцкистского блока 1938 г., не были сплошь сфальсифицированными, они определённо содержали и действительные факты, имели реальную основу.

У Троцкого были основания вести против сталинизма борьбу, какая ведётся в рамках внутриклассовой оппозиции. Партии, по-разному понимающие способы защиты интересов одного и того же класса, в соперничестве за обладание властью не могут ставить под удар самого господствующего положения своего класса. Это неукоснительно соблюдаемое общее правило. "Ворон ворону глаз не выклюнет": перья в драке летят, а глаза целы, цел и вид. Троцкий пренебрёг этим правилом. Ради собственной власти он готов был

пожертвовать всем на свете. Именно ради собственной власти, а не ради мировой революции. Что касается революции, то он не мог не понимать, что “сие от него не зависит”.

Вызов Троцкого был неадекватным. Неадекватным стал и удар Сталина. Всё сошлось на том, что 1937 год стал трагичнейшим годом советской истории. У него два родителя: Троцкий и Сталин. Но основную ответственность несёт Сталин: власть была у него.

История СССР выстроила такой ряд первых руководителей, “советских цезарей”. Владимир Мудрый, Львиное Сердце. Иосиф, Грозный Строитель. К сожалению, краткосрочный Георгий Неудачник. Никита Попрыгунчик. Леонид Дутый. Опять краткосрочные Юрий Осторожный и Константин Безликий. Михаил Скользящий. Не допущенный в советские цезари, Борис Разбойный стал убийцей СССР. Этот список - свидетельство неустроенности советского социализма. В каждом втором случае история делала неудачный выбор. Не был ли Л.Д. Троцкий несправедливо обойдён ею? Определённо нет. В противном случае мы имели бы на втором месте в приведённом ряду Льва, Великого Барабанщика. А время требовало Грозного Строителя. И получило его. Со всеми издержками.

Сталинские репрессии.

Сталинские репрессии были столь масштабны и безжалостны, что, казалось бы, не поддаются

ся преувеличениям. Преувеличения, вплоть до злорадных, бесстыдных, однако, последовали. И многими были приняты на веру. Реальной диктатуре пролетариата не хватило своего кошмара - ей его прибавили. Проблема требует самостоятельного исследования. Из известных мне работ неукоснительной объективностью отличается статья В.Н. Земскова "К вопросу о политических репрессиях в СССР (1917 - 1990 годы)", опубликованная в журнале "Изм" № 1 за 1994 г. Дальше следует её изложение.

Достоверную обобщающую картину даёт следующая таблица.

Число осуждённых за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления в 1921-1953 гг.*

в том числе

Годы	Всего осуждено (чел.)	высшая мера	лагеря, колонии и тюрьмы	ссылка и высылка	прочие меры
1921	35829	9701	21724	1817	2587
1922	6003	1962	2656	166	1219
1923	4794	414	2336	2044	-
1924	12425	2550	4151	5724	-
1925	15995	2433	6851	6274	437
1926	17804	990	7547	8571	696
1927	26036	2363	12267	11235	171
1928	33757	869	16211	15640	1037
1929	56220	2109	25853	24517	3741
1930	208069	20201	114443	58816	14609
1931	180696	10651	105683	63269	1093
1932	141919	2728	73946	36017	29228
1933	239664	2154	138903	54262	44345
1934	78999	2056	59451	5994	11498

1935	267076	1229	185846	33601	46400
1936	274670	1118	219418	23719	30415
1937	790665	353074	429311	1366	6914
1938	554258	328618	205509	16342	3289
1939	63889	2552	54666	3783	2888
1940	71806	1649	65727	2142	2288
1941	75411	8011	65000	1200	1210
1942	124406	23278	88809	7070	5249
1943	78441	3579	68887	4787	1188
1944	75109	3029	70610	649	821
1945	123248	4252	116681	1647	668
1946	123294	2896	117943	1498	957
1947	78810	1105	76581	666	458
1948	73269	-	72552	419	298
1949	75125	-	64509	10316	300
1950	60641	475	54466	5225	475
1951	54775	1609	49142	3425	599
1952	28800	1612	25824	773	591
1953					
(1 полу- гдие)	8403	198	7894	38	273
ИТОГО	4060306	799455	2634397	413512	215942

*ГАРФ. Коллекция документов; Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923-1953 гг.:источники и их интерпретация// Отечественные архивы, 199, N2, с.28.

Как следует из других приводимых Н.В. Земсковым достоверных данных, указанное в таблице общее число осуждённых - 4060306 - складывается из двух чисел: 3.777.380 человек, осуждённых по ст. 58 за контрреволюционные преступления, и 282.926 человек, осуждённых за бандитизм и некоторые иные особо опасные преступления.

На конец 1953 г. в местах лишения свободы отбывали срок 474.950 политических заключён-

ных, то есть осуждённых за контрреволюционные преступления.

В 1934 - 1953 г.г. в лагерях, колониях и тюрьмах умерло 1,6 - 1,7 млн заключённых, политических и уголовников вместе. Соотношение общего числа тех и других в местах лишения свободы было 1:3. Смертность среди политических была несколько выше. За эти 20 лет умерло в заключении, следовательно, более полумиллиона "политических".

Итак, около четырёх миллионов осуждено за контрреволюционные преступления, около 20 процентов из них расстреляно, в лагерях и колониях на момент смерти Сталина содержалось около 600 тысяч "политических". Это основная часть жертв сталинских репрессий. Относительно других категорий граждан, охватываемых понятием "жертвы сталинских репрессий" есть не абсолютно достоверная, но всё же достаточно достоверная документальная информация.

В 1930 - 1931 г.г. в "кулацкую ссылку" было направлено более 1,8 млн крестьян. В начале 1932 г. их там оставалось 1,3 млн. Убыль в 0,5 млн составила из смертности, побегов и освобождения высланных неправильно. За 1932 - 1940 г.г. в "кулацкой ссылке" родилось 230.258, умерло 389.521, бежало 629.042 и возвращено из бегов 235.120 человек. С 1935 г. рождаемость стала выше смертности: в 1932 - 1934 г.г. в "кулацкой ссылке" родилось 49.168 и умерло 271.367, в 1935 - 1940 г.г. - соответственно 181.090 и 108.154 че-

ловека (Государственный архив Российской Федерации, ф. 9479, оп. 1, д. 89, л. 205,216).

Н.В. Земсков не относит к “жертвам политических репрессий” умерших от голода в 1933 году, он считает их “жертвами жестокой фискальной политики государства”, совершившего тем самым “чудовищное преступление перед миллионами крестьян” (названная статья, с. 41). Каково число этих жертв? “Точное число умерших, - пишет Н.В. Земсков, - не установлено. В литературе обычно называются цифры от 6 до 10 млн., причём только по Украине эти оценки колеблются от 3-4 до 6-7 млн. Однако статистика рождаемости и смертности в 1932-1933 годы заставляет сделать вывод, что эти оценки сильно преувеличены. По данным Центрального управления народнохозяйственного учёта Госплана СССР, в 1932 году на Украине родилось 782 тыс., а умерло 668 тыс., в 1933 году - соответственно 359 тыс. и 1.309 тыс. человек... Здесь надо учитывать и ежегодную естественную смертность (от старости, болезней, несчастных случаев и т. д.), но ясно, что на первое место по численности следует поставить умерших от голода” (с. 41 - 42). Следовательно, если предположить уровень “естественной” смертности таким же, как в предыдущем году, то от голода на Украине в 1933 году умерло примерно 641 тыс. человек.

“Сильно преувеличены, - продолжает Н.В.Земсков, - также потери депортированных в 1941 - 1944 годы немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских та-

тар, выселенных в 1944 г. из Грузии турок-мехетинцев, курдов, хемшилов, азербайджанцев. Р.А. Медведев определяет число умерших во время и после выселения в 1 млн. человек (см. "Московские новости", 1988, 27 ноября). Если бы это было так, то для малых народов такие жертвы означали бы страшнейший удар по их биологическому потенциалу, от которого они вряд ли оправились бы и к настоящему времени. В прессе, к примеру, проскальзывали оценки, согласно которым до 40 процентов крымских татар умерло при транспортировке в места высылки. Это, конечно, ни в малейшей степени не соответствует истине. Так, из 151.720 крымских татар, направленных в мае 1944 года в Узбекскую ССР, было принято по актам органами НКВД Узбекистана 151.529, а в пути следования умер 191 человек (см. : ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 179, л. 241). Другое дело, что в первые годы жизни на спецпоселении, в процессе мучительной адаптации смертность значительно превышала рождаемость. С момента первоначального выселения и до 1 октября 1948 г. у выселенных немцев (без трудовой армии) родилось 25.792 и умерло 45.275, у северокавказцев - соответственно 28.120 и 146.892, у крымчан - 6.564 и 44.887, у выселенных в 1944 г. из Грузии - 2.873 и 15.432, у калмыков 2.702 и 16.594 человек. С 1949 года у всех них рождаемость стала выше смертности (см. там же, д. 436, л. 14, 26, 65-67)".

В целом, по достоверным документальным данным, сталинские репрессии коснулись, в частности и своим смертельным дыханием, 10 - 12

миллионов человек, то есть 7 - 8 процентов тогдашнего населения страны. Это огромная, страшная цифра, превышающая "норму" по меньшей мере на порядок. Для антисталинистов такого превышения оказалось недостаточно. Их можно понять: без многократного преувеличения числа жертв сталинизма трудно было перечеркнуть его великие достижения.

"Большой резонанс в обществе, - отмечает в своей статье Н.В.Земсков, - вызвала публикация Р.А.Медведева в "Московских новостях" (ноябрь 1988 года) о статистике жертв сталинизма... По его подсчётам, за 1927 - 1953 годы было репрессировано около 40 млн. человек, включая раскулачивание, депортацию народов, умерших от голода в 1933 году и др. В 1989 - 1991 годы эта цифра была одной из наиболее популярных при пропаганде преступлений сталинизма и довольно прочно вошла в массовое сознание. Но она была неверной. На самом деле такое количество (40 млн.) не получается даже при самом расширительном толковании понятия "жертвы репрессий". Так, в эти 40 млн. Р.А.Медведев включил 10 млн. раскулаченных в 1929 - 1932 годы (в действительности их было около 4 млн. человек), почти 2 млн. выселенных в 1939 - 1940 годы поляков (в действительности - около 380 тыс.), и в таком духе абсолютно по всем составляющим, из которых слагалась астрономическая цифра. По мнению Р.А.Медведева, в 1937 - 1938 годы было репрессировано 5 - 7 млн. (на самом деле - 1,5 млн.) а 10 млн. в 1941 - 1946 годы - это уж совсем

фантастика, даже если сюда включить более 2 млн. выселенных немцев, калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей и др.

Нам часто приходилось слышать, что расчёты Р.А.Медведева, возможно, правильные, так как он ставит проблему репрессированных в широком плане... В каком бы плане ни ставить проблему (широком или узком), статистика Р.А.Медведева не соответствует истине в любом случае; в его расчётах нет ни одной цифры, хотя бы отдалённо похожей на подлинную статистику.

Однако эти 40 млн. скоро перестали удовлетворять “растущим потребностям” определённых политических сил в очернении отечественной истории советского периода. В ход пошли “изыскания” американских и других западных советологов, согласно которым в СССР от террора и репрессий погибло 50 - 60 млн. человек. Как и у Р.А.Медведева, все составляющие подобных расчётов были чрезвычайно завышены; разница же в 10 - 20 млн. объяснялась тем, что Р.А.Медведев начинал отсчёт с 1927 года, а западные советологи - с 1917 г. Если Р.А.Медведев оговаривал в своей статье, что репрессии - не всегда смерть, что большая часть раскулаченных остались жить, что из репрессированных в 1937 - 1938 годы расстреляна меньшая часть, и т.д., то западная советология однозначно называла 50 - 60 млн. человек как физически истреблённых и умерших в результате террора, репрессий, голода, коллективизации и др...

Эти мифические 50 - 60 млн. скоро затмили собой в массовом сознании роймедведевские 40 млн... Поэтому, когда председатель КГБ СССР В.А.Крючков в своих выступлениях по телевидению называл подлинную статистику политических репрессий, то многие в буквальном смысле слова не верили своим ушам, полагая, что ослышались...

Однако и это ещё не было пределом оболванивания общественности. В июне 1991 г. в "Комсомольской правде" было опубликовано интервью А.И.Солженицина испанскому телевидению 1976 года. Из него мы узнаем следующее. "Профессор Курганов косвенным путём подсчитал, что с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, - только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 миллионов человек... По его подсчётам, мы потеряли во второй мировой войне от пренебрежительного, неряшливого её ведения 44 миллиона человек! Итак, всего мы потеряли от социалистического строя - 110 миллионов человек!".

Трудно комментировать подобный шедевр "творческой" мысли, потому что это скорее напоминает горячечный бред. И всё-таки позволим себе задать некоторые вопросы. Почему при численности населения СССР 147 млн. человек (данные 1926 года) при таких гигантских масшта-

бах гибели людей ... страна, по крайней мере наполовину не обезлюдела? Более того, за 1926 - 1937 годы население СССР увеличилось на 15 млн. и составило 162 млн, а в 1939 г. возросло до 170 млн человек. "Таковы достаточно достоверные цифры и оценки Н.В. Земскова. Их замолчали. Клеветнически заботятся не об истине, а об эффекте, и своего они, увы, добились.

Своей репрессивной политикой сталинизм скомпрометирован непоправимо. Репрессии действительно были слишком массовыми, в недопустимой доле необоснованными и слишком жестокими. Расстрел из исключительной меры наказания стал ординарной. О праве "врагов народа" на правосудие, на защиту нечего и говорить. Лишь каждый четвёртый из осуждённых представал перед судом, три остальных пропускались через канцелярскую мясорубку "особых совещаний" и "троек". "Диктатура пролетариата" видела в этом историческую справедливость. И как-то упускалось из вида, что жернова террора перемалывают не только врагов народа, но и не столь уж виновных и просто невиновных.

В своём знаменитом "антикультовском" докладе на XX съезде КПСС Н.С.Хрущёв сообщил, наряду со многим прочим, о телеграмме Сталина и Жданова, в которой они в 1936 году предлагали ЦК ВКП(б) разрешить органам НКВД применять пытки. Что и было сделано. Довод их состоял в том, что если органы безопасности буржуазных государств пытаются революционеров, то и мы вправе делать это в отношении

“неразоружающихся врагов народа”. Логично, не так ли? Но эта логика кошмара, логика ловушки.

К чему она приводит? К легализации возможности фабриковать дела, к оговорам невинных, к самооговорам арестованных как единственному средству избавления себя от нечеловеческих страданий. Были, конечно, арестованные, которых не могли сломить никакие пытки, но они составляли меньшинство. Были и арестованные, которые спасались от пыток лишь правдивыми показаниями, и были следователи, которые не прибегали к пыткам или, во всяком случае, не выбивали явно ложные показания. Трудно сказать, сколько было таких. Но ясно, что многие, очень многие спасались от пыток “признаниями”, которые за них сочинялись следователями. Вместе с тем появилась “теория” А.Я.Вышинского, согласно которой в делах об антисоветских организациях признания обвиняемых имеют особое доказательственное значение, ввиду чего на них или главным образом на них можно основывать приговор.

Так была создана почва для появления множества в большей или меньшей мере сфальсифицированных дел. По ним в некотором числе осуждались и виновные (ясно, что действительные преступники были, и в тех условиях их было немало), но в ещё большем числе “заметались” невинные. Позднейшая массовая реабилитация, проведённая двадцать и более лет спустя, не могла внести полной ясности в дела тех лет. Её задача заключалась лишь в возвращении множеству

невиновных или “не столь виновных” свободы или хотя бы доброго посмертного имени.

В последние годы появилось немало не совсем полных, но в основе своей бесспорных сообщений о допущенных при Сталине расправах с невиновными людьми. Эти сообщения находят широкий отклик. Они потрясают, выворачивают душу, вызывают горечь, недоумение, ненависть. Тысячами и тысячами гибли и в лучшем случае лишались свободы старые революционеры, как причастные, так и не причастные к уже отшумевшим оппозициям, в том числе близкие соратники В.И.Ленина, остававшиеся таковыми и при расхождении с ним, прославившиеся в сражениях гражданской войны военачальники, талантливые писатели и поэты, публицисты и учёные, просто втянутые в водоворот событий, ставшие жертвами ложных доносов честные люди, которые позволили себе независимые суждения и действия. Это было страшное время. В 1937-38 г.г., названные по имени тогдашнего “народного комиссара” внутренних дел годами “ежовщины”, символом времени стали “ежовые рукавицы”, в которых корчатся “враги народа”.

Чтобы представить себе дух того страшного и постыдного времени, почитаем произнесённые тогда речи Н.С.Хрущёва. Передо мной брошюра: Н.С.Хрущёв. Речи на собраниях избирателей г.Москвы. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. Три речи, произнесённые в декабре самого трагичного, тяжёлого года нашей истории. Основные темы - верность партии Ленина-Сталина, огромные

успехи, уничтожение врагов народа. На 22 страницах текста имя Сталина упоминается 56 раз. Неизменно в сопровождении эпитетов “великий”, “гениальный вождь и учитель”, “любимый”. “Я даю клятву, что ни на один шаг не отступлю от той линии, которая проводится нашей ленинско-сталинской партией, нашим великим Сталиным” (с.9). “Я призываю вас всех теснее сплотить свои ряды, крепче и беспощадно расправляться с врагами народа, с этой нечистью, с этими сорняками наших советских полей, предателями, троцкистско-бухаринскими и другими всякими мерзавцами. Товарищи, это они, эти мерзавцы, пытались распродать нашу страну, это они сговорились с фашистами, с японскими, немецко-польскими и другими разведками против Советской страны” (с. 13). “Ни единого человека нет в нашей стране, кто желал бы вернуть прошлое, за исключением мерзавцев, продавшихся заклятым врагам нашей страны. Но те, которые торговали кровью рабочего класса и разоблачены нашими боевыми чекистами, органами Наркомвнудела, возглавляемыми товарищем Н.И.Ежовым, - на площадях у нас не находятся. Мы этих мерзавцев стёрли в порошок” (с. 14). Аплодисменты, бурные аплодисменты.

Эта речь типична для тех времён, хотя, правда, несколько более примитивна и экспансивна, чем другие. Сталин таких речей не произносил, но несёт ответственность за них. Как и за практические действия авторов речей. Что касается Хрущёва, то он, тогда один из самых ревностных “истирателей-в-порошок” “врагов народа” и все-

общих шпионов, проявлял свою безудержность в качестве первого секретаря Московского комитета партии и одновременно председателя репрессивной “тройки” (в неё входили также московский прокурор и начальник управления НКВД). В его “славное десятилетие”, как было при нём обозначено время, на протяжении которого он стоял во главе партии, а именно 1953-1964 г.г. (нужно отдать ему должное - действительно славное разоблачением беззаконий и жестокостей), документальные следы его собственной бурной активности были вычищены из архивов, но уничтожить все следы невозможно. Именно для таких ретивых, каким был тогда Хрущёв, сверху спускались “лимиты”. Они означали не задание на искоренение скольких-то врагов, как обычно думают, а были именно лимитами, ограничениями: снизу докладывали, что у них подлежащих репрессии врагов, скажем, тысяча, а сверху разрешали репрессировать только, скажем, сто самых злостных, да и то по согласованию с наркоматами, чтобы деятельность их не приостановилась. Таковы картинки...

В репрессивной политике 30-х г.г., особенно в “ежовщине”, сыграл немалую роль элемент массового психоза, патологического психоза “сверхбдительности”, охватившего и репрессивный аппарат, и многих легковерных. Благонамеренное политическое легковерие, “святая простота” ”сверхбдительных” проявили себя как опаснейшая деструктивная сила. Она обрела достойных союзников. В угаре психоза всплыло на по-

верхность множество доносчиков, людей низких и подлых. Это время было праздником для них. В какой-то мере психоз мог захватить и недоразвитых политических деятелей ревностно-исполнительского типа. Типа тогдашнего Хрущёва. Но едва ли психоз захватил самого Сталина. Этот деятель был другого сорта. Он, скорее всего, хладнокровно наблюдал за развитием психоза “сверхбдительности”, давал ему развернуться и поработать, хотя бы и с заведомыми чрезмерными и напрасными жертвами (“лес рубят - щепки летят”), с тем чтобы в нужный момент остановить оргию насилия и ввести её в более упорядоченное русло.

Что и было сделано в конце 1938 г., когда “за нарушения социалистической законности” был снят и расстрелян Ежов и вместе с ним не одна тысяча работников НКВД, особо отличившихся в этой оргии насилия, развращённых и опустошённых ею и потому ставших ненужными и опасными для самого взрастившего их режима (а до того его жертвами пали многие тысячи других, честных работников НКВД, сопротивлявшихся актам беззакония и произвола). В НКВД Ежова сменил Берия, до того руководивший Грузией и оставивший там свой кровавый след. Он возглавлял НКВД до 1943 г. В 1939 г. в соответствии с решением ЦК партии были освобождены многие из тех, кого не успели казнить, в том числе немало военачальников, впоследствии прославивших себя в Великой Отечественной. В их числе был К.К.Рокоссовский. Но беззакония продолжались,

хотя и в меньших масштабах. Их жертвой стал умерший в тюрьме Н.И.Вавилов, великий учёный и благороднейший человек.

В своём негативном измерении сталинизм в полной мере проявил себя, особенно в отдельные периоды, как террористический режим. Как кровавая тирания. Имеет ли она оправдания? Конечно, нет. Она не оправдывается тем, что социалистическая революция в большей мере, чем другие, не столь глубокие революции, вынуждена защищаться от попыток свергнутых угнетательских классов, их представителей, всех этих “бывших”, физически переживших ликвидацию своих классов, вернуть власть или хотя бы отомстить тому строю, который лишил их богатств и привилегий. Не оправдывает её и тот факт, что во всякой революции часть передового класса оказывается на стороне реакционных сил. Эти общие соображения ничего не оправдывают и мало что объясняют, когда речь идёт о сталинском терроре. А объяснение необходимо, и притом более серьёзное, чем ссылка на одни только личные качества Сталина, действительные или воображаемые.

Объяснение тем более необходимо, что общая социально-политическая обстановка в стране в годы террора находилась в разительном противоречии с тем, что происходило в сфере политического насилия. Перед нами неправдоподобный парадокс. В то время, когда в застенках режима пытали, наскоро “судили”, расстреливали, в лучшем случае обрекали на изнурительный труд и нечеловеческие условия жизни в лагерях не толь-

ко действительных врагов нового общественного строя, но и тысячами и тысячами, под именем “врагов народа”, его убеждённых сторонников, его бойцов и строителей, - в это самое время в стране, в широких слоях общества, в народе не только не было проявлений массового недовольства, восстаний, протестов, а, напротив, царило воодушевление. Большинство народа было уверено в мудрости своего правительства, хотя молчаливо недоумевало по поводу столь большого числа “врагов народа”, приписывая трагическим случаям то, что ими оказывались такие-то определённо честные люди. Многие невинно осуждённые продолжали верить Сталину, преклонялись перед ним, восхваляли его. Да, было и такое. Большинство народа поддерживало правительственные меры на митингах и с полнейшей искренностью и убеждёностью распевало песню о Родине, в которой, как нигде в мире, “так вольно дышит человек”. Невероятно, но факт.

Возникает, следовательно, вопрос об общих последствиях репрессивной политики 30-х г.г. То, что они были крайне негативными, несомненно. Но не так уж очевидно то, насколько глубоко они затронули основы жизнедеятельности общества. Не подорвали ли они морально-политический потенциал страны? В многочисленных публикациях утверждается, что на страну опустилась ночь страха, что страх и слепое, механическое исполнение сделались главными двигателями всего последующего развития.

Вроде иначе не могло и быть. Но в “нормальное” время, а не в то время невероятных парадоксов. Нет, морально-политический потенциал не был подорван. Вот профессиональное наблюдение человека, прославившегося не только полководческим талантом, но и принципиальностью и правдивостью. Маршал Жуков пишет: “Каждое мирное время имеет свои черты, свой колорит и свою прелесть. Но мне хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъёмом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворённостью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начинали жить! И какой экономист, философ или писатель сможет достоверно обрисовать, как расцвела бы наша страна сегодня, как далеко мы ушли бы вперёд, не прерви война широкое, мирное и могучее течение тех лет...” (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1971, с. 231 - 232). Таких свидетельств огромное, необозримое множество.

Оправдать террористическую сторону сталинизма невозможно, но объяснить можно и нужно. Это политическая необходимость. Разоблачения сталинизма в виде публикаций о конкретных фактах террора и о допущенных Сталиным ошибках (темпы и методы коллективизации, отдельные проявления экономического волюнтаризма и авантюризма в темпах и планах индустриализации, в особенности в первой пятилетке, грубые просчёты в начале войны и др.) будут продол-

жаться. Даже если публикации такого рода будут сбалансированы столь же предметными и наглядными публикациями, показывающими, что в те годы велась борьба с действительными врагами и делались полезные, героические дела, всё равно негативные факты будут оказывать более сильное влияние на общественные настроения, а через них и на идеологическое и политическое состояние общества. Замалчивать эти негативные факты тем не менее нельзя. Общество, в своё время не защитившее своих сынов и дочерей от насилия и бесчестья, должно теперь публично восстановить их доброе имя.

Пока что любая попытка объективного объяснения трагического прошлого расценивается некоторыми изданиями, гарцующими на коньке разоблачительства, не иначе как оправдание и поддержка былых беззаконий и жестокостей: “объяснение уже оправдание”. Нет, это неверно. Объяснение может и быть, и не быть оправданием, но всегда - урок.

Политическое объяснение необходимо и для таких “запредельных” акций, как расстрел в Катыни в 1940 году интернированных поляков, как обычно пишут, “польских офицеров”. В 1992 году на процесс по делу о запрете КПСС президентская сторона представила документы об этом расстреле Конституционному Суду. В качестве представителя КПСС я принимал участие в оценке этих документов. Упоминались на суде и материалы комиссии академика Бурденко, устанавливающие факт расстрела поляков немцами после

оккупации Смоленской области. Очевидно, "стреляли" в Катынском лесу и органы НКВД, и немцы, так что предъявленные документы не являются взаимно исключаящими.

Основным документом, подтверждающим факт расстрела поляков органами НКВД, является докладная записка, направленная 5 марта 1940 года наркомом внутренних дел Л.Берия в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину. В ней говорится (приводится полностью):

"В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненавистью к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждёт освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офи-

церы бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное количество лиц, которые являются участниками к-р шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтерофицерского состава) - 14.736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков - по национальности свыше 97% поляки.

Из них:

Генералов, полковников и подполковников	-295
Майоров и капитанов	-2.080
Поручиков, подпоручиков и хорунжих	-6.049
Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии	-1.030
Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков	-5.138
Чиновников, помещиков, ксендзов и осадников	-144

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18.632 арестованных (из них 10.685 поляки), в том числе:

Бывших офицеров	-1.207
Бывших полицейских, разведчи-	

ков и жандармов	-5.141
Шпионов и диверсантов	-347
Бывших помещиков, фабрикантов и чиновников	-465
Членов различных к-р и повстанческих организаций и разного к-р элемента	-5.345
Перебежчиков	-6.127

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700

человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков -

рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания - расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения - в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных, - по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц арестованных - по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР).”.

Документ подписан Л.Берия. На первой странице карандашом: “За” и подписи: И.Сталин, В.Молотов, К.Ворошилов. Ниже заметки: Калинин - “за”. Каганович - “за”. Видимо, о своём согласии эти двое сообщили по телефону.

Текст докладной записки, начиная со слов “Предложить НКВД СССР” и до конца, превратился в текст решения ЦК КПСС.

В своей книге “Мой отец Лаврентий Берия” С.Л. Берия пишет, что при принятии этого решения нарком внутренних дел в качестве члена Политбюро ЦК возражал против предложенных в его же докладной записке мер, что в связи с этим А.А.Жданов даже предлагал свою кандидатуру на пост наркома внутренних дел и что благодаря занятой Берия позиции всё же избежали общей участи генерал Андерс и его штаб (созданное ими польское национальное формирование отказалось войти в состав советских вооружённых сил и впоследствии сражалось вместе с англичанами).

В пакете представленных в Конституционный Суд документов была копия написанной от руки (по соображениям секретности) докладной за-

писки председателя КГБ при СМ СССР А.Шелепина на имя Н.С.Хрущёва от 3 марта 1959 г. Шелепин предлагал уничтожить учётные дела на расстрелянных, оставив лишь протоколы заседаний тройки НКВД СССР, и напоминал, что существует официальная версия, “подтверждённая произведённым по инициативе Советских органов власти расследованием”, и что согласно выводам этой комиссии “все ликвидированные там (в Катынском лесу) поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами”.

В докладной записке Шелепина приводятся следующие цифры: “Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек. Из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3.820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии”.

Если, следовательно, по постановлению ЦК ВКП(б) тройка НКВД получила “право” расстрелять 25.700 поляков, а расстреляла 21.857, то 3.843 человека были оставлены ею жить. Ясно, что по воле Берия. И в этом аду каждый шестой был спасён... главным палачом. Очевидно, это были большей частью те офицеры армии Андерса, о которых пишет Берия-сын.

Как можно объяснить тот факт, что Сталин и его соратники пошли на действие, которое не могло быть расценено иначе как массовое зло-

деяние и не могло не лечь чёрным пятном на историю взаимоотношений двух народов, и без того более чем сложную? О чем они думали, наши вожди? Определенно о политической целесообразности, причем в ее текущих утилитарных измерениях. Вот возможное содержание их рассуждений. Привлечь эти тысячи поляков на свою сторону после уничтожения и раздела Польши явно не удастся. Превратить их в продуктивную рабочую силу в системе ГУЛАГ-а не те люди. Да и на каком основании приговорить их к лишению свободы? Выпустить на свободу и потом ловить каждого второго или третьего как вредителя, шпиона или террориста? Нет, самое простое - смерть. Не так ли сами поляки, причем и те самые, которые ждут сейчас своего жребия, решили аналогичный вопрос о судьбе 60 тысяч красноармейцев, попавших в плен к ним в 1920 году, при провале наступления на Варшаву? Пусть теперь примерят сию модель на себя. (Кстати, на Конституционном Суде один из свидетелей, В.М.Фалин, бывший заведующий международного отдела ЦК КПСС, дважды, с подчеркнутой настойчивостью приводил в своих показаниях этот исторический факт. Он ничего не говорил о Катыни как возмездии, но эта мысль возникла сама собой). Разумеется, политики масштаба Сталина задумываются и об отдаленных последствиях такого рода массовых злодеяний, но, видимо, неумолимо надвигающаяся большая война обещала все списать.

В случае со Сталиным мы, возможно, имеем пример того, как укоры совести настигают поли-

тиков и заставляют их совершать внешне слабо-мотивированные действия. У Сталина такие укеры совести могли быть порождены тремя его действиями в отношении Польши: заключением договора о ненападении с Германией, отдавшим Польшу на растерзание Гитлеру (слабым утешением было то, что до этого Польша самонадеянно отказывалась от активного военного сотрудничества с СССР в рамках антигитлеровского союза); расстрелом более 21 тысячи интернированных поляков; неоказанием в 1944 году должной помощи варшавскому восстанию, что могло привести к власти в послевоенной Польше враждебные СССР политические силы. Эти действия могли породить у Сталина “польский комплекс”, чувство вины перед Польшей, которое компенсировалось, “затишалось” такими действиями Сталина, как то, что, по словам А.А.Громыко, он “сражался как лев” на совещаниях в верхах, рискуя многим, за обширные территориальные приращения для Польши на западе. Возможно, “польским комплексом” объясняется и особо теплое отношение Сталина к Рокоссовскому, в частности то, что он поручил ему командовать Парадом Победы.

“Польская Катынь” возвращает нас к приведенной выше таблице, отражающей главные черты сталинских репрессий. В таблице указано число расстрелянных в 1940 г. - 1.649. Значит, поляки не показаны. В связи с этим встаёт вопрос о достоверности таблицы в целом.

Несмотря на то, что невключение в таблицу 21.857 расстрелянных поляков есть очевидный факт, несмотря на то, что в таблице за 1940 год показано 1649 расстрелянных, тогда как их должно быть показано 23.506 человек, можно утверждать, что это единственное значительное (превышающее возможную учётную ошибку) искажение действительной картины репрессий, допущенное составителями таблицы. Чем можно объяснить это искажение? Особым режимом секретности для “польской Катыни”, так как эта акция была грубо незаконна с позиций международного права. Это был уникальный случай массового беззакония. Другие случаи касались отдельных лиц, известны наперечет и не меняют общей картины. С поправкой по “польской Катыни” приведенная таблица дает достоверную картину сталинских репрессий в специальном смысле этого слова (число арестованных и осужденных). Она не является абсолютно достоверным источником по данному вопросу лишь в силу возможности учётных ошибок. И, увы, в силу того, что не включает случаи совершения государством террористических акций типа убийства Троцкого. Или Рауля Валленберга, если он был убит, а не умер в заключении, что значительно вероятнее. Были и другие факты.

В дни, когда пишутся эти строки, в одном из судов г.Москвы рассматривается иск, связанный с убийством такого типа. Речь идет о знаменитом артисте Соломоне Михозлсе, который был председателем Еврейского антифашистского комитета.

В начале 1948 г. Михоэлс был убит сотрудниками МГБ - "случайно" погиб в автомобильном происшествии. Позже в том же году другие руководители ЕАК были арестованы и осуждены к расстрелу за шпионаж и участие в подрывной деятельности международных сионистских центров. Очевидно, что убийство Михоэлса не фигурирует в учетных документах как смертная казнь по приговору особого совещания МГБ, а значит не отражена в приведенной таблице за соответствующий год. Почему же Михоэлс, если он участвовал в деятельности, за которую другие руководители ЕАК были приговорены к расстрелу, не был привлечен к ответственности вместе с ними? Ясно, что в связи с его популярностью. И не только потому, что популярность затрудняла обвинение. Михоэлса нельзя было осудить без широкого общественного резонанса - с одной стороны, протестов общественности, а с другой - ненормальной, патологической антисемитской реакции на в общем-то "нормальный" еврейский национализм, именуемый сионизмом. Власти отказали Михоэлсу в суде и даже в подобии суда, и это, конечно, было проявлением их слабости и укоренившихся порочных привычек. Убийство Михоэлса показывает, что сталинская власть не считала себя всесильной, способной как угодно "воротить" общественное мнение, что ей нередко приписывают.

Сталинские репрессии - тема безграничная. Сказанное здесь относится главным образом к их количественным рамкам, все же не безгранич-

ным. А достоверное установление того, кто получил заслуженное возмездие, кто пострадал невинно - это задача иной сложности. К несчастью для советского социализма и социализма как нового общественного строя пострадавших невинно было больше, много больше.

Тезис о диктатуре пролетариата безусловно верен в смысле необходимости политического господства рабочего класса в социалистическом государстве, но лишь отчасти и условно верен, если слово "диктатура" понимать в смысле недемократических форм политического господства. Коммунисты примитивно поняли тезис о диктатуре. О том, что "диктатура пролетариата" предполагает невиданный расцвет демократии для трудящегося большинства и допускает лишь действительно необходимые рамки насилия, у Ленина сказано немало. Но сам термин настраивал примитивное сознание на безудержность. Этот термин - "диктатура пролетариата" оказался строго научным термином, не продуманным в социально-психологическом плане. Он не должен был стать термином, широко употребляемым в политическом обиходе. Нельзя разнуздывать дремлющие в человеке побуждения к неукротимому насилию. Двойное значение слова "диктатура" сыграло с коммунистами жестокую шутку. Многие из них с тем большей самонадеянностью считали и считают себя истинными марксистами-ленинцами, чем дальше в "решительном" применении мер насилия уходят от действительного марксизма-ленинизма, ком-

мунистического гуманизма. Все для них заключено в “революционной целесообразности” насилия, но эта “революционная целесообразность” обычно не выходит за рамки узкого, сиюминутного понимания целей, подменяет цели средствами. Такая “революционная целесообразность” убивает революцию, лишая ее доверия народа.

4. Этическая и политическая оценка сталинизма.

Разоблачение действительных негативных сторон сталинизма столь обильно сдобренно замалчиванием исторических фактов, их пристрастным подбором и истолкованием, а то и прямой клеветой, что, приступая к оценке сталинизма, нужно прежде всего сказать, что Сталин действовал отнюдь не в логике политического злодейства.

Политическое злодейство типично для лидеров реакционных сил. И социализм не застрахован от него, так как приходится прибегать, особенно в критических обстоятельствах, и к более или менее широким и жестоким мерам политического насилия. А оно всегда чревато эксцессами и оказывает глубокое воздействие и на тех, кто его применяет. Безграничен трагизм тяжелейшей формы насилия - братоубийственной гражданской войны, приучающей к мысли о дешевизне человеческой жизни. У нас не только позитивные, но и негативные “воспитательные” последствия гражданской войны сказывались не одно десяти-

летие. 1937 год делался руками прошедших гражданскую войну и стал как бы её вторым изданием.

Воздействие насилия на тех, кто его применяет, различно. Одни, их большинство, примиряются с насилием как с неизбежным злом, как со средством достижения высоких целей. У других вырабатывается отвращение к любому насилию в любом его применении. Третьих оно опустошает и разлагает. Последние и становятся кадрами политического злодейства. Оно характеризуется извращенной внутренней склонностью к насилию и его применению не в политических целях, не в интересах классов и общества в целом, а в узколичных целях, прежде всего в личной борьбе за власть. По объективной стороне, по внешним действиям оно может быть неотличимо от в основе своей объективно необходимого, но ошибочного, чрезмерного, в частности недопустимого превентивного (а не ответного) применения насилия во имя интересов общества. Разграничение между злодейским и ошибочным, чрезмерным применением насилия проводится по субъективной стороне, по наличию или отсутствию злого умысла.

Ряд действий Сталина в отдельные периоды истории, прежде всего в годы запущенной им на кровавую орбиту “ежовщины”, можно предположительно толковать и как “ошибки чрезмерности”, и как эксцессы злодейства на общем фоне этих ошибок. Возможно и первое, и второе. Исследования покажут, что было на самом деле. Сейчас это неясно, как ни уверены односторон-

ние критики Сталина, что было злодейство и только злодейство.

В октябре 1987 г. мне довелось присутствовать на выступлении одного известного советского философа. Он в целом убедительно доказывал тезис, что борьба между отдельными деятелями за власть может происходить и реально происходила и в социалистических государствах. В качестве примера был приведен Сталин. Он-де воспользовался своим назначением на тогда второстепенную, даже канцелярскую, даже писарскую должность секретаря ЦК партии, создал послушный себе бюрократический аппарат, уничтожил с помощью этого аппарата ленинскую партийную гвардию и овладел всей полнотой власти в стране. И использовал эту власть для деформации социализма и своего собственного возвеличивания. Мрачная басня о канцелярской крысе, сожравшей действительно достойных претендентов на власть и воцарившейся в социалистической стране, получила довольно широкое распространение. При нынешнем уровне исторических знаний у подавляющего большинства членов общества, не имевших счастья или несчастья быть включенными в историю 20-х и 30-х г.г. непосредственно и не знакомых с документами тех лет, эта басня может сойти за чистую монету и потому нуждается в комментариях.

Задолго до назначения генсеком Сталин уже не был второстепенным деятелем. В партию вступил в 19-летнем возрасте, в год создания партии (1898). Профессиональный революционер. Под-

полье, аресты, ссылки, побеги. До Октября входил в состав ЦК (тогда немногочисленного). В Политбюро ЦК - с момента его создания (1919). В октябре 1917 г. - в составе партийного центра по руководству восстанием. С момента создания Советского государства - в составе Совнаркома (в качестве наркома по делам национальностей, затем возглавлял и РКИ). Показателен следующий факт. На VI съезде партии, состоявшемся за три месяца до Октября и руководимом В.И. Лениным из подполья, Сталин выступил с двумя основными докладами - о деятельности ЦК партии (один из содокладчиков - Я.М.Свердлов) и о политическом положении. Вел полемику с троцкистами, доказывая возможность победы социалистической революции в России. В своём выступлении заявил: "Не исключена возможность, что именно Россия станет страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего". (И.Сталин. Соч., т.3, с.186-187). В качестве генсека первые годы не председательствовал в Политбюро, но руководил текущей работой по выполнению решений ЦК, возглавлял Оргбюро ЦК. Таков этот "канцелярист". Кто-кто, а уж Сталин-то был одним из виднейших в ленинской гвардии революционеров.

Реально борьба за влияние, власть, право руководить страной шла не между канцеляристами и ленинской гвардией. Как это имело место и во

всех других революциях, разошлись и схватились в борьбе разные группы революционеров. После смерти Ленина в ленинской гвардии было два последовательных раскола, в которых к объективно обусловленным политическим разногласиям примешивалась личная борьба за власть. В первом расколе большинству этой гвардии и партии в целом противостояли те, кто отрицал возможность построения социализма в нашей стране без поддержки со стороны революций в развитых капиталистических странах, во втором те, кто считал целесообразным продолжать нэп, а не прекращать его для более форсированного развития.

Остаётся фактом, что Сталин прошел жесткий многолетний отбор в идейной и политической борьбе прежде чем стал фактическим руководителем партии. Даже вопреки рекомендации Ленина заменить его в должности генсека ввиду таких его отрицательных личных качеств, как грубость и капризность. После него никто из первых руководителей не проходил такого отбора. Сталину противостояли талантливые, опытные, авторитетные деятели, а партия и её высшие органы отнюдь не были тогда послушными ему и его аппарату. Большинство руководящего слоя партии и большинство партии в целом нужно было убедить в своей правоте. В выдвижении Сталина главным был не “аппаратный фактор” (сыгравший свою подсобную роль), а суть отстаиваемой им политической линии и его выдающиеся личные качества (отнюдь не только отрицательные). Это выдвижение стало победой одной, большей части ленин-

ской гвардии (преимущественно более молодой) над другой его частью (преимущественно более старой). До поры до времени все шло в логике политической борьбы внутри правящей партии - пока, после полной идейно-политической победы над оппозициями, не началось их физическое уничтожение. Версия о канцелярско-бюрократическом перевороте не дает сколько-нибудь стоящего объяснения истории и логики сталинизма.

То же самое следует сказать о версии, согласно которой главным внутренним побуждением Сталина, диктовавшим ему логику политического поведения, было всепоглащающее тщеславие, нездоровое стремление затмить всех и вся величием своих деяний. В какой бы мере этот момент ни присутствовал в субъективной стороне его деятельности, не он был главным. Обратим в связи с этим внимание не только на то, что Сталин неизменно называл себя и своих соратников учениками Ленина, но и на пару фактов, бросающих свет на этот угол его сознания и позволяющих не придавать решающего значения существовавшему тогда вождистскому ритуалу.

Первый факт - это текст принятого при Сталине государственного гимна СССР, в котором, естественно, взвешивалось каждое слово (потом этот текст был изменен). В нем, в частности, говорилось: "Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, и Ленин великий нам путь озарил. Нас вырастил Сталин, на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил". Ленин сравнивается с

солнцем, он назван великим, он идеолог и стратег. Сталин не назван великим, он “всего лишь” воспитатель очередного поколения, идущего по освещенному Лениным пути. Расхожий в те годы пропагандистский образ Сталина как “гениального вождя и учителя” здесь явно приглушен, “скорректирован в сторону снижения”. Так и напрашиваются, в манере самого Сталина, слова: “рядовые” временные вожди приходят и уходят, а светоч революции остаётся.

Второй факт стал известен в связи с кампанией против участников “антипартийной группы” в 1957 г. В одном из своих выступлений, не опубликованном, но доведенным до партийного актива, Н.С.Хрущев рассказал о разговоре некоторых членов Политбюро со Сталиным. В этом разговоре Л.М.Каганович высказался в том духе, что вклад Сталина в теорию и практику в связи с проведенными в стране преобразованиями и победой в войне настолько велик, что следовало бы говорить не только о ленинизме, но и о сталинизме. Как передал Хрущев, Сталин тотчас ответил на это словами: “сравнил каланчу с пальцем”. У этой поговорки есть и грубая, но более ёмкая форма. Её-то, как дал понять Хрущев, и употребил Сталин. Он, следовательно, без церемоний отверг идею сталинизма (в однозначно позитивном смысле этого термина), считая, что его вклад в теорию и практику с точки зрения творческого характера, плодотворности, “детородности” не может быть поставлен в ряд с ленинизмом. Эта самооценка, видимо, правильна.

Таким образом, ни логика политического злодейства, ни тем более логика канцелярско-бюрократического всевластия, ни логика одуревшего от тщеславия вождизма не характеризует главного в сталинизме. Сталинизм имел свою идеологическую и политическую логику, и это была логика чрезвычайного управления.

Ключём к пониманию нашей истории является, не в последнюю очередь, смена двух типов управления - чрезвычайного и нормального. Без различения этих двух типов управления нечего делать в истории. Разве что спекулировать на её одностороннем освещении или барахтаться в частностях и противоречиях.

Чрезвычайное управление неизбежно в условиях, когда страна, общественный строй находятся в смертельной опасности, борются за выживание. Нормальное управление предполагает условия, обеспечивающие стабильное развитие. В нормальном управлении и с его помощью реализуются коренные свойства данного общественного строя. Чрезвычайное же управление более или менее однотипно для разных общественных строев. При социализме оно предстаёт перед нами как вынужденное частичное и временное отступление от принципов социализма для его выживания, для его спасения. Этот тип управления связан с жесткой идеологической, политической, производственной дисциплиной, усилением принудительных мер, с большим или меньшим единовластием и даже культом первого руководителя. Если чрезвычайное управление необходимо, то

никакое морализаторство не спасет. Объективная необходимость делает своё дело. Она формирует чрезвычайную систему управления и отбирает её руководителей.

Так и было у нас. Был Сталин, не было бы Сталина, период чрезвычайного управления был неизбежен. Нельзя было не осознать того, что осознал и с предельной ясностью выразил Сталин. Предвоенный период прошел под знаком его (приведенного в главе о доктрине) сурового и мужественного предупреждения: "Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут"(И.Сталин.Соч., т.13, с.39). Это было сказано в феврале 1931 г., почти точно за десять лет до фашистского нашествия (а обдумывалось, видимо, значительно раньше, в 1927-28 г.г. когда вынашивалось решение отказаться от нэпа). Такая точность - всего лишь случайное совпадение, но по сути своей предупреждение было пророческим. И в высшей степени обязывающим. Это было гениальное предвидение, сравнимое с апрельскими тезисами Ленина озарение. Оно пронизывало всю политику того времени и не могло не придавать ей экстраординарного характера. Кто оценивает ту политику ординарными критериями, тот не может понять её существа и изменяет принципу историзма. И легко впадает в пристрастную одностороннюю оценку событий и лиц.

Могут сказать, что одностороннее представление о сталинизме полезно, так как способствует

преодолению его пережитков. Возможно, способствует. Но такой метод преодоления не имеет отношения ни к науке, ни к серьезной публицистике. Сталинизм - продукт своего времени, той эпохи острейшей, непримемой, бескомпромиссной социально-классовой и межгосударственной борьбы, которая охватывает всю первую половину XX века. Взятый в целом, он, естественно, не подходит для нашего времени, а некоторые его элементы не годятся ни для какого времени. Но его нужно изучать всерьез.

Кто знает, не вернутся ли, вопреки ожиданиям, экстремальные условия, безвыходные обстоятельства, аналогичные тем, которые в свое время породили сталинизм. Если вернутся, то, сколько сейчас ни осыпать его проклятиями, вернется и некоторое подобие сталинизма, "неосталинизм". В хорошем случае он будет лишен несоциалистических, антигуманных крайностей, "неосталинщины". Не впасть в неё - отнюдь не простая задача, её решение требует и развитой теории, и новых, глубоко демократических механизмов власти, ограниченных временно в своем действии, но в принципе неуничтожимых, и высокой политической культуры народа.

Суть сталинизма заключена в переходе от нормального управления к чрезвычайному и в осуществлении последнего. Годы нэпа были периодом нормального управления. Отказ от нэпа объясняется необходимостью форсированного развития в предвоенный период. На протяжении двух десятилетий мы имели чрезвычайное управ-

ление, оно обеспечило выживание и утверждение социализма в условиях неблагоприятного для нас общего соотношения мировых сил. Оно было эффективным не только потому, что расширялось применение принудительных мер, а главным образом потому, что политическое руководство пользовалось поддержкой народа и сумело организовать его вдохновенный труд и подвижничество. Одним из самых эффективных средств управления стал в конкретных условиях того этапа развития культ первого руководителя, т.е. полусознательная, почти религиозная политическая вера в него, его действия и указания.

Критика культа первого руководителя обычно сводится к доказательству того, что за очевидностью не требует доказательства, а именно иррациональности культа. Бога нет ни на небе, ни на земле, никакой человек - не бог, а кто приписывает себе это качество, тот ничтожный обманщик, тщеславный властолюбец. Все просто и ясно. Но, как совершенно верно заметил тот же Сталин, история не делает ничего существенного без особой на то необходимости. А культ - явление определенно существенное. Какова необходимость в нём?

Культ первого руководителя - это средство управления. Да, "всего лишь" средство управления, притом довольно сильное, а временами решающее. Это средство использовалось на протяжении тысячелетий "предистории" человечества, начиная с фараонов и даже до них, и было использовано на переходе от неё к "действительной

истории", в первой стране социализма. Было использовано по нужде, никакой в том добродетели. Применено у нас, на нашей почве, но не обязательно должно быть применено в других странах. Лучше, конечно, без него. Если можно. Но у нас оно оказалось необходимым.

Объективно обусловленные, имеющие глубокие корни, неискоренимые в одночасье недостатки общей культуры, туманность политического сознания, слабую организованность, неуверенность и шатания многих - все это перед лицом надвигающейся смертельной угрозы нужно было компенсировать активной политической верой. Именно верой. Политическая вера сродни религиозной вере. Это вера в живого, действующего лидера, наделяемого особыми качествами. Культ первого руководителя - это квазирелигия, вера в вождя, олицетворяющего, выражающего достижение высших, заветных целей народа, это абсолютное народное доверие к его мотивам, словам, оценкам, прогнозам, требованиям, конкретным указаниям. "Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе" - эти слова М.Исаковского точно характеризуют положение, кажущееся сегодня неправдоподобным,

Таков принятый народом культ. А принимается он народом лишь в адекватных, экстремальных, "тревожных" условиях и тогда, когда "культивируется" особо выдающийся политический деятель, незаурядная личность, совместимая с психическим складом народа, его требованиями и ожиданиями. Искусственная экстремализация

обстановки и (или) навязывание народу, "культивирование" посредственного деятеля, незначительной личности дает непринятый народом культ. Такой культ из средства управления превращается в предмет иронии, насмешек, анекдотов, в источник дискредитации власти, дезорганизации и разложения общества. Мы имеем опыт и принятого (при Сталине) и непринятого (при Хрущеве и при Брежневе) культа первого руководителя.

Для понимания того, почему культ Сталина был принятым культом, неизлишне вспомнить, как в предвыборном выступлении в декабре 1937 г. Сталин охарактеризовал "из всех возможных требований самые элементарные требования", которым должны отвечать политические деятели. Подобно Ленину, они должны: не спускаться до уровня политических обывателей, быть ясными и определенными деятелями; быть бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа; быть свободными от всякого подобия паники; быть мудрыми и неторопливыми при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учёт всех плюсов и минусов; быть правдивыми и честными и любить свой народ. Ясно, что эти не столь уж элементарные требования Сталин предъявлял себе сам. Что ж, в таких деятелей люди верят и идут за ними. И тщетны попытки, не обладая этими качествами, выдавать себя за их носителя.

Государственная политика состоит из управления и подавления. У них свои функции и ме-

тоды, и они сливаются друг с другом, подпирают друг друга. Управление в целом важнее, никакое подавление не может заменить его. Управление может быть успешным лишь при условии поддержки политического руководства абсолютным большинством народа. К чрезвычайному управлению, как ни усиливаются при нем принудительные меры, это относится не в меньшей мере, чем к нормальному. Больше того, чрезвычайное управление остро нуждается в том, чтобы поддержка политического руководства подавляющим большинством народа была доведена до высшей степени интенсивности, характеризовалась воодушевлением, самоограничением масс в удовлетворении коренных интересов, даже массовой самоотверженностью, даже массовым самопожертвованием. На иной основе чрезвычайное управление не может решить своей “сверхзадачи”. Никакое подавление, принуждение, страх не могут создать этой основы. Эта элементарная истина забывается некоторыми критиками культа Сталина. Они “в упор не видят”, что достижения страны в сталинский период основаны в целом не на страхе, а на самоотверженной массовой поддержке политического руководства, поддержке, о которой последующие поколения политических руководителей могли только мечтать.

Общество, однако, никогда не бывает абсолютно единодушным - разве что в пропагандистских штампах. В обществе всегда, особенно на переломных этапах развития, есть реакционные, консервативные и просто инертные силы, оказы-

вающие активное или пассивное сопротивление политическому курсу. Это естественный факт. Общество 30-х гг. только что вышло из глубочайшего переворота, многоукладности, гражданской войны, разрухи, голода, коллективизации. Теория обострения классовой борьбы, при всей её логичности и, как оказалось, истинности для хода мирового развития, для ситуации в стране в те годы - ошибочная крайность. Другая крайность - теория полного социального единодушия, отсутствия врагов, социалистической сознательности и лояльности кулаков и т.п. Структура социально-политической активности в те годы была исключительно сложной. На одном полюсе - подавляющее большинство, идущее навстречу ограничениям своих интересов, поддерживающее политический курс своим напряженным трудом. На другом полюсе - активно сопротивляющееся относительно, но не абсолютно малочисленное меньшинство. Между этими полюсами - обывательская масса, аполитичные, колеблющиеся, заблуждающиеся, мятущиеся, просто недисциплинированные и опустившиеся люди. Чрезвычайное управление - такова его логика - обрушивает на сопротивляющихся, выгадывающих, ошибающихся град более или менее жестких и жестоких ограничений и репрессий. Режим осажденной крепости.

И здесь культ первого руководителя играет свою двойственную роль. Чем он "принятее", тем обширнее большинство, сильнее политическая консолидация народа. И тем уже сфера примене-

ния репрессивных мер. Но в то же время тем больше проявляется возможностей и соблазнов, прочно опираясь на большинство, имея его “в руках”, усиливать репрессии, попираять “презумпцию невиновности”, выходить за пределы ответных мер, придавать репрессиям превентивный характер. Здесь как раз Сталин и не удержался на высоте отведенной ему историей роли, здесь преступил границы, существующие для марксистского политика и социалистического государства даже в самый непримиримой политической борьбе, здесь его непростительная вина.

Сознавал ли Сталин эту вину, всю ее огромную тяжесть? Говоря после войны в общей форме о своих ошибках, он, надо думать, мысленно причислял к ним и массовые репрессии, заведомо захватившие и множество честных людей и тем ослабившие возглавлявшуюся им армию строителей и защитников социализма. Трудно представить себе человека, который не испытывал бы угрызений совести при виде моря пролитой крови, страданий своих невинных жертв. Как мог Сталин жить с этим сознанием? Какими соображениями снимал с себя или хотя бы смягчал свою вину?

У Сталина было богословское образование. До 20 лет он учился в духовной семинарии. Так и не стал священником, о чем, в его бытность “вождем народов”, искренне сожалела его верующая мать (православная). Семинарист по обязанности штудировал Евангелие, а нелегально - Маркса. Не исключено, что тогда и позже в глу-

бинах его скрытого от людей сознания нечеловечески жестокая и, как оказалось позже, условно годная только для периода завоевания и утверждения власти диктатура пролетариата облагораживалась эсхатологической этикой. Это объяснение не менее правдоподобно, чем объяснение от паранойи.

Вчитаемся в “Откровение” Иоанна Богослова, которому явлен был предстоящий “конец света”, картина беспощадного суда, чинимого Иисусом Христом, окруженным небесным воинством, над погрязшим в грехах миром. Этот мир олицетворяется “Вавилоном” - жилищем бесов, пристанищем всякому нечистому духу. Этот же грешный мир представлен “роскошествующей блудницей” - “матерью всякому нечистому духу”. Она в свою очередь опекается неким чудовищем, которое именуется по-разному: - “зверем”, “драконом”, “змием древним”, “сатаной”, “дьяволом”, “Антихристом”. Суду безо всякого объяснения сторон и немедленно приводимой в исполнение каре подвергаются “боязливые, скверные и убийцы, любодои и чародеи, идолослужители и лжецы”, причем не каждый в отдельности, а в составе “находящихся на всех четырех углах земли” “людей и народов, племен и языков”. Какова кара? Они сжигаются небесным огнем, бросаются в “озеро огненное, кипящее серой”, умерщвляются “мечом и голодом, и мором, и зверями земными”, на них насыляется саранча, от укусов которой “мучение подобно мучению от скорпиона”, города разрушаются молниями и

землятресениями, грешники “кусают языки свои от страдания”. И вот, земля очищена, а сатана низвергнут в горящую бездну. Правда, через тысячу лет он еще раз выйдет оттуда “обольщать народы”, но опять будет туда возвращен. А сейчас перед Иоанном открываются “новое небо и новая земля”, убранный, как невеста, “святой город Иерусалим”. В нем “жаждущему дается даром от источника воды живой”, оттирается “всякая слеза с очей”, и “ничего уже не будет проклятого”. Итог итогов: “И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое”.

Любопытно, что в отличие от ростовщиков купцы (то есть рынок) фигурируют в “Откровении” не в качестве объекта божественной кары, а как наблюдатели того, как она обрушивается на “блудницу” и ее окружение.

Ничто не мешает представить Иоанна Богослова как предтечу К.Маркса, а апокалипсис - как гениальное предвосхищение, в естественных для того времени образах, диктатуры пролетариата как вселенского процесса очищения, переводящего человечество из его предистории, где царствует Антихрист - частная собственность, в его действительную историю, где каждый сможет утолять даром свою жажду, - процесса по необходимости неимоверно жестокого, но благодатного.

Сталин мог заглушать муки совести то ли несерьезной, то ли дьявольской мыслью, что сама история предопределила ему великую и тяжкую, почти божественную роль и участь - сделать решающий шаг в этом процессе. Как бы то ни бы-

ло, та эпоха была слишком необычной и в своей сущности, и в ее проявлениях, чтобы довольствоваться ординарными объяснениями. Да, этот создавший сам себя “вождечеловек” мог повторять вслед за Рабинтранатом Тагором: “Неразборчиво, косо начертанный вызов Он послал. Он послал - я принес”. Он - Мировой Исторический Процесс.

Конечно, есть и не столь необычное объяснение - это теория “меньшего зла”, молчаливо признаваемая в политике формула: “цель оправдывает средства”. Вот обычный ход рассуждений. Для избежания большего зла можно смириться с меньшим злом, а потому можно и даже нужно прибегнуть к нему как к средству достижения благой цели, когда столь же благих средств для этого недостаточно. В абсолютном измерении “меньшее зло” может быть весьма большим - главное, чтобы оно было меньшим, чем то зло, которое предотвращается с его помощью. Так, лишение человека жизни - это, рассуждая абстрактно, бесконечно большое зло, но в случае со смертной казнью особо опасного преступника оно может быть оправданным, если только таким путем возможно предотвращение тех жертв, которые этот преступник и те, кто может последовать его примеру, способны причинить обществу. (Сейчас распространяется верное понимание, что смертная казнь в принципе недопустима. Но это сейчас. И не везде.) То же самое в случае с самозащитой от убийцы. Значит, все зависит не только и даже не столько от масштабов заведомо причиняемого меньшего зла, сколько от масштабов

предотвращаемого большего зла и от того, насколько причинение меньшего зла действительно необходимо, действительно неизбежно для предотвращения большего зла.

Нельзя не признать, что теория меньшего зла имеет свои резоны и вполне оправданные приложения. В частности, в уголовном праве на ней основывается правило об освобождении от ответственности лиц, действовавших в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости. И вместе с тем нельзя не видеть, насколько неопределенны и скользки критерии “меньшего зла” и как легко, особенно власть имущим, оправдывать с их помощью все что угодно. Политические деятели, имеющие в своем услужении средства пропаганды, нередко соблазняются упрощенным объяснением своих сомнительных действий, привыкают к этому и подчас опускаются в некоторых важнейших элементах нравственности тем ниже, чем выше поднимаются в силе своего политического авторитета. Это профессиональное нравственное заболевание не миновало и Сталина, и притом в тяжелой форме.

Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, не могли пройти бесследно такие факты гражданской войны, как красный террор (хотя бы и в ответ на белый террор), как взятие и расстрел заложников (пусть читатель остановится и представит, что это такое). Во-вторых, масштабы надвигающейся угрозы (“большого зла”) были немыслимо огромными. “Западные демократии” готовы были ради реставрации капитализма и

сфер своего влияния залить страну кровью революционеров - это показал опыт интервенции. И совсем уж чудовищной была угроза со стороны гитлеровского фашизма, стремления и потенции которого обнаружились уже в 20-х и в полном объеме стали ясны в 30-х гг. Речь шла уже не о замене передового общественного строя реакционным, а о самом существовании народа. Предполагалось, что "тысячелетний рейх" распространится до Волги и Архангельска или до Урала и уничтожит на своих новых пространствах "сорные народы", более ста миллионов человек, оставив лишь столько, сколько необходимо для выполнения неквалифицированных работ и обслуживания колонистов. Нам была уготована участь, в сравнении с которой монголо-татарское иго выглядело бы воплощением гуманности, - участь американских индейцев.

При такой гире, лежащей на одной чаше весов, не могло не проникнуть, не заползти в сознание представление, что на другую чашу будто бы можно бросить сколько угодно жертв - лишь бы с пользой, хотя бы предположительной. В такую политическую логику затягивал тогдашнее политическое руководство океанский водоворот истории. Сейчас тот факт, что страна стояла перед опасностью уничтожения, забывается. Тогда же это стояло перед глазами как грозная и все более приближающаяся реальность.

Тем важнее было проявить выдержку и самоограничение в реализации фундаментального этического принципа марксизма относительно

применения насилия в политике. Не будем прихорашивать марксизм, набрасывать на него либеральную вуаль и стыдливо отводить взгляд от многих весьма радикальных высказываний по этому вопросу. Так, Ф.Энгельс писал: "Отвлекаясь от вопроса морали...для меня как революционера пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным..." (К.Маркс и Ф.Энгельс. соч., т.37 с.275). В.И.Ленин считал само собой разумеющимся, что диктатура пролетариата "есть самая беззаветная и самая беспощадная война", требующая "выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли" (В.И.Ленин. ПСС, т.41, с.6). Высказываний, настраивающих на решительный лад в применении насилия и предостерегающих от слабости и колебаний, у основоположников марксизма-ленинизма много. Но провозглашались и высшие гуманистические идеалы. Из духа марксизма следует, что природа и социально-политические цели социализма требуют гуманных средств и допускают применение насилия лишь в рамках крайней необходимости, а именно в качестве ответной меры и в минимально необходимых пределах.

Сталин вполне мог бы сформулировать и провозгласить данный фундаментальный этический принцип марксизма и тем надеть моральную узду на репрессивную политику. Он не сделал этого и перешагнул через этот принцип. Далеко не все его меры носили ответный характер - были

в большом числе и совершенно недопустимые “предупредительные меры”. Предупреждались и те предполагаемые враждебные и нежелательные действия, которые большей частью реально не были бы совершены. Далеко не все репрессивные меры были необходимы - были и меры совершенно излишние, неоправданно массовые и неоправданно жестокие. А за этими абстрактными понятиями - судьбы людей. Миллионов. “Он народ ценил высоко, а людей не ставил в грош” (Б.Окуджава).

Иной раз, впрочем, “не ставил в грош”, подвергал репрессии и целые народы. У С.Г.Кара-Мурзы этот тяжелый грех сталинизма находит такое нестандартное объяснение (не оправдание). В книге “После перестройки. Интеллигенция на пепелище родной страны” (М., “Былина”, 1995) он пишет следующее.

“Рассмотрим соотношение традиционного и либерального права в самой выигрышной для архитекторов перестройки сфере - теме сталинских репрессий, да ещё по национальному признаку. В том, что почти единодушно признано преступным. Растравление этнических ран стало самым боевым оружием перестройки. Возникло понятие репрессированных народов - народов как жертв политического режима. На деле не только фразеология, но и практические действия политиков были направлены не в прошлое, а в настоящее - на то, чтобы получить ударную силу... в лице потомков тех людей, которые полвека назад были

репрессированы на солидарной основе, как народ...

...Создаётся образ жертвы, сознательно замалчивая историческую правду... Жертва и сурово наказанный за дело человек - совершенно разные вещи. Отбывший наказание или прощенный возвращается в общество как равный, жертва - как живой укор и часто как новый тиран, требующий возмездия... Какую жизнь уготовили политики народам, возвращающимся в свои края как жертвы?

Из истории Отечественной войны известно, что авторитетные представители крымских татар и чеченцев заявили о переходе на сторону немцев. Конечно, для Евтушенко, который сегодня не делает различий между гитлеровской и советской стороной в войне, в этом нет ничего плохого. Но для подавляющего большинства населения СССР само решение о переходе на сторону врага во время войны (и не обычной войны, а войны на истребление) было преступлением. Да и практические действия "бойцов антисталинского сопротивления", например гибель оставленной в Крыму партизанской армии, должны были вызвать ответные кары. Было ли это или нет, господа демократы? Если нет, разоблачите документальные издания и те слухи, которые в 1944 году передавались из уст в уста. Почему же не слышно этих разоблачений?...

Зачем было растравлять обиды? Почему нельзя было сказать просто: дело прошлое, была война - вещь страшная. Давайте строить нашу новую

жизнь и сотрём с доски старый счет. Но нет - ведь надо было "разрушить империю", совершить акт возмездия сталинскому режиму (а ответчик за него - весь советский народ). И вот уже вооружаются ингуши против осетин, и кто-то открывает и тем и другим армейские арсеналы.

Идеологи демократов выдвигают, казалось бы, неотразимый аргумент: не может быть ответчиком народ. Любое преступление конкретно и индивидуально, наказанию подлежит только личность. Это оборотная сторона концепции гражданских прав, это альфа и омега правового демократического сознания. Здесь все правильно. Ошибкой (а скорее, обманом) является приложение этих демократических концепций к совершенно иной исторической ситуации и совершенно иному обществу. СССР в целом, а крымские татары и чеченцы в частности, не были атомизированным обществом с западной демократией, где главным объектом является индивидуум. Это было традиционное общество с солидарными структурами, объединенными круговой порукой разного вида (один за всех - все за одного). Применять к такому обществу мерки западной демократии в теории - нелепо, а на практике - гораздо более жестоко, чем то, что было. Применение социальной технологии, сложившейся в одном типе общества, к обществу совершенно иного типа приводит к катастрофическим последствиям, порой к геноциду. Это случилось бы в случае и крымских татар, и чеченцев.

Представим себе, что в 1944 г. было проведено объективное демократическое следствие с тем чтобы наказать по законам военного времени все виновные личности. Допустим даже, что какой-то ангел (или демон) совершенно точно указал бы своим перстом виновных в сотрудничестве с немцами. Эти люди были бы расстреляны и, к радости демократов, ни один виновный не пострадал бы. Реальность была такова, что даже в этом случае в большинстве (или в очень большой части) семей был бы расстрелян мужчина - муж, отец, сын. Если учесть традиции этих народов, то пришлось бы предвидеть возникновение цепной реакции сопротивления и мщения, которая привела бы к гибели значительной части мужского населения. Практически это означало бы угасание этноса, геноцид. Вместо этого был применен архаический вид репрессии - ответчиком выступал весь народ, включая Героев Советского Союза и всех лояльных советских граждан, которых было большинство. Весь народ принял на себя и равномерно распределил по принципу круговой поруки наказание за вину части своих мужчин. С точки зрения демократов это преступление режима, а с точки зрения народа, отцов, жен и детей в тот момент - спасение.

Мы не говорим здесь о жестокостях и преступлениях, которыми сопровождалась депортация народов, а говорим о принципиально различных моделях репрессии. Ведь практика сталинских репрессий, в которых применялась "европейская" модель - когда репрессировали

личностей, а не народы - ничуть не лучше. Скажем больше, и современная западная демократия не безгрешна, но никому же в голову не придет на основании деформаций практики отрицать саму модель демократии". (с. 49 -51). Что ж, соображения С.Г. Кара-Мурзы о "традиционном праве" разумны, но они говорят и о том, что, принимая решение о выселении народов, Сталин возрождал дух варварства.

Нельзя сказать, что чуть ли не все репрессии сталинского периода необоснованны и незаконны. Это относится и к репрессиям против видных деятелей. Раскопки в архивах, в том числе оперативных, еще принесут немало неожиданного. Так, по мемуарному свидетельству бывшего руководителя внешнеполитической разведки фашистской Германии В.Шелленберга, маршал Тухачевский действительно поддерживал какую-то нелегальную связь с генштабом рейхсвера, скрывавшуюся этим штабом и от Гитлера (В.Шелленберг. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., "Дом Бируни", 1991 г., с.37-40). Нельзя слепо верить этому свидетельству, как и игнорировать его и ему подобные. Объективная, достоверная история сталинского периода еще не написана.

Под влиянием потока разоблачений произошел чрезмерный сдвиг к неприятию Сталина, а заодно, что совершенно несправедливо, к недооценке подвига героического поколения, выполнившего величайшую историческую миссию. Кажется, уже произошло насыщение массового сознания и фактами, и эмоциями. Даже опублико-

вание доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС не произвело сенсации. В этом фактографическом докладе, не претендующем на обобщения, как неожиданное воспринимается лишь следующее резюме: "Вопрос осложняется тем, что все то, о чем говорилось выше, было совершено при Сталине, под его руководством, с его согласия, причем он был убежден, что это необходимо для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападок империалистического лагеря. Все это рассматривалось им с позиций защиты интересов рабочего класса, интересов трудового народа, интересов победы социализма и коммунизма. Нельзя сказать, что это действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. В этом истинная трагедия!" ("Известия ЦК КПСС", 1989, №3, с.164).

Было, конечно, и самодурство, но суть дела не в нем. Корни великой народной трагедии можно лишь отчасти найти в личных качествах Сталина. Как представляется, главные корни уходят в фундаментальные особенности Октября и мирового развития в первой половине XX в. Социалистическая революция в капиталистически недостаточно развитой стране была отягощена первородным грехом волюнтаризма. Пора признать это. Политика, рассчитанная на завоевание, удержание и использование власти для форсированного преодоления экономической, культурной, политической отсталости и строительства социализма, как оказалось, в одиночку в мелкокре-

стьянской стране, не могла не стать волюнтаристской, делающей ставку на чудодейственную силу политической воли, организации, принуждения. Рождение социализма в России было в известном смысле одним из исторических зигзагов. Об их практической неизбежности не раз говорили мыслители масштаба Гегеля, Маркса, Ленина. Причем, бывает, зигзаги органично включаются в исторический процесс, получают свое оправдание в его широком контексте. Советский социализм стал решающей силой коалиции, сокрушившей фашизм и тем предотвратившей мрачный перелом в развитии человеческой цивилизации. Таким оказался высший смысл советского социализма. Но и оправданный волюнтаризм остается волюнтаризмом. Он ломает неизжитые стереотипы общественной жизни, подхлестывает ее и потому подвержен постоянному риску социальной неустойчивости, огромных ошибок, оргий насилия, неисчислимых жертв. Одной рукой история толкает людей к возмущению ее естественного, закономерного хода, а другой - жестоко карает их за непочтительное отношение к ее объективным законам. Людям, сильным задним умом, кажется, что ошибок и жертв можно было бы легко избежать, стоило только принять такой-то альтернативный курс.

Да, Россию преследуют фатум волюнтаризма. Перефразируя Козьму Пруtkова, можно сказать: "Единожды отстав, кто тебе поможет?" История отвечает: помогают великие деятели, организующие великие народные усилия. Отстав от Запада

из-за татаро-монгольского ига, Россия почти сравнялась с ним в результате петровских реформ. Еще раз отстав из-за зажившихся крепостного права и самодержавия, Россия совершила величайший в своей истории социальный и геополитический прорыв в будущее на базе ленинско-сталинского социализма. Еще раз отстав из-за бюрократического маразма, она вдруг изменила своей традиции. Вместо великих государственных деятелей ее возглавили тщеславные посредственности, а народ вместо великого усилия впал в апатию и беспомощность. Ельцин кокетничает с именем Петра Великого (вот, мол, кому я поклоняюсь в истории России), но действует как Антипетр. Новое проявление волюнтаризма привело не к прорыву в будущее, а к обвалу в прошлое, к отсталости и к новому, американо-германскому и прочему игу. Нет уж, если зигзаги истории, волюнтаризм в политике - неизбывная судьба России, то лучше применять его к восходящему, а не нисходящему развитию. Сталинизм - это образец невероятно эффективного и обремененного огромными изъятиями волюнтаризма (конечно, политики, не только искусственно навязанной обществу, но имеющей свои объективные предпосылки, только недостаточные). И с точки зрения эффективности, и с точки зрения изъятий он заслуживает самого углубленного изучения. Политическая доктрина сталинизма может послужить той системой отсчета, по которой можно, в ряде пунктов меняя знаки, векторы движения на противоположные, построить ком-

плексную эффективную политическую доктрину нового социализма.

Эффективность сталинизма, естественно, может быть оспорена. В основу главы 2-ой настоящей книги положена моя статья, опубликованная журналом “История СССР”, 1989 г., №5. В том же номере “для баланса” помещена статья известного социолога И.В.Бестужева-Лады “Аморальность и антинародность политической доктрины сталинизма”. Тогда он еще стоял на позициях “гуманного социализма”, “социализма с человеческим лицом”, потом, как это случилось со многими, перешел к его полному отрицанию. Редакция журнала ознакомила его с рукописью моей статьи, и он учинил ее разгром. По его мнению, Б.Курашвили стал адвокатом И.Джугашвили. Есть у него и серьезные замечания.

Верно, что Сталин недооценивал нэп как альтернативную модель социализма; что он во многом свалил на других собственное “головокружение от успехов” на начальном этапе коллективизации; что массовые репрессии, в частности в отношении военных кадров, причинили невосполнимый ущерб стране; что он несет ответственность за катастрофические поражения в первый период войны. Но неверно, что, с какой стороны ни подойди, сталинизм не имеет никаких преимуществ перед политическим курсом, принятым “всерьез и надолго” в 1921 г. Неверно, во всяком случае совершенно не доказано, что Сталин был “аполитичен”, что налицо забвение

им "Общественного Долга (в высоком смысле этого слова), принесение его в жертву воинствующему индивидуализму, честолюбию, властолюбию, т.е. психологии, похуже всякой мещанско-потребительской" (с.87). Вступаясь (тогда) за социализм, И.В.Бестужев-Лада писал, что сталинизм - это, как минимум, "вульгарный ленинизм", "а точнее - это самый настоящий антиленинизм", "тотальная дискредитация высокого понятия "социализм" (с.91). Что ж, можно думать и так.

Не бывает такого, чтобы политическая доктрина осуществлялась без каких бы то ни было отклонений. Невозможно достаточно полно предугадать ни социальных процессов, ни особенно действий политических противников (когда политики говорят, что у них нет противников, то это означает, что они либо лукавят, либо уже капитулировали. "По всем азимутам"). Политическая доктрина сталинизма была осуществлена с редкой в истории полнотой, но и с глубокими срывами, которые преодолевались непредвиденно большой социальной ценой. Наибольшие срывы были с коллективизацией, началом войны, репрессивной политикой, несколько меньшие с индустриализацией. И все же политическая доктрина была на редкость эффективной. Ее наиболее сильные стороны - определенность и системность, особенно четко видные сейчас на фоне жалкой фрагментарности политики демокапитализаторов и столь же жалкой аморфности политической линии либерал-коммунистов.

Последовательный (а не случайный и конформный) антикоммунист, всамделишный политолог Р.Арон в 1959 г. писал: “Применительно к советскому режиму осмысление должно быть комплексным. Всевозможные аспекты режима не объяснимы одной отдельно взятой причиной. Заслуга большевиков состоит в открытии метода индустриализации, неизвестного до них, о котором они также не имели заранее четкого представления. Метод использован политическим режимом, построенным на сочетании абсолютной власти (одного лидера или группы) и многочисленной бюрократии, выполняющей всю совокупность функций, связанных с техническим, хозяйственным, административным и идеологическим руководством” (Р.Арон. Демократия и тоталитаризм. М., “Текст”, 1993, с.255).

Наиболее издевательской критике якобы глупый сталинизм подвергнут в связи с тем, что поставил страну перед катастрофой, позволив Германии использовать факторы лучшей боеготовности и внезапности в начале войны. Многие в этой критике справедливы. Гитлеровская Германия оказалась противником интеллектуально мощным, в военном отношении в высшей степени сильным, она переиграла Сталина. Но тактически, а не стратегически. Если рассуждать в масштабах не начала войны, а войны в целом, то Сталин переиграл Гитлера. Здесь кое-что не было широко известно, а кое-что было осмыслено только недавно.

В 1940 и 1941 г.г., вплоть до самых последних предвоенных дней, из резидентур внешнеполитической разведки НКВД и Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба в центр шло два потока сообщений. Из одного следовало, что на лето 1941 г. Гитлер готовит операцию “Морской лев” - высадку войск в Англию и ее оккупацию. И в то же время сосредотачивает значительные силы на Востоке, чтобы отразить удар в спину, который может нанести по Германии Советский Союз. Другой поток сообщений свидетельствовал о том, что намечено осуществить “план Барбаросса” - молниеносную войну против СССР, сосредоточение же войск против Англии вместе с такими действиями, как подтягивание плавсредств, развертывание госпиталей, подготовка персонала и документов для осуществления оккупационного режима в Англии и т.п., создает впечатление подготовки “Морского льва” и тем самым служит убедительным дезинформационным прикрытием “плана Барбаросса”. Создалась головоломка: реально готовились оба удара, а какой будет нанесен, до последнего момента трудно было определить. Весной 1941 г. советская военная разведка доложила Сталину результаты своего анализа, из которого следовало, что будет “Морской лев”. Вскользь об этом говорится в “Воспоминаниях и размышлениях” Г.К.Жукова - тогда уже начальника Генштаба. Сталин, видимо, тем охотнее поверил этому заключению, что и по логике вещей это было выгоднее для Гитлера, поскольку нападение СССР им не предполагалось.

Точное объяснение ошибки Сталина даёт в наши дни маршал Д.Т.Язов: "Сталин знал в подробностях план "Барбаросса" и лучше других ведал, что страна не готова к войне. Было достаточно серьёзной информации, что Гитлер высадится на Британских островах. Сталин обоснованно полагал, что Германия не сможет вести войну на два фронта. Вот в чём суть проблемы" ("Правда России", 4 мая 1995 г.).

22 июня 1941 г. игра закончилась в пользу Гитлера, и заговорили пушки. Сталин интенсивнейшим образом, особенно начиная с 1939 г., готовился к войне с Германией, но оказался не готовым к такому ее началу, и это тяжелейшим образом сказалось на ее ходе. Но не изменило того ее исхода, который был предопределен колоссальным десятилетним трудом и тем, что была реализована установка - воевать с одним империалистическим блоком в союзе с другим. С каким блоком быть в союзе и с кем воевать - это зависело не только от СССР, и он делал немислимые маневры прежде чем пришел к желаемой комбинации - антифашистской. Решающим в этих маневрах был пакт о ненападении, заключенный с Германией 23 августа 1939 г.

Позволю себе одно личное воспоминание, поскольку оно помогает конкретнее предствить, что думалось тогда "простым людям". Речь пойдет о моем отце и его старших братьях - Ясоне (крестьянствовал в родовой деревне, подрабатывал каменщиком, одно время был председателем колхоза), Константине (слесарь на железной до-

роге) и Николае (почтовый работник). Примерно раз в год они собирались у нас и долго, за полночь говорили о жизни. Отец и его братья сходились на том, что новый строй по замыслу лучше, чем по осуществлению, но и по осуществлению не совсем плох. Если раньше, мол, из семьи смогли послать учиться только самого младшего (отца), то сейчас выучились или учатся все наши дети. Что бы ни было недавно с колхозами, сейчас все накормлены и одеты. Иосиф не дурак (к Сталину относились как к ровне и называли по имени), но почему он погубил так много хороших людей?! На этот раз встреча братьев пришлась на день, когда только что объявили о пакте Молотов-Риббентроп. Слова отца (а он в своё время был кадровым офицером царской армии) запали в память: "Это позор для нас. Но если подумать... Англия и Франция толкали Гитлера на нас - теперь они получают его на собственную голову". Братья долго рядили, удастся ли отгородиться этим пактом от войны, и тревоги было больше, чем надежды. Все это - типичная для той поры оценка положения в стране и договора с Гитлером.

Сталин видел неизбежность войны с Германией, но стремился, во-первых, оттянуть ее до благоприятного момента и, во-вторых, вести в условиях, когда Германия вынуждена будет воевать на два фронта. И добился этого - таков основной факт. Ради этого он поступился политической честью, пошел на сговор с дьяволом. Осуждать его за это могут разве что те, для кого

СССР, а теперь Россия, распродаваемая более благопристойным дьяволам, - это не более чем "эта страна". Нападение Германии на СССР Сталин называл "вероломным". По этому поводу иронизируют: нашел кому верить. Но именно вероломный, вопреки пакту о ненападении и последовавшему за ним договору о "дружбе", характер нападения дал Советскому Союзу политические выгоды, от которых мог отказаться только очень уж большой простачок в политике. Этим и объясняются заявление ТАСС и другие шаги, из которых следовало, что СССР свято верит в то, что Германия остается приверженной договору. Что сказать о насмешках по этому поводу? "Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!".

Сейчас в стремлении во что бы то ни стало дискредитировать СССР и социализм (через его раннюю форму - сталинизм) используется и принципиально другая версия событий тех лет. Оказывается, начал 2-ую мировую войну Сталин, и это он сам готовил вероломное нападение на Германию, в связи с чем заслуживал своего Нюрнбергского процесса. Эта высоконравственная идея высказана бывшим советским военным разведчиком Виктором Суворовым (Владимиром Резуном), в 1978 г. изменившем Родине, получившем убежище в Англии и в 1989 г. выпустившем книгу "Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?" Она издана у нас массовым тиражом. И, надо сказать, заслуженно вызвала большой интерес.

Преувеличивая возможности Сталина влиять на мировые события и приписывая ему грандиозные планы мировой революции, В.Суворов утверждает, что Сталин чуть ли не взрастил гитлеровский фашизм, чтобы с помощью этого “ледокола революции” взорвать мир, развязать вторую мировую войну и на ее результатах утвердить коммунистический тоталитаризм во всей Европе, оккупировав ее под предлогом ее освобождения (“освободительный поход” как финал войны).

Ключевое рассуждение В.Суворова есть смысл привести в виде большой цитаты.

“План Сталина был прост и гениален... Еще в 1927 году на закрытом заседании ЦК Сталин высказал мысль о том, что необходимо в случае войны сохранять нейтралитет до момента, пока “враждующие стороны не истощат друг друга взаимной борьбой, которая им не по силам”. Эта мысль затем повторялась неоднократно на закрытых заседаниях. Сталин считал, что в случае войны в Европе Советский Союз неизбежно станет участником войны, но он должен вступить последним, со свежими силами прямо в финал игры против всех, кто уже изнемог в борьбе.

Но и предшественники Сталина говорили о том же. Обосновывая свой план в тесном кругу соратников, Сталин просто цитировал Ленина, подчеркивая, что идея принадлежит Ленину. Но и Ленин не оригинален. Он в свою очередь черпает идеи из бездонной бочки марксизма...

Сталин отличался от своих предшественников и последователей тем, что меньше говорил, а больше делал.

Очень важно знать, что говорил Сталин на заседании Политбюро 19 августа 1939 года. Но если бы мы и не знали его слов, мы видим его дела, и они гораздо более ясно показывают сталинский замысел. Уже через четыре дня после заседания Политбюро в Кремле был подписан пакт Молотова-Риббентропа, самое выдающееся достижение советской дипломатии за всю ее историю и самая блистательная победа Сталина во всей его необычайной карьере. После подписания договора Сталин радостно кричал: "Обманул! Обманул Гитлера!" Сталин действительно обманул Гитлера так, как никто никого в XX веке не обманывал. Уже через полторы недели после подписания пакта Гитлер имел войну на два фронта, т.е. Германия с самого начала попала в ситуацию, в которой она могла только проиграть войну (и проиграла).

Другими словами, уже 23 августа 1939 года Сталин выиграл Вторую мировую войну - еще до того, как Гитлер в нее вступил.

Только летом 1940 года Гитлер понял, что его обманули. Он попытался переиграть Сталина, но было слишком поздно. Гитлер мог рассчитывать только на блестящие тактические победы, но стратегическое положение Германии было катастрофическим. Она снова оказалась между двумя жерновами: с одной стороны - Великобритания на своих недоступных островах (и США за ее

спиной), с другой стороны - Сталин. Гитлер повернулся лицом на запад, но отчетливо осознал, что Сталин готовит нападение, что Сталин одним ударом может перерезать нефтяную аорту в Румынии и парализовать всю германскую промышленность, армию, авиацию и флот. Гитлер повернулся лицом на восток, но получил стратегические бомбардировки, а затем и вторжение с запада.

Говорят, что Сталин победил только благодаря помощи и содействию Великобритании и США. Святая правда! В том и состоит величие Сталина, что он, главный враг Запада, сумел использовать Запад для защиты и укрепления своей диктатуры. В том и заключается гениальность Сталина, что он сумел разделить своих противников и столкнуть их лбами... Сталин на словах разыгрывал нейтралитет, а на деле был самым главным и самым коварным зачинщиком и участником войны" (Ледокол. М., "Новое время", 1993, с.53-55).

В основном В.Суворов прав, схему действий Сталина он описывает верно, но и слишком упрощает ситуацию, мотивы сторон. Как разведчик-профессионал он не может не знать, что не было такого, чтобы одна сторона была "самой коварной", а другие сохранили что-то от доверчивого простодушия и поэтому сделались жертвой. Коварства и вероломства у всех было по максимуму, а различались они дальновидностью и умением ставить себе на службу предпосылки победы, нейтрализуя предпосылки поражения. В этом

отношении Сталин превосходил других, в том числе и Гитлера, который в части политической интуиции и способности увлекать людей делал чудеса.

Большое упрощение в том, что сам факт осуществлённого Сталиным “столкновения лбами” Германии с Англией и Францией уже фатально предопределил исход войны для Германии, обреченной действовать на два фронта. Тактические успехи могут перечеркнуть стратегические преимущества противника. Примеров сколько угодно, хотя бы у Александра Македонского или Наполеона. Германия была близка к победе, и ближе всего в Сталинграде.

Еще одно упрощение - будто Сталин выиграл войну за счет усилий и жертв союзников. К Англии и Франции это относится не в меньшей мере. Усилия и жертвы СССР во второй мировой войне были наибольшими, и это означает, что его союзники выиграли войну в основном чужими руками.

Но Сталин был не из тех людей, которые таскают каштаны из огня для других, не умеют пользоваться плодами победы. Эти плоды и возможности их использования он более или менее конкретно планировал заранее. Не жалуя абстрактную догму мировой революции, он, очевидно, имел перед войной план использования тех возможностей, которые открывались перед новым миром, родившимися из первой мировой войны, надвигающейся новой мировой войной. В своих лекциях об основах ленинизма, прочитан-

ных через три месяца после смерти Ленина ("Ленин умер - да здравствует ленинизм!"), Сталин не случайно уделил "косвенным резервам революции" особое внимание. Это "теория коварства"? Называйте как угодно. Но ищите в другом месте человека, не способного использовать в своих целях смертельную схватку империалистических соперников, для которых удушение формационного противника временно отступило на второй план. Не все, что планировалось, было достигнуто, иначе в живой истории не бывает. Другие ведь тоже планируют...

Поскольку Германия, доведенная до помешательства идеей арийского превосходства, замахнулась на кардинальный передел мира главным образом за счет СССР и Британской империи, СССР и Англия не могли не стать союзниками. Союзниками-соперниками, использующими друг друга для победы над общим врагом, а этого общего врага - для ослабления друг друга перед дежом трофеев. Садись ужина с чертом - бери длинную ложку. Что хотели - по максимуму - зачерпнуть союзники из котла войны и что досталось им на деле?

Англия и Франция рассчитывали на то, что Гитлер начнет свою грандиозную геополитическую авантюру с войны против СССР, разобьет его, уничтожит там большевизм и порожденную им чуму социализма, но завязнет в этих бескрайних просторах и так и не дойдет до реализации планов раздела Британской империи. Был расчет и на то, что Германия истощит силы в борьбе с

народным сопротивлением в оккупированных странах и дозреет до неспособности выдержать решающий удар, который и будет нанесен, после чего останется только расчленить ее на несколько государств, вернуть в добисмарковские времена и тем на целую эпоху освободиться от основного континентального соперника.

Сталин, очевидно, считал вполне возможным, что Гитлер после Франции возьмет и Англию, усмирит оккупированную Европу, после чего будет выбирать между войной с СССР и походом в Северную Африку, Ближний Восток, Индию. Перед СССР был выбор: дожидаться своей судьбы или в благоприятный момент выступить против Германии, начать освободительный поход в Европу и при удачном стечении обстоятельств закончить его в Лиссабоне. Почему бы и нет? Поднять народы, соединить борьбу за национальное освобождение с борьбой за освобождение социальное, за социализм. Так учил Ленин. Было бы странно, если бы Сталин не думал об этом. Какой же выбор он сделал? Всемерно готовиться к “вероломному” нападению, отдав тем самым возможность выбирать момент начала войны противнику, или самому начать и так неизбежную войну в благоприятный для себя момент (разумеется, с соответствующими убедительными обоснованиями и под удобным предлогом)?

В.Суворов считает, что Сталин выбрал второе. Он приводит огромное число фактов: формирование и перемещения войск, производство наступательных видов оружия (которые с непозво-

лительным для военного разведчика смешением понятий именуется “агрессивными”), двусмысленные, но поддающиеся расшифровке политические заявления, свидетельства мемуаристов и т.д. - из которых следует, что Сталин готовил нападение на Германию и освободительный поход в Европу на 1942 год, а затем перенес его на июль 1941 года. К этому времени на границе концентрировались огромные силы, трехмиллионная армия. Нацеленные на наступление, эти силы не были готовы к обороне и были разгромлены внезапно напавшей германской армией. Версия не имеет прямого документального подтверждения, но она правдоподобна.

Можно предположить, что Сталин приурочивал начало войны с Германией к высадке германских войск в Англии и что Черчилль знал или догадывался об этом плане, почему, кстати, миссия Гесса, перелетавшего в мае 1940 года в Англию (с предложением союза против СССР?) закончилась ничем. В.Суворов “разоблачает” Сталина как агрессора и оправдывает превентивный удар Гитлера. Но каков предмет разоблачений? Что плохого в этом плане? “Плохо” только то, что освободительный поход в Европу, который вопреки всему все равно был осуществлен в 1944-1945 годах, не был совершен в 1941-1942 годах, что многократно снизило бы жертвы советского и европейских народов в войне, все равно неизбежной.

Первоначальный план Сталина сорвался? Допустим. Что из этого следует? Только то, что,

во-первых, у Сталина был сильный противник, сделавший все возможное, чтобы переломить неблагоприятную для него стратегическую ситуацию, и, во-вторых, СССР заблаговременно создал боевые и военно-экономические резервы, благодаря которым и вопреки первоначальному провалу выиграл войну. "Разоблачения" В.Суворова (а предателям свойственно обливать грязью свою Родину, чтобы оправдать предательство) по сути дела по-своему высвечивают величие совершенного советским народом подвига. Страна все равно была спасена, а освободительный поход был завершён не в Лиссабоне, а на Эльбе.

Кому такой результат покажется скромным, пусть посмотрит на то, во что Россия превратилась сейчас.

В связи с версией В.Суворова привлекает внимание один исторический факт, приведенный известным историком М.Я.Гефтером. Он умер в 1995 году, успев после второго инфаркта сказать в "Независимой газете", что нынешний российский режим вызывает у него "омерзение". Отвечая на вопрос Г.Павловского, считает ли он Сталина трагической фигурой, М.Я.Гефтер сказал:

"Шекспир бы ответил утвердительно. Но не изменилась ли природа трагического за истекшие с тех пор века? Вместо ответа - коротенький рассказ..." Последовал рассказ о том, что в середине 60-х г.г. М.Я.Гефтер держал в руках книгу: "Бисмарк. Мысли и воспоминания". Год издания - 1940-й. И дальше: "Сигнальный экземпляр. Единственный, принадлежащий Аркадию Самсо-

новичу Ерусалимскому - автору вводной статьи. В тексте ее на полях пометки и замечания Сталина. Да, это его рука. Его почерк - человека, привыкшего много писать, беглый, но ясно читаемый. Писал, видимо, не в один присест - цвет карандаша разный. Я всматриваюсь, подобно археологу... Я ищу страшное. Нахожу же разумную правку, свидетельство неплохого вкуса и понимания истории. Рассказ А.С.Ерусалимского о встрече в Кремле дополняет впечатление. Мы задерживаемся на самом крупном из исправлений. В статье, которую поручил писать профессору-историку нарком иностранных дел, финальные абзацы прозрачно доносили главную мысль. Бисмарк, не раз высказывающийся против войны с Россией, боявшийся её пространств и повторения участи, постигшей некогда шведского короля и французского императора, призывался в советчики настоящему. Казалось бы и Сталину финал должен был прийти по вкусу (статья ему вообще понравилась). А встреча состоялась осенью - спусти немало времени после поражения Франции и Дюнкерка, изменивших весь ход мировых событий. Но как раз концовку Сталин решил изменить. Он снял патристические курсивы, сократил размер предостережений и весь русский сюжет согласился оставить при условии переноса его куда-то в середину... И автор, и заказчик Молотов были тогда обескуражены. Последний не произнес ни слова (как и присутствующий на встрече Жданов), автор же робко возразил, упирая на актуальность. Сталин в ответ: "А зачем вы их пугаете-"

те? Пусть попробуют...”... Что думал он в тот момент, произнося эти слова? Отдавал ли он отчет в том, что договор 1939 г. уже утратил смысл для партнера, одержавшего в Европе победы, отдававшего крови и жаждущего выйти на мировой простор? Стремился ли хладнокровием - на грани равнодушия - вселить тревогу в Гитлера и тем выиграть время? Пытался ли демонстрацией силы представить аргумент в пользу продления и обновления союза, сумевшего обеспечить бескровные приращения новых территорий к своей державе? Существует множество вариантов рационального объяснения политики Сталина” (“Рабочий класс и современный мир”, 1988, №1).

В числе прочих возможно и такое объяснение, что Сталин считал ненужным удерживать Гитлера от нападения на СССР, надеясь на то, что будут реализованы провозглашавшиеся до войне призывы “ответить на удар врага двойным ударом” и “вести войну на вражеской территории”. Иначе говоря, хотел получить основание и повод для освободительного похода в Европу. Но Гитлер, увы, начал войну в то время, когда возможно планировавшийся “двойной удар” и “освободительный поход” были далеки от реальной готовности. Повторимся, это всего лишь одна из правдоподобных версий, не больше.

В качестве правдоподобной, но далеко не доказанной эта версия существует и после её неабсолютного опровержения в книге такого серьезного историка, как Г.Городецкий (Миф “Ледокола”. Накануне войны. М., Прогресс-

академия, 1995. Пер. с англ.). Он, в частности, ссылается на авторитетное свидетельство В.М.Молотова о том, что Сталин “ещё перед войной считал, что только к 1943 году мы сможем встретить немца на равных” (Ф.Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991, с. 31). Тем не менее перед войной в числе заранее подготовленных генштабом планов начального периода войны был и вариант немедленного контрудара и наступления - на случай благоприятной для этого обстановки. “Суворов, - замечает Г.Городецкий, - смешивает предумышленную агрессию с наступательным маневрированием” (с. 294).

Вариант с “наступательным маневрированием” в начальном периоде войны докладывался Тимошенко и Жуковым на Политбюро за 8 дней до начала войны и был отвергнут Сталиным. Не обошлось без грубости. Сталин ушел. Потом открыл дверь, высунул рябую голову и громко сказал: “Если вы будете там на границе дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду”, - и дверь захлопнулась. Так рассказывал об этом эпизоде много позже Тимошенко (Г.Городецкий, с. 325). Впоследствии маршал Жуков признал, что такой план действий был ошибочным, и если бы Красная Армия получила разрешение его осуществить, она потерпела бы катастрофическое поражение (Воспоминания и размышления, т. 1, с. 342).

Ряд фактов, в том числе и ошибки Сталина, привели к тяжелейшим поражениям в начальный период войны. Но тогда же решительное пресече-

ние им авантюрной наступательности предотвратило поражение катастрофическое. Главный же итог - великая победа, и Сталин был её главным творцом. Именно этого не могут простить ему антикоммунисты.

Сталинизм в своем наиболее полном проявлении завершился вместе с войной и наступлением периода послевоенной стабилизации на базе устранения ядерной монополии США советской ядерной мощью. Он был своеобразной формой раннего социализма в чрезвычайных условиях его становления и утверждения, когда процесс социальных преобразований сочетался с подготовкой и ведением войны, а потом закреплением плодов победы. Это была уникальная, неповторимая форма организации общества. Некоторые элементы сталинизма еще могут вернуться, почему имя Сталина и стало популярным в нынешних условиях, условиях проигрыша Советским Союзом третьей, "холодной" мировой войны. Восстановление социализма не будет простым делом. Но в полном объеме сталинизм, включая и сталинщину, уже невозможен. Современное общество не в состоянии повторить ни того взлета, ни тех страданий. Поклонимся великой истории, героической и трагической, и не будем призывать ее вновь.

Свою историческую исчерпанность, необходимость демократических преобразований сам сталинизм почувствовал тотчас после проведенного в рекордные сроки восстановления народного хозяйства. Внешне неожиданная дискуссия по во-

просам языкознания дала повод Сталину профессионально высказаться не только по предмету обсуждения, но и за свободу научного творчества. Вслед за тем в “Экономических проблемах социализма в СССР” он столь же неожиданно заявил, что соответствие между производственными отношениями и характером производительных сил отнюдь не является полным, что закон стоимости и в социалистической экономике действует как объективный и не может быть ни отменен, ни преобразован, что в политической экономии нельзя подменять производственные отношения, то есть прежде всего отношения собственности, отношениями организационными, “рациональной организацией производительных сил”. Речь шла о кардинальных проблемах развития общества. Это было дуновение свежего ветра, обещание преобразований. Но потом странное “дело врачей”, внешнеполитические конфликты, после смерти Сталина отстранение с позиций первого руководителя несостоявшегося способного реформатора Г.М.Маленкова, утверждение у власти Н.С.Хрущева, деятеля не по разуму энергичного, - все это смешало все карты. Даже элементарная либерализация режима, безусловно необходимая реабилитация невинно осужденных были проведены неумело, не с выгодой для строя, а с его подрывом. Дальнейшее известно.

5. Личность Сталина

Историческая оценка сталинизма будет существенно неполной, если не коснуться личности Сталина. Сталина есть за что сурово критиковать и осуждать. Но антикоммунисты, и отечественные и зарубежные, не столько критикуют его, сколько обрушивают на него потоки клеветы и вымысла. Писатель Владимир Бушин разобрал по косточкам “новую сталиниану” (“Советская Россия”, №159 за 1992 г., № 21 и 27 за 1993 г.) и противопоставил храбрым уничижителям не кого-нибудь, а самого У.Черчилля. Известная характеристика Сталина Черчиллем приведена дальше. Если на Сталина выливается столько грязи, значит в этом видят смысл. Какой? То позитивное, что есть и нельзя скрыть в сталинизме, мажут сталинщиной, причем не столько действительной, сколько вымышленной. Значит, этой кампании и компаний нужно противопоставить более или менее развернутую характеристику действительной личности Сталина, с ее плюсами и минусами. Это задача из сложнейших. Моя попытка как-то приблизиться к ее решению, надеюсь, извинительна.

Думаю, читателю будет интересно, как оценивал своего выигравшего соперника Л.Д.Троцкий, который справедливо считался одним из возможных преемников Ленина. В последний год жизни он не успел закончить биографическое исследование о Сталине, точнее, его публицистическую характеристику, но написал уже немало. В книге “Сталин”, том 2 (Бенсон Вермонт, 1985), стараясь быть объективным, но

едва ли до конца справляясь с этой задачей, Троцкий так характеризует личность Сталина.

“Те, кто судил по обычным повседневным проявлениям о деятельности Сталина,.. видели, с одной стороны, его значительность, а с другой стороны, никак не могли признать его интеллектуального авторитета. Отсюда двойственность отношения со стороны всех тех, которые близко соприкасались с ним. Понадобились особые исторические условия, где от него не требовалось никакого творчества и его интеллект должен был только суммировать работу коллективного интеллекта целой касты, но где борьба этой касты за своё самосохранение, за упрочение своих позиций требовала персонификации, требовала напряжённой воли к власти, понадобилось такое исключительное сочетание таких условий, чтобы его интеллектуальные качества при всей своей посредственности получили большое всеобщее признание, помноженное на коэффициент его воли.

У Сталина была достаточно крепкая воля, чтобы противостоять чужим влияниям, тогда, когда он их природу понимал. Но ему часто не хватало этого теоретического понимания. Сталину свойственно презрение к теории. Теория берёт действительность больших масштабов. Здравый смысл берёт действительность в мелких масштабах. Оттого Сталин чрезвычайно чувствителен ко всякой непосредственной опасности, но не способен предвидеть опасность, корящуюся в больших исторических тенденциях. В этих осо-

бенностях его личности и заложена разгадка его дальнейшей судьбы.

...Бухарин называл Сталина "гениальным дозирующим". Это выражение, только без гениальности, я слышал впервые от Каменева. Оно имеет в виду способность Сталина выполнять свой план по частям и в рассрочку. Эта возможность предполагает в свою очередь наличие могущественного централизованного аппарата. Задача дозировки состоит в том, чтобы постепенно вовлекать аппарат и общественное мнение страны в иные предприятия, которые, будучи представленными сразу в полном объеме, вызвали бы испуг, негодование и даже отпор.

Он был сильнее других наделен волей и честолюбием, но он не был ни умнее других, ни образованнее других, ни красноречивее. Он не обладал теми качествами, которые привлекают симпатии. Зато природа щедро наделила его холодной настойчивостью и практической сметкой. Он никогда не повиновался чувствам, а всегда умел подчинять их расчету...

Воля господства над другими была основной пружиной его личности...

Сталину нужно всегда насилие над самим собой, чтобы подняться на высоту чужого обобщения, чтобы принять далекую революционную перспективу. Как все эмпирики, он по существу своему скептик, причем циничного склада. Он не верит в большие исторические возможности, способности человека к совершенствованию, возможности перестройки общества в радикальных

направлениях. Глубокая вражда к существующему делает его способным на смелые действия. Эмпиризм или чисто крестьянский консерватизм мысли делает его неспособным долго оставаться на вершинах. Предоставленная самой себе, его мысль неизбежно сползает вниз. Цель, которую он себе поставил, он будет разрешать с большим упорством, с большей настойчивостью, чем большинство других людей. Но он не способен поставить себе самостоятельно большую цель и долго держаться её...

Ленин, несомненно, высоко ценил в Сталине некоторые черты: твердость, цепкость, настойчивость, упорство, хитрость и даже беспощадность, как необходимые качества в борьбе. Но Ленин вовсе не считал, что эти данные, хотя бы и в исключительном масштабе, достаточны для руководства партией и государством. Ленин видел в Сталине революционера, но не политика большого стиля. Самостоятельных идей, политической инициативы он от него не ждал и не требовал. Ценность Сталина в глазах Ленина почти исчерпывалась в области администрирования и аппаратного маневрирования" (с. 157 - 175).

В приложении к книге даются тезисы Троцкого о трёх концепциях русской революции. Первая - меньшевистская, Плеханова: революция буржуазная, власть - либеральной буржуазии, демократический режим, ускоренное развитие. Вторая - Ленина: буржуазия неспособна довести свою революцию до конца, устанавливается демократическая диктатура пролетариата и крестьянства,

она дает толчок социалистической революции в развитых странах, с помощью этой революции в сравнительно короткий срок рабочий класс завоевывает власть в России. Третья - перманентная революция: полная победа демократической революции в форме диктатуры пролетариата, толчок международной социалистической революции, без которой невозможно довести до конца социалистическое строительство в России. В своих апрельских тезисах Ленин принял третью концепцию. Сталин отрицает её. "Так, путем оттачивания возникла теория социализма в одной стране, основной догмат сталинизма". (с. 300 - 301).

Судя по недавней публикации Б.Ф.Славина ("Правда", 21 декабря 1994 г.), Сталин изучал теоретические работы Троцкого серьёзно и продуктивно. Пожалуй, то же самое можно сказать об изучении Троцким Сталина. Но Троцкому мешал "комплекс гения". Или обыкновенный снобизм? Уверенность в собственной гениальности мешала Троцкому признать равенство Сталина, не говоря уже о признании его превосходства. А оно явлено историей, от этого никуда не уйти. Что же касается характеристики Троцким личных качеств Сталина, то в ней, с поправкой на пристрастность, есть немало меткого. И фактически признается то, что внешне оспаривается. Так, в "дозировщике", да ещё и, по Бухарину, "гениальном", виден глубокий дальновидный политик, как раз "политик большого стиля".

Почему Троцкий и другие соперники Сталина ошиблись в его оценке, хорошо объясняет Ч.П.Сноу. В своём очерке "Сталин" (1967) он пишет:

"В своё время они недооценили Сталина - и продолжали его недооценивать. Почти до конца в их представлении никак не укладывалось, как он вообще куда-то выдвинулся. Эта классическая ошибка в суждениях кое-что говорит о Сталине, но ещё больше - о недругах его. Троцкий, например, был оратором куда более завораживающим, чем Ллойд Джорж, и писал куда лучше Черчилля, для него, высокомерного и самовлюблённого, само собой разумелось: кто подобных талантов лишен, тот ни на что не годен...

Ленин всё сие отринул. Он мог полагать - и имел на это все основания, - что для выработки теории ему хватало его самого... Ему нужен был человек дела, и он отыскал одного из самых эффективных деятелей всех времен. Ленин нуждался в человеке, который по себе знал бы, что за чувства бродили в глубинах русского народа, каковы реальные потенции этих низов. Другие смотрели на промышленный рабочий класс, того больше на крестьян, столь романтически, как то всегда было свойственно русским интеллектуалам. Никто и никогда не относился к кому бы то ни было, к любой группе или классу, менее романтично, чем Сталин... Превыше всего ему был свойствен реализм оценок... Темперамент его строился на пессимистической грани реализма,

что делало его источником здравого смысла и силы.

Выбор Ленина был хорош. Никто не знает, сколько времени он провел наедине со Сталиным и сколь приемлемым он счел своего собеседника. Но Сталин был верным и глубоким почитателем, несомненно, хорошим слушателем, возможно, не очень разговорчивым и порой грубовато остроумным". ("Завтра", №№ 30 - 31 (35 - 36)).

Как, однако, ни ошибался Троцкий, "высокомерный и самовлюбленный", он описывает Сталина конкретнее и честнее, чем современные критики-ренегаты, только вчера захлебывавшиеся в восторженных апологиях. Не хотелось бы их даже упоминать.

Известный советский социолог пишет: "Споры о Сталине невозможно закончить каким-либо "решением". Каждое новое поколение будет не только читать написанные до него книги о Сталине, но и писать свои. Время отсеет конъюнктурные, "воспитательные", "престижные" соображения, нейтрализует личные симпатии и антипатии, откроет архивы. И люди не перестанут изумляться, поражаться тому, что у истоков мирового социализма возвышается мрачная фигура человека, словно пришедшая в наш век из шекспировского театра. Такова ирония истории..." (А.Бовин. Наследие генералиссимуса. - Горизонт. Журнал ЦК Компартии Латвии. 1988, № 12).

Ирония истории действительно состоит в том, что светлый облик социализма омрачается, а точнее - озадачивает исследователя фигурой одно-

го из его первых вождей. Верно и то, что Сталин напоминает некоторых тщеславных, кровавых, коварных героев шекспировских трагедий, например, Макбета или Ричарда Третьего. Но напоминает лишь поверхностно и отдаленно. “Философия” этой фигуры, подлежащий извлечению из её свойств и действий глубинный исторический смысл её “явления миру” сложнее, непостижимее едва ли не всего того, что история и искусство могут предложить в качестве аналога.

Пришел ли этот человек в наш век из шекспировского театра? Нет, конечно. Никакой он не пришелец из средневековья, хотя многое и прихватил из его арсеналов. Сталин - это наше родное дитя, законный сын XX века. Точнее, первой половины века, на которую пришёлся апофеоз той многовековой фазы человеческой истории, для которой характерен всё нараставший разгул насилия. Сталин - органичное порождение эпохи двух мировых войн, Октябрьской революции и гражданской войны, начала движения человечества к ядерному самоуничтожению. Главным же образом - органичное порождение социалистической революции, самой глубокой и болезненной из всех социальных революций, побившей все рекорды в разрушении сложившихся форм социальной организации, в насильственных заботах о “чистоте” нового общественного строя, в низведении до последнего предела ценности человеческой жизни. И в то же время революции закономерной и необходимой, по большому счёту

истинно гуманной, открывшей новые горизонты для человеческой цивилизации.

Иные коммунисты, подавленные и запуганные ругательной критикой, обычно уклоняются от фиксирования своего отношения к Сталину и сталинизму. Так, желая показать, что его патриотизм не исключает коммунистического элемента, Г.А.Зюганов говорит, что он состоял в “партии Жукова и Королева”. Зачем, однако, прятаться за эти спины? Такой партии не было, была партия Ленина и Сталина, в которую входили и этот великий полководец, и этот великий конструктор, и миллионы рядовых рыцарей духа. Пока коммунисты не займут определенной, объективной, честной позиции в отношении Сталина, им трудно будет убеждать людей в своей политической честности.

Каким же предстаёт перед нами И.В.Сталин при объективной оценке его личности?

В своем политическом завещании Ленин назвал Сталина и Троцкого “выдающимися вождями” тогдашнего ЦК. При этом он отметил грубость, капризность и администраторское увлечение Сталина, а у Троцкого, “пожалуй, самого способного человека в настоящем ЦК”, - самоуверенность, чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела и небольшевизм. Итоги соперничества этих действительно наиболее выдающихся вождей хорошо известны. В конечном счете это был суд истории. Культ личности Сталина по рационалистическим критериям несуразен, но почему он был принят народом

(в отличие от последующих “культов без личности”)? Какие качества Сталина вывели его в число величайших деятелей национальной и мировой истории?

На первое место следовало бы поставить большевизм в ленинском смысле этого слова. Сейчас этим словом принято обозначать склонность к насилию, диктаторским методам, но это и неглавный, и необязательный элемент большевизма. Под большевизмом имелся тогда в виду комплекс качеств, стержнем которого были подвижническая жизнь, беззаветная преданность интересам трудящихся и ненависть к угнетателям, полное подчинение себя революции и требованиям партии, принципиальность и бескорыстие. Как и другие большевики, Сталин был воспитан на этом кодексе чести, воспринимал его как святая святых. Он был типичный большевик. На большевизме основывался его авторитет и его культ. В большевизме же заключалась для него и его преемников моральная ловушка - все более укреплявшееся представление о своем всевластии и непогрешимости, о праве от имени самой истории распоряжаться судьбами не вполне разумных народов.

Дочь Сталина пишет, что с особым уважением он относился к своей матери. В последние годы жизни (до 1937) она жила в Тбилиси “в красивом дворце с парком”, а занимала там “тёмную низкую комнатку”, в которой стояла “чёрная железная кровать”. “У бабушки были свои принципы, - принципы религиозного человека, про-

жившего строгую, тяжёлую, честную жизнь. Её твёрдость, упрямство, её строгость к себе, её пуританская мораль, её суровый мужественный характер, - всё это перешло к отцу". (С.Алилуева. Двадцать писем к другу).

В ранней юности у "Кобы" сложились романтические освободительные устремления. Он отказался от благополучно начавшегося жизненного пути, выбрал единой и на всю жизнь марксистскую основу для служения угнетённым. Как и все великие, "он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть". Романтические устремления, поначалу окрашенные обычными, возможно христианскими моральными принципами, постепенно превратились в революционный фанатизм с его любовью к "народу" и "человечеству" и пренебрежением судьбами отдельных людей, причём не только "чужих", но и "своих", в фанатизм, поднимающий человека до всежизненного подвига, но и иссушающий и выжигающий живые движения души, "освобождающий" её от "абстрактного гуманизма", "сантиментов", общечеловеческой морали. Этот революционный фанатизм укреплялся сначала в испытаниях подполья и в ожесточённой гражданской войне, а затем и в использовании материальных возможностей необъятной власти. И это при том, что фанатизм Сталина не был лишён элементов трезвости.

С ранних лет и всю жизнь Сталина отличала ненасытная любознательность. Он говорил сыну: "Ты почему не учишься? Мне семьдесят лет, а я

учусь! ". Круг его чтения, неизменно интенсивного и в подполье, и в ссылках, и потом в служебных кабинетах, был широк и разнообразен. Он образовал себя сам. В результате он на профессиональном уровне действовал не только в "большой" политике, но и во всех направляемых ею областях деятельности. Не случайно имел кличку "Хозяин". Был главным экономическим стратегом на протяжении трех десятков лет. Не обошлось без ошибок и промахов, но, если исключить два первых года войны, не позволял реальным ежегодным темпам роста производства опускаться ниже 10 процентов. Как это ни вытравляют из народной памяти, в послевоенные годы сделал ежегодное снижение цен основной формой повышения жизненного уровня народа. Постоянно встречался с директорами и конструкторами. По свидетельству Жукова, Василевского и других военных, был во время войны достойным, Верховным Главнокомандующим, сильным военным стратегом. Курировал разработку всех основных видов оружия - а Красная Армия имела лучшие виды оружия второй мировой войны. Поддерживал опережающий уровень развития фундаментальных наук - и не пощадил некоторых великих ученых, грубо ошибся, не удержавшись в рамках своей компетентности, в генетике и социальных приложениях кибернетики. Умел выслушивать тех, кому было что сказать, но не всегда понимал ограниченность своих возможностей. И этому человеку с широчайшими интересами и колоссальным объемом памяти, особенно имея

высшую власть, полезно было почаще вспоминать заповедь Козьмы Пруткова: “Никто не обнимет необъятного”. Увы, пытался объять.

Трудно сказать, испытывал ли он интеллектуальное наслаждение, читая, к примеру, рассуждения Гегеля о том, что небытие не есть ничто, но в качестве отрицания бытия уже нечто. Ленин выписывал в своих конспектах такого рода места с видимым удовольствием, и они, действительно, поднимают мышление на уровень высших абстракций. Похоже, Сталину такого рода абстракции были доступны, но неинтересны. Его больше интересовало, к примеру, различие между лозунгом пропаганды, лозунгом агитации и лозунгом действия, больше привлекало инструментальное знание. И он, поняв простую суть любых абстракций, трансформировал их в именно такое знание, одновременно систематизируя его и тем делая до конца ясным, пусть в упрощенном виде, и себе, и другим. Такую операцию, глубокое систематизирующее обобщение он проделал с диалектическим и историческим материализмом, изложив его на 30 страницах, и с ленинизмом, изложив его основы на 80 страницах. В его оценках политических ситуаций в органическом единстве представлены определение сущности ситуации, ее структура и практические выводы. Это был человек сущностного инструментального мышления, таков был характер его необычайной интеллектуальной мощи, и она соединялась с ясным четким стилем изложения. Отсюда - “слова как пудовые гири верны” (О.Мандельштам).

Другая столь же характерная для него черта - безжалостная воля. Его волевой напор на людей, работу, исторические процессы, а раньше всего обуздание самого себя, собственных слабостей - не терпели границ. Хорошо зная важность верного решения, он шел к его принятию медленно, осторожно, все взвешивая; всех выслушивая, скрывая и меняя свои наметки, но после принятия решения преображался. Теперь он исходил из того, что абсолютно верных решений не бывает, но достаточно верное чаще всего губится его пересмотром по каждому поводу и без повода, "вихлянием по курсу". Такого не терпел, включал все механизмы реализации принятого решения, безжалостно обходилась и с людскими слабостями, и с самими людьми. Попытки скорректировать курс, принятый план чаще всего считал отговорками, капитуляцией перед естественными трудностями. Обычно так и было, непреклонность оправдывалась, но иной раз страна или задача оказывалась перед провалом. Так случилось со сверхтемпами индустриализации и "великим переломом" в коллективизации. Последним соглашался с ошибкой и пересматривал курс или план. Исключая кровавую массовую "генеральную чистку", изначально ошибочную, в целом его стратегические решения были правильными, некоторые тактические ошибочными. Вслед за запоздалым признанием этого они немедленно и радикально исправлялись. Цели достигались, но более дорогой ценой. Трудно сказать, учитывая прежде всего общекультурный уровень страны,

необходимость форсированного развития и то, что в связи с этим культ вождя использовался как средство управления, мог ли быть эффективным в то время более цивилизованный стиль. Склонность к волевым сверхусилиям стала второй натурой Сталина. Это и есть то, что, с жгучим интересом и опаской вглядываясь в него, Максим Горький называл “неутомимо и чудодейственно работающей железной волей Иосифа Сталина”. Железной, то есть нечеловеческой.

Включив себя в четверку великих, Сталин не мог не соизмерять себя с остальными тремя. Авторитет Маркса признавал безусловно, был к нему всегда почтителен, адекватно воспринимал суть его теории, но едва ли вникал во все тонкости метода “Капитала”. Энгельса тоже читал, но позволял себе и его прямую критику (его понимание политики русского царизма, классовости языка и др.). Ленина в целом боготворил, начиная с его появления в руководстве партии, когда воспринял его как “горного орла”, и до его последних дней, оставался верным ему всю свою жизнь. Считал, что после долгих лет пребывания “учеником” и “подмастерьем” революции только в 1917 году, рядом с Лениным, стал одним из ее “мастеров”. Как правило, поддерживал Ленина, но не слепо. К “Апрельским тезисам” примкнул не без колебаний. Уступив Ленину в вопросе о федерализации, реально провел в жизнь, насколько это было возможно, свой план автономизации (но не смог исключить право союзных республик выйти из Союза). Только за Лениным признавал

интеллектуальное превосходство, да и то с оговоркой, что практическую жизнь знает получше. Кстати, сестра Ленина, М.И.Ульянова, тоже считала, что Сталин - самый умный, после Ленина, человек в партии. Формулу "Сталин - это Ленин сегодня" толковал не как приравнение этих двух имен. Он объективно соотнесил творческое начало в сыгранной им и Лениным роли. По недостоверным данным ("сказал такому-то старому другу"), Сталин не исключал свое посмертное "свержение", может быть даже появление бранного термина "сталинизм". Но определенно рассчитывал и на последующий объективный суд истории. Он начинается только сейчас.

Своих соратников не по выбору, а по обстоятельствам, начиная с Троцкого, оценивал критически, но до поры до времени сдерживался, лишь эпизодически срываясь на грубость (что и было отмечено Лениным). Они чувствовали себя выше, в частности более образованными. В этом отношении он внешне не блистал. Немецким владел лишь "для себя" и не рисковал публично пользоваться им. Впрочем, отмечен случай, когда с глазу на глаз вел переговоры с П.Грозу, а оба владели только немецким. Но, внешне уступая своим соперникам, он фиксировал их слабость в деле. И выжидал. В искусстве выжидания не имел себе равных. Нетипичный грузинский характер: да, был и вспыльчив, и гневлив, но, если нужно, внешне гасил гнев и обращал его энергию на мстительную внутреннюю работу. Бойтесь хладнокровных. "Смешон кричащий - страшён мол-

чащий". После смерти Ленина одного за другим устранил своих соперников, умело пользуясь разногласиями между ними. А ведь это были не "слепые котята", как, Сталин, по легкомысленному свидетельству того же Хрущева, как-то обозвал незадолго перед смертью своих соратников - уже не по обстоятельствам, а по собственному выбору. Из тех, прежних соратников, пожалуй, не без сожалений и симпатии отправил в политическое, а потом и физическое небытие одного Бухарина ("Бухарчика"). Но и здесь не позволил себе расслабиться. Из обширнейшего исторического чтения извлек немало примеров того, что жалость к поверженным соперникам часто приводит к их торжеству, уже безжалостному. Между тем, уничтожение соперников - процесс, который стоит только начать, как он ожесточает и засасывает, и политик превращается в тигра-людоеда, в тирана, и даже сверхволевым людям трудно удержать себя от этого рокового превращения. После 1938 г. подобных массовых репрессий не было, но Сталин так и не смог вполне преодолеть себя, и это привело к уничтожению его полезнейших соратников (Н.А.Вознесенского, А.А.Кузнецова и др.). Хватило ума (а возможно, также и совести) ограничиться опалой маршала Жукова, которая даже была смягчена тем, что в 1952 г., на XIX съезде КПСС, он был избран кандидатом в члены ЦК. Огромными усилиями Сталин удерживался в рамках мотивированных политических действий, но временами все же соскальзывал к крови, которая уже и в малой степени не оправдывалась ни гонкой во-

оружий, ни интенсивной “холодной войной”. Если оставил в этом отношении урок своим потомкам, то он заключается в том, что отдавшему крови политику нельзя доверять руководство страной. Даже великому, не говоря уже о посредственном.

У Сталина - человека, погруженного в себя (интраверта) и, не исключено, болезненно подозрительного, не было настоящих друзей, в своих неустанных мыслях и делах он напоминал одинокого слона. Было подобие дружеских отношений с Орджоникидзе, Молотовым, Микояном, Ворошиловым. Из-за разногласий со Сталиным Орджоникидзе дошел до самоубийства. Нет достоверных данных, что он был доведен до этого рокового шага, как и о том, что Сталин настойчиво старался достичь с ним взаимопонимания. Начиная с войны, Ворошилов терял потенции как политический деятель и, следовательно, переставал быть интересен для человека, вся жизнь которого заключалась в политике. На первом после XIX съезда пленуме ЦК Сталин выступил с нелестной характеристикой Молотова и Микояна и тем как бы отвел их от наследования своего поста (после смерти Сталина Молотов не стал мстить ему за это, Микоян не упустил случая). Для Хрущева, отношение к которому было скорее ироническое, роль наследника тем более не предусматривалась. Незадолго до того Хрущеву досталось за утопический проект “агрогородов”, а, видимо, по поводу подчеркивания им своего рабочего прошлого, по его собственному свидетельству, Сталин

сказал: "Рабочий из-под станка". Рассказывая об этом эпизоде, Хрущев хотел обвинить Сталина в пренебрежительном отношении к "рабочим от станка" (была такая почетная формула), но это, конечно, вздорное обвинение. Берия был сверх-энергичный изобретательный исполнитель, которого пришло время не продвигать, а убирать (и который, возможно, сам убрал Сталина). К чести Сталина нужно сказать, что в качестве своего преемника он фактически указал наиболее сильного и перспективного деятеля - Г.М.Маленкова, отношения с которым были у него только служебные, но, к сожалению, не успел закрепить его в этом положении.

Особая статья - Киров. Это был, видимо, единственный настоящий друг Сталина. В мае 1924 г. он подарил Кирову свою книгу "О Ленине и ленинизме" с надписью: "Другу моему и брату любимому". Надпись невероятная. В 1934 г. он настойчиво приглашает Кирова на работу в Москву. Киров оттягивает переезд, ссылаясь на начатые в Ленинграде дела. После убийства Кирова в минуту слабости Сталин сказал брату своей жены, которая за два года до этого покончила с собой: "Я совсем осиротел". Хрущев, а потом пригорбачевские "демократы" вылезли из кожи, чтобы доказать причастность Сталина к убийству Кирова. Так, мол, был устранен соперник на пост генсека. Киров между тем отверг идею выдвинуть его на этот пост и горячо поддержал Сталина. Тем не менее в качестве одной из версий можно числить и эту. Официальной и вроде бы под-

твержденной версией была та, что убийство совершил Николаев по заданию троцкистско-зиновьевской оппозиции. Третья версия - убийство Николаевым на почве ревности. Не исключено, что истинна эта последняя. В её пользу говорит серьёзное исследование Аллы Кирилиной (Рикошет. С.-Петербург, 1993). Но, видимо, Сталин решил использовать убийство популярнейшего лидера для того, чтобы обвинить в злодействе ненавистную живучую оппозицию и уничтожить ее. Стоя вместе с заплаканным Ворошиловым в почетном карауле у гроба Кирова с непроницаемо спокойным лицом, Сталин обдумывал свой удар, растянувшийся на четыре года. Для этого нужно было отвести версию о личной мести Кирову со стороны Николаева, с чем и могли быть связаны "несчастные случаи" со свидетелями, которые могли подтвердить ее. Хрущев истолковал эти "несчастные случаи" как сокрытие следов собственного участия Сталина в убийстве. Вот, в сущности, и все, ничего достоверного. Сталин не может быть сколько-нибудь уверенно обвинен в убийстве Кирова. Способен ли он был на такую акцию в случае их действительного соперничества? Вопрос недопустимый, но он задается. Убийство Кирова было бы для Сталина братоубийством и духовным самоубийством. Человек, самоотверженно отдающий жизнь выполнению величайшей благородной миссии, каким был Сталин, легче пойдет на физическое самоубийство, когда можно передать эту миссию в более надежные руки. Объективно Киров в не-

которых отношениях был бы предпочтительнее Сталина, в других отношениях уступал ему. Понимая это, Сталин стремился иметь тандем Сталин - Киров. С ним мы имели бы не менее величественные победы с меньшей невинной кровью. "Но бог судил иное". После смерти Кирова Сталин и при достаточном кавказском гостеприимстве необратимо стал в духовном плане одиноким слоном. Или волком. Молотов был для него лишь слабым подобием того, кем был и в еще большей мере мог стать Киров.

Но при этом роль Молотова как соратника Сталина не следует преуменьшать. М.Джилас в цитированной выше книге явно ошибается, когда сомневается в глубине и интенсивности идейных мотивов в деятельности внешне сверхсдержанного Молотова, но в остальном, видимо, прав в своей сравнительной характеристике этих двух политиков. Он пишет: "У Молотова нельзя было проследить ни за мыслью, ни за процессом её зарождения. Характер его оставался также всегда замкнутым и неопределённым. Сталин же обладал живым и почти беспокойным темпераментом. Он спрашивал - себя и других и полемизировал - сам с собою и с остальными. Не хочу сказать, что Молотов не проявлял темперамента или что Сталин не умел сдерживаться или притворяться, - позже я и того и другого видел и в этих ролях. Просто Молотов был всегда без оттенков, всегда одинаков, вне зависимости от того, о чём или о ком шла речь, в то время как Сталин был совсем другим в своей коммунистической среде. Чер-

чилль охарактеризовал Молотова как совершенного современного робота. Но это только внешняя и только одна из его особенностей. Сталин был холоден и расчётлив не меньше Молотова. Однако у Сталина была страстная натура со множеством лиц, причём каждое из них настолько убедительно, что казалось, что он никогда не притворяется, а всегда искренне переживает каждую из своих ролей. Именно поэтому он обладал большей проницательностью и большими возможностями, чем Молотов. Создавалось впечатление, что Молотов на всё - в том числе на коммунизм и его конечные цели - смотрит как на величины относительные, как на что-то, чему он подчиняется не столько по собственному хотению, сколько в силу неизбежности. Для него как будто не существовало постоянных величин. Преходящей и несовершенной реальности, ежедневно навязывающей нечто новое, он отдавал себя и всю жизнь. И для Сталина всё было преходящим. Но это была его философская точка зрения. Потому что за преходящим и в нём самом - за данной реальностью и в ней самой - скрываются некие абсолютные великие идеалы, его идеалы, к которым он может приблизиться, конечно, исправляя и сменяя при этом саму реальность и находящихся в ней живых людей. Глядя в прошлое, мне кажется, что Молотов со своим релятивизмом и способностью к мелкой ежедневной практике и Сталин со своим фанатическим догматизмом, более широкими горизонтами и инстинктивным ощущением будущих, завтрашних возможностей

идеально дополняли друг друга. Больше того, Молотов, хотя и мало что способный сделать без руководства Сталина, был последнему во многом необходим. Оба не стеснялись в выборе средств, но мне кажется, что Сталин их всё-таки более внимательно обдумывал и сообразовывал с обстоятельствами. Для Молотова же выбор средств был заранее безразличен и неважен. Я думаю, что он не только подстрекал Сталина на многое, но и поддерживал его, устранял его сомнения. И хотя главная роль в претворении отсталой России в современную промышленную имперскую силу принадлежит Сталину - благодаря его многогранности и пробивной силе, - было бы ошибочно недооценивать роль Молотова, в особенности как практика" (М.Джилас. Лицо тоталитаризма. М., 1992, стр. 55-56).

Очевидно Сталин стремился к повседневному тесному дружескому сотрудничеству не только с Молотовым, но и прежде всего с Кировым. Тримувират Сталин - Киров - Молотов обладал бы неимоверной интеллектуальной и организационной мощью, высочайшим морально-политическим авторитетом. Пришлось обходиться без Кирова...

Рискуя в чём-то повториться, приведу ещё несколько метких и глубоких наблюдений Джиласа. В той же книге он пишет: "Вместо привычного "лика", выдуманного его собственной пропагандой, вам являлся буднично-деятельный Сталин - нервный, умный, сознающий свою значительность, но скромный в жизни человек... Скрыт-

ность и коварство Сталина создавали видимость характера холодного, бесчувственного. На самом же деле он был человеком сильных взрывных эмоций, хотя и это, конечно, пребывало в подчинении у намеченной цели... Он обладал выдающейся памятью: безошибочно ориентировался в характерах литературных персонажей и реальных лиц, начисто позабыв порой их имена, помнил массу обстоятельств. не ошибался, комментируя сильные и слабые стороны отдельных государств и государственных деятелей. Часто цеплялся за мелочи, которые позже почти всегда оказывались важными... Зло, мне кажется, он помнил больше, чем добро... Сталин свободно ориентировался в вопросах истории, классической литературы и, конечно, текущих событиях. Того, что он скрывает свою необразованность или стыдится её, заметно не было. Если и случалось, что он не вполне разбирался в сути какого-нибудь разговора, то слушал настороженно, нетерпеливо ожидая, пока тема сменится... Не признаваясь в них открыто, он был способен чувствовать многие свои промахи. Так, от него можно было услышать, что те и те, мол, "нас одурачили"... а в начале 1948 года обронил, что китайские коммунисты лучше него оценили собственные возможности... При разговоре со Сталиным изначальное представление о нём как о мудрой и отважной личности не только не тускнело, но и, наоборот, углублялось. Эффект усиливала его вечная, пугающая настороженность. Клубок ошестинившихся нервов, он никому не прощал в беседе мало-мальски риско-

ванного намёка... Сталин был слишком мал ростом, с чересчур длинными руками и коротким туловищем, чтобы не терпеть внутренних мук по этому поводу. Лишь лицо его, по-крестьянски простоватое, "народное", можно было назвать привлекательным, даже красивым. Чувствовалась живость ума, глаза с желтинкой лучисто поблёскивали. Уничтожив миллионы, послав ещё миллионы умирать со своим именем на устах, он первое и второе считал необходимостью; ни то ни другое на нём никак не отражалось, хотя Сталин и приучил себя люто ненавидеть первых и безмерно радеть о вторых... Партбюрократия, притесняемая и основательно повыбитая, всё равно видела в нём вождя. Рядом с ним я ни на мгновение не ощутил, что ему знакомо чувство незамутнённой человеческой радости, простого... счастья: то были состояния вне границ его мира, он вполне обходился без них именно потому, что отождествлял себя с идеей и режимом..."(стр. 155-157). Глупо видеть в Сталине одно только изощрённое властолюбие.

Бывает, даже клеветники Сталина признают его аппаратные таланты. Он был исключительно искусный политик-организатор. Эта сторона его способностей была в первые годы после Октября особенно заметна, почему он и стал генсеком. В то же время теоретико-пропагандистская сторона, дискуссионные способности, стратегическое дарование исподволь набирали силу и неожиданно для его соперников обрушились на них. Сочетание той и другой сторон дало ему сначала пре-

имущество перед зубрами оппозиции, тешившимися представлением, что перед ними всего лишь “выдающаяся посредственность”, а потом и над своими соратниками, среди которых было немало выдающихся организаторов. По своему характеру управленческое искусство Сталина - это одухотворенный творческий технократизм. Или высший бюрократизм в позитивном, веберовском понимании этого слова. Едва ли при широте и прагматической нацеленности своего самообразования Сталин прошел мимо теории М.Вебера и работавших в ее русле крупных советских ученых. Если бы это и случилось, Сталин при его интеллектуальной мощи и к тому же при возможности непосредственно наблюдать управленческое искусство Ленина мог бы и самостоятельно, по ходу работы создать свой отлаженный в деталях технократический организационный стиль - сочетание “русского революционного размаха” и “американской деловитости”. Созданная им система управления работала воистину как часовой механизм. Производимые ею принципиальные решения каждый раз, по каждому случаю получали идеологическое и политическое обоснование и разъяснение, и это вместе с культом плана, стимулированием творческого подхода, жестким контролем исполнения, постоянной работой по повышению квалификации кадров гарантировало успех. Управление доходило до каждого рабочего места.

Говоря, что “кадры решают всё”, Сталин имел в виду не любую номенклатуру. Постоянно

искал и находил, как заметил как-то, работников “духовно сильных”, “умных” и на этой основе “деятельных”. Таковы его кадры.

Видел ли Сталин смертельную для социализма опасность его бюрократизации? Несомненно, видел. Отсюда его предупреждение, что партия погибнет, как Антей, если утратит связь с матерью-землёй, с народом. А вот характерный эпизод, описанный в упомянутой книге его дочери. Тогда старшеклассница, она была эвакуирована в Куйбышев, в октябре 1941 г. приехала в Москву и зашла к погружённому в дела отцу... “Наконец он заметил меня, надо было что-то сказать... “Ну, как ты там, подружилась с кем-нибудь из куйбышевцев?” - спросил он, не очень думая о своём вопросе. “Нет, - ответила я, - там организовали специальную школу из эвакуированных детей, их очень много”, - сказала я, не предполагая, какова будет на это реакция. Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: “Как? Специальную школу?” - я видела, что он приходит постепенно в ярость. “Ах вы!” - он искал слова попримечнее, - “ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай! Власик - подлец, это его рук дело!..”. Он был уже в гневе, и только неотложные дела и присутствие других отвлекли его от этой темы”. Можно не сомневаться, что позже, когда тема бюрократии сравнялась по своей важности с темой фашистского нашествия, Сталин, будь он жив, нашёл бы пути спасения социализма от этой “проклятой касты”.

После окончания войны, в своём тосте, возмечивающем “простого человека”, Сталин говорил о десятках миллионов “винтиков”, которые поддерживали в состоянии активности великий государственный и общественный организм. К сожалению, он не добавил, то ли считая это само собой разумеющимся, то ли не желая “размягчать” людей, что за пределами своих трудовых функций эти “винтики” были свободны во всех своих естественных, нормальных человеческих проявлениях - любили, рожали и растили детей, пили, пели, читали стихи, дрались и ругались, вообще жили как живётся в ещё не вполне благоустроенном обществе. Сталин и себя вмонтировал в созданную им машину управления и, не давая себе послаблений, выполнял свои функции, тянул свою лямку. Когда он по старости решил сдать команду, а ему предлагали сохранить формально свои посты, перейдя на щадящий режим труда, то есть заняться почётным полубездельем, он отрезал: “Я не так воспитан!”. К сожалению, он плохо воспитал Хрущёва, и тот, не ведая что творит, разрушил систему управления вместо того, чтобы из мобилизационного режима перевести её в нормальный, качественно усилив механизмы саморегуляции.

Заслуживает внимания личный служебный стиль Сталина, наряду с другими обстоятельствами сыгравший свою роль в том, что его деловой авторитет был исключительно высоким.

Из множества воспоминаний об этой стороне личности Сталина выделяются наблюдения адми-

рала И.С.Исакова. В сборнике “Мгновения” (М., ДОСААФ, 1989) он пишет: “Трудно сказать, был ли он сдержан вообще, очевидно нет. Но личину эту он давно надел на себя как шкуру, к которой привык до такой степени, что она стала его второй натурой. Это была не просто сдержанность, это была манера, повадка, настолько тщательно разработанная, что она уже не воспринималась как манера. Ни одного лишнего жеста, ни одного лишнего слова. Манера, выработанная настолько, что она воспринималась как естественная. Но на самом деле в ней был расчёт на то, чтобы не показать никому, что он думает, не дать угадать своих мыслей, не дать никому составить заранее представление о том, что он может сказать и как он может решить. Это с одной стороны. С другой, медлительность, паузы были связаны с желанием не сказать ничего такого, что придётся брать обратно, не сказать ничего сгоряча, успеть взвесить каждое своё слово. Надо, забегая вперёд, сказать, что он сохранил эту сдержанность и потом, среди побед и ликований, когда люди вокруг него были возбуждены этими победами. Он был просто несколько веселее, чаще шутил, улыбался, но к этому и сводились, пожалуй, все перемены в его поведении, скажем, в сорок четвёртом году в сравнении с сорок первым. Когда он говорил, он умел превосходно прятать себя и своё мнение... Мимика его была чрезвычайно бедной, скупой: он не делал подчёркнуто-непроницаемого выражения лица, но лицо его было спокойно. А кроме того, он любил ходить так, чтобы присутствующим

щие не видели его лица, и так как он сам выбирал эти моменты, то это тоже помогало ему скрывать свои чувства и мысли. По его лицу невозможно или почти невозможно было угадать направление его мыслей. И в этом был смысл, потому что охотников угадывать его мысли было много, он знал это, знал и меру своего авторитета, а также и меру того подхалимажа, на который способны люди, старающиеся ему поддакнуть. Поэтому он был осторожен, особенно тогда, когда речь шла о вопросе, который был ему относительно мало знаком, и он хотел узнать в подробностях чужие мнения. Он даже провоцировал столкновение мнений, спрашивал: “А что скажет такой-то?.. А что скажет такой-то?..”. Выслушивая людей и выслушивая разные мнения, он, видимо, проверял себя и корректировал. В иных случаях искал опору для своего предвзятого мнения, искал мнения, подтверждающие его правоту, и если находил достаточную опору, то в конце высказывал своё мнение с известными коррективами, родившимися в ходе обсуждения. Иногда, думаю, когда он сталкивался с суждениями, которые опровергали его собственное первоначальное мнение и заставляли изменить его, он сворачивал разговор, откладывал его, давая себе возможность обдумать сложившуюся ситуацию. Когда он бывал в хорошем настроении или что-либо его смешило, он улыбался. Но улыбался сдержанно, и даже и эту скупую улыбку прикрывал рукой и трубкой”. Таким в служебном общении был этот диктатор. Бывали, впрочем, редкие случаи, когда его вторая

натура, выработанная годами самоконтроля сдержанность, впитанная в естество дисциплина служебного общения вдруг опадали, его жёлтые глаза загорались гневом, желтели и белки, и “тигриный” взгляд сверлил собеседника. Видеть его в таком “обнажённом” состоянии была “привилегия” ближайших сотрудников.

Страдал ли Сталин паранойей? Едва ли. Тяжёлый характер, подозрительность, отдельные срывы, но паранойя... Главным аргументом у тех, кто приписывал Сталину это психическое заболевание, было то, что академик В.М.Бехтерев обследовал Сталина, якобы нашёл эту болезнь, стал рассказывать о ней и за это был отравлен. При этом ссылались на свидетельство его внучки, ныне тоже академика Н.П.Бехтеревой. Но теперь она говорит: “Это была тенденция объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе мы бы знали. Дедушку действительно отравили, но из-за другого. А кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было” (“Аргументы и факты”, N39 за 1995 г.). Так фабриковалась сталинщина.

В быту Сталин был прост, склонен к доброму юмору, любил серьезную музыку, хорошо пел. Не забыл свои юношеские поэтические опыты: отредактировал - немалая работа - перевод “Витязя в тигровой шкуре”, сделанный Ш.Нуцубидзе (копия рукописи с обильной редакторской правкой хранится в музее в г.Гори, на титульном

листе - категорическое запрещение Сталина упоминать где-либо об этом факте). Выслушивал собеседников внимательно, не прерывая. Если сам отвечал односложно, жестом или улыбкой сопровождал ответ, чтобы он не казался резким. Словом, в быту был интересный приятный человек. Но его быт был почти исключительно служебный, политический, и здесь он, как только что говорилось, придерживался спокойного официального стиля общения. Обращение к нему - "товарищ Сталин", его обращение к другим - "товарищ такой-то". Обычное имя-отчество не было в ходу. Когда кто-то упомянул "Андрея Александровича", он, чтобы не делать замечания, спросил: "Какой это Андрей Александрович?" - хотя было ясно, что речь идет о Жданове. Сформировал вокруг себя четко функционирующую среду, которая как бы охватила все общество.

Это общество - многонациональное, включающее и десятки компактно проживающих на своих исконных землях наций. Одной из основных характеристик личности Сталина является его отношение к этому важнейшему для нашей страны аспекту ее жизни. Он, как-то названный Лениным в письме Горькому "чудесным грузином", вне всякого сомнения, был интернационалист и по коммунистическим убеждениям, и по богатейшей жизненной школе. Попытки обнаружить у него антисемитизм не дали ничего - только факты негативной политической, а не этнической оценки сионизма, борьбы с ним, как и с любым другим агрессивным буржуазным нацио-

нализмом. По понятным причинам его неприятие грузинского национализма было особенно резким. Патриотизм Сталина тоже был интернациональным - советским, но, судя по некоторым признакам, все же окрашенным в русские тона. В своих далеких прогнозах, через десяток-другой поколений, лет через пятьсот Сталин видел единый субконтинентальный суперэтнос, сложившийся преимущественно на русской основе. Для него это была грядущая объективная реальность, теоретически неизбежная. И желанная, ибо русский народ был определенно любим им. Не идеализируя его (он вообще ничего и никого не идеализировал), Сталин как политик и человек мирился с его недостатками перед лицом тех его достоинств, которые позволили ему собрать и сплотить великую многонациональную общность - российскую, потом советскую. Провозглашенная Сталиным после войны здравица в честь великого русского народа может послужить образцом сочетания национального и интернационального, возвеличивания одного члена многонациональной семьи, необходимого для остальных ее членов. Нельзя было не согласиться с тем, что русские - выдающаяся нация, что они сыграли ведущую роль в победе над общим врагом и сделали это не только в силу своей многочисленности, но и потому, что им присущи "ясный ум, стойкий характер и терпение".

Вопреки запрету Тютчева ("Умом Россию не понять..."), Сталин понимал Россию. И сумел сформировать государственное устройство, наи-

лучшим образом способствовавшее осуществлению русской нацией ее суперэтнической миссии. Русские имели как бы двойное государственное самоопределение: в виде РСФСР и в виде СССР. В отличие от других союзных республик главным было второе. Внешне РСФСР была ограничена в своих правах, но русские компенсировались на союзном уровне. И продолжали существовать историческая Россия, оптимальные условия расселения русских на всем пространстве СССР, оптимальное для всех наций их сотрудничество и развитие. Уникальной демографической истории и ситуации соответствовала уникальная государственная организация, созданная мудростью народов и руками Сталина. Позднейшие идиоты, не понимая самого смысла устоявшегося устройства, слепо подчиняясь своим кукловодам, прекрасно понимающим свою выгоду, в погоне за "суверенитетом" обрезанной России разрушили Россию историческую. Как им не клеветать на Сталина - ведь иначе не оправдать этой бесконечно глупой, антинародной и антинациональной акции.

Конечно, и в национальной политике Сталин не был непогрешимым. Его грубейшей ошибкой было выселение нескольких народов с Кавказа и из Крыма. Оно мотивировалось тем, что некоторая часть этих народов сотрудничала с немецкими оккупантами, развернула повстанчество, убивала советских военнослужащих, терроризировала русское население. Но часть народа - не весь народ. Все народы имели своих предателей, и едва ли

здесь “количество перешло в качество”. Почему Сталин пошел на этот произвол? Ясного ответа нет. Одно из возможных объяснений - то, что намечался освободительный поход не только в Европу, но и возвращение областей, уступленных в 1918 г. Турции, “воссоединение” Северного Азербайджана (советского) и Южного (иранского), помощь областям, населенным героическими несчастными курдами, в осуществлении их векового стремления к созданию самостоятельного государства, и тогда нужно было “обеспечить спокойный тыл”, очистив его от потенциальных повстанцев. В пользу этого предположения говорит то, что тогда же, в 1944 г., были выселены из приграничных районов Грузии турки-месхетинцы, никаких связей с оккупантами не имевшие. Но и “очистка тыла” - тоже не основание для такого насилия над народами. Как и в случае с массовыми репрессиями, мы имеем здесь дело со сталинщиной, которую не оправдать ни апокалипсическим характером эпохи, ни рассуждениями о том, что в далекой перспективе все народы нашей страны все равно сольются в одной евразийской суперэтнической общности.

Был ли Сталин счастлив в детях? По-разному. Послал Якова на фронт (командиром батареи), тот попал в плен, но держался стойко, отверг изменнические предложения и погиб. Обменять его на фельдмаршала Паулюса Сталин отказался, поступить иначе он не мог. Второй сын, Василий, не реализовал и средних своих способностей. Военный летчик, он воевал, но и обере-

гался командованием и быстро продвигался по службе. После войны стал командующим ВВС Московского военного округа, но больше занимался спортивным меценатством и пирушками. Отец успел снять его с должности, после смерти отца он спился. Любимица-дочь Светлана ("Сетанка - хозяйка") едва подросла как замальтешила с замужествами и утратила контакт с отцом. Едва ли понимала его. Впрочем, на старости лет ещё может и понять, и что-то написать. Родившийся в сибирской ссылке Сталина его внебрачный сын Константин Кузаков, шестой ребенок овдовевшей матери, окончил вуз в Ленинграде, обратил на себя своими лекциями перед райкомовцами внимание Жданова и был взят им в Агитпром ЦК. Там многие знали, что он сын Сталина, но об этом никто не говорил прямо. Знал и Сталин, временами посматривал на сотрудника ЦК с повышенным вниманием, но не больше. Ныне здравствующий сын вспоминает о своём отце : "Совершенно закрытый человек. Закрытый от врагов, друзей и обычных человеческих чувств". За "потерю бдительности" Кузаков в 1947 г. был исключен из партии и уволен из ЦК. Основание - рекомендовал на работу инструктора, которого потом обвинили в американском шпионаже (впоследствии реабилитировали). Берия требовал ареста, но Сталин сказал, что не видит оснований. Увидел бы - не возражал бы. Впоследствии Кузаков работал вполне успешно, особенно после ареста Берия. ("Аргументы и факты", № 39 за 1995 г.).

В формировании своего культа Сталин пользовался квазирациональными штампами (типа “гениальный вождь и учитель”), не прибегая к действующим на чувства сентиментальным образам. В подконтрольных ему художественных произведениях требовал ограничиваться лишь внешней канвой его участия в исторических событиях. Пьесу М.Булгакова “Батум”, в которой с теплотой показана его революционная юность, ставить запретил. Написал автору, что “все дети и все молодые люди одинаковы”, то есть не будем-де увлекаться романтикой. После войны, в апофеозе своей славы, уклонился от позирования для портрета Е.Мухиной, не доверяя никому профессионально вглядываться в потемки своей души. Оставлял эту возможность только для себя. Видимо, со смешанным чувством торжества и тревоги и в муках совести доживал свой век. Из эпохи сталинизма мы имеем массу мемуаров. Нет главного - воспоминаний Сталина. Это трудно восполнимая потеря. Но главное мы все равно знаем или узнаем.

Из посмертных отзывов о Сталине есть смысл привести принадлежащие деятелям, соразмерным с ним по масштабам личности. Джавахарлал Неру: “Смерть вырвала из современного мира человека исключительных дарований и великих достижений”. Мао Цзедун: “Общеизвестно, что товарищ Сталин горячо любил китайский народ и считал, что силы китайской революции неимоверны. В вопросах китайской революции товарищ Сталин проявил величайшую мудрость”.

Вот, наконец, упомянутая выше характеристика Сталина У.Черчиллем - его классовым противником, хитроумным союзником и, похоже, симпатичным ему человеком:

“Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял такой гений и непоколебимый полководец, как Иосиф Сталин.

Сталин был человеком необыкновенной энергии, эрудиции и несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в британском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью точно выражать свои мысли. Статьи и речи Сталин всегда писал сам, и в них звучала исполинская сила.

Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам.

Он обладал глубокой мудростью и чуждой всякой панике логикой. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения.

В самые трагические моменты, как и в дни торжеств, Сталин был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием.

Нет, что бы ни говорили о Сталине, таких история и народ не забывают”.

Что ж, как ни кляли Черчилля за попытки “задушить большевизм в его колыбели”, нельзя не признать, что в характеристике второго, после Ленина, большевика сэр Уинстон проявил благородство и мудрость.

Многогранная личность Сталина, его выдающиеся личные качества сами по себе не объясняют силы его влияния на людей, общество, народ. И не одной только пропагандой объясняется то, что “имя Сталин стояло с Родиной в ряду” (А.Твардовский). Пусть не всегда, но и не редко командиры и комиссары поднимали солдат в атаку призывом “За Родину! За Сталина!”. Сталин глубоко проник в сознание и душу народа, и это сравнимо с тем, какое место место Будда, Христос, Магомет занимают в сознании и душах верующих. Воистину культ личности, обожествление человека. Попытки создать нечто подобное в отношении Хрущева и Брежнева принесли смешные результаты, породили одни анекдоты, и дело не просто в их личных качествах (“культ без личности”) и в иных исторических условиях (страна вышла из полосы смертельных угроз и выживания). Каковы глубинные причины принятия народом культа Сталина и реального функционирования этого культа в качестве достаточно эффективного средства управления? Не един-

ственная, но одна из этих причин заключается, очевидно, в том, что личные качества Сталина в общем удачно сочетались с чертами психического склада русского и в целом советского народа, а именно усиливали сильные и компенсировали слабые черты психического склада народа. Не в этом ли вообще тайна влияния действительного вождя, “харизматического лидера”? Смешно и грустно наблюдать, как какая-то дубина стоеросовая, или какой-то фигляр, или какой-то ловкач тянется за этой ролью. Грустно потому, что временно и отчасти они преуспевают. Почему? Потому, что эксплуатируют слабые стороны психического склада народа и заглушают сильные. А даже временное преуспевание временщиков бывает очень опасно: упускается время.

Заключение.

Сталинизм оставил в истории России, в истории советского народа, который продолжает существовать и рано или поздно воссоздаст адекватное своей природе государство, неизгладимый след. Не мертвый, а живой, функционирующий. История, идеология, политика входят в народное сознание в персонифицированном виде, олицетворяются в великих именах. Сталин стал таким именем. Как ни стараются политизированные ис-

торики-недоумки и политиканствующие историки-негодяи изобразить Сталина таким звероподобным комендантом "Архипелега Гулага", в народное сознание он вошел как патриот и строитель великой новой России, великого СССР, совершившего величайший в своей истории взлет к вершинам могущества и мирового влияния. Народ никогда не забудет того, что этот свой взлет он совершил на основе справедливого общественного строя, названного социализмом, и его потеря будет народу тем горше, что он, этот строй, соответствует его духу и традициям и достался ему ценой великих усилий и великих страданий. Народ не поверит злопыхательству по поводу ошибок и напрасных жертв и с отвращением отвернется от тех, кто вместе с чужаками набросился на преданную занемогшую страну, грабит ее и разрывает на части.

Народ с отвращением отвернется от своих погубителей, мошеннически захвативших власть, чтобы в следующий момент опять повернуться к ним с перекошенным от ненависти, гневным, страшным ликом, с решимостью возродить в полном объеме сталинизм и уничтожить новых врагов народа. Для такого поворота в массовых настроениях и массовом поведении достаточно беззаветной активности всего нескольких процентов самодеятельного населения. Подобно расстрелу 9 января 1905 года, расстрел 3 и 4 октября 1993 года не столько подавил, сколько возбудил массовое возмущение и мобилизационные процессы в народном авангарде, и в условиях неиз-

бежной дальнейшей самодискредитации капитализаторской политики поворот к решительным массовым действиям может произойти как в ближайшие год-два, так и, в случае неудачи, лет через десять-двадцать.

Совершенно оправданную новую энергию народного возмущения могла бы направить в конструктивное, созидательное русло, а потому в русло не столь жестокое и кровавое, только великая идея нового социализма.. Партия, которая понесет эту идею в народ, должна будет воспринять у сталинизма те его черты, которые выходят за рамки его времени, а именно неукоснительную верность интересам трудового народа, беззаветное служение независимости и величию страны, бескомпромиссную борьбу с преступностью, обеспечение твердого общественного порядка, одухотворенный творческий технократизм государственного управления, которое играет ключевую роль и в условиях всемерного развития производственного и местного самоуправления. Нельзя не упомянуть и такую черту сталинизма, как беспощадное преследование хапуг и взяточников из числа чиновников и особенно высокопоставленных сановников. Одной этой черты, возможности ее возрождения достаточно для нынешних криминальных, насквозь коррумпированных властей, чтобы ненавидеть сталинизм и панически бояться даже его призрака. Исторически нетленные элементы сталинизма, вписанные в контекст новой социально-экономической и политической целостности - нового социализма, приобретают новое качество,

новую ценность. История ведь и неповторима, и непрерывна.

Как было сказано в статье “Ещё раз об историческом опыте диктатуры пролетариата” (“Женьминьжибао”, 30 декабря 1956 г.), Сталин, проживший жизнь “великого революционера”, “неизменно был впереди потока истории и направлял борьбу”. Ни по возрасту, ни по стилю мышления и практики ему, однако, не суждено было возглавить процесс преодоления экстраординарного авторитарно-мобилизационного социализма, хотя бы наметить пути перевода этой исторически ограниченной формы антиэксплуататорского общественного строя в социализм новый, нормальный, неэтатистский, неавторитарный, планово-рыночный.

По свидетельству Джиласа, как-то на замечание И.Броз Тито о возможности новых явлений в социализме Сталин сказал: “Сегодня социализм возможен и при английской монархии. Революция нужна теперь не повсюду. Тут недавно у меня была делегация британских лейбористов и мы говорили как раз об этом. Да, есть много нового...” (цитированная книга, стр.84). Нельзя не вспомнить и того одобрительного отношения, которое встретила в СССР в 1951 г. программа Компартии Англии “Путь Британии к социализму”. И всё же едва ли у Сталина, даже при том, что он был “гениальным дозировщиком”, была скольконибудь конкретная концепция качественного обновления советского социализма, которую он собирался бы обнародовать по частям.

Он сделал своё дело, “свою историю”, и должен был уйти. Но - парадокс гения - именно он подсказал своим преемникам две ключевые теоретические предпосылки для назревшего преобразования.

Ими являются: 1) понимание диалектики превращения производственных отношений, то есть главным образом отношений собственности, из главного двигателя в тормоз развития производительных сил и необходимости преобразования этих отношений для возвращения им роли главного двигателя; 2) использование регулирующей роли закона стоимости, роли ограничиваемой, но неустранимой и полезной при социализме, а стало быть, признание социалистического рынка.

Преемники Сталина не поняли подсказки. Они, с одной стороны, пытались сохранить сверхцентрализованную систему управления, утратившую былую эффективность, а с другой - ограничивались полумерами в том, что можно было бы назвать “коммерциализацией хозяйственного механизма без его капитализации”, а именно сделали лишь робкие шаги в расширении хозяйственного расчёта. И получили, к собственному удовлетворению и к несчастью для трудового народа, уродливый авторитарно-бюрократический социализм, который впал в маразм и при безучастности трудового народа был ликвидирован.

Ортодоксальные коммунисты пытаются опираться на Сталина в своём догматизме (о них со смешанным чувством восхищения и сожаления

можно сказать: “дух рыцарский, а мышление рабское”, то есть неспособное выйти за рамки повторения добытых когда-то истин). Коммунисты-новаторы, напрасно обвиняемые в “ревизионизме”, в предлагаемой ими модели нового социализма имеют больше оснований считать Сталина своим предшественником, а себя его последователями.

Что такое новый социализм? Вот его основные черты.

1. Безраздельно господствует общественная, то есть народная и коллективная собственность на средства производства. Частнокапиталистическая собственность с применением наёмного труда и тем самым многоукладность не допускаются. Экономической необходимости в многоукладности нет, а политически она вредна и преодолима.

Народная собственность, условно именуемая также государственной, реализуется как в форме непосредственного государственного управления предприятиями, действующими в условиях монополии (топливно-энергетический комплекс, магистральный транспорт и др.), так и, в преобладающей части, в форме безвозмездной передачи народного имущества в полномочное хозяйственное владение трудовым коллективам (“собственность народная - владение коллективное”) и создания на этой основе самоуправляемых народных предприятий. Тем самым утверждается свободный труд, при котором работник является одновременно совладельцем

средств производства и реально участвует в управлении производством.

Поощряется кооперативное и индивидуально-семейное производство.

2. На основе распределения жизненных благ по реальным, общественно признанным результатам труда и вместе с тем на основе свободного труда, стимулирующих развитие личности работника, рост производительности труда, научно-технический прогресс, достигается максимальная экономическая и экологическая эффективность производства и высокий уровень жизни народа.

Обеспечиваются постоянный рост общественных фондов потребления, приоритетное финансирование науки, бесплатные качественные образование и здравоохранение.

3. Государственное плановое управление органически сочетается с механизмами социального саморегулирования ("гражданским обществом"), в частности с механизмом конкурентного социалистического рынка. Не допускается функционирование спекулятивного капитала.

4. Утверждается последовательно демократический режим, основанный на гарантиях прав и свобод человека и гражданина, на интересах большинства при учёте интересов меньшинства, на равноправии и братском сотрудничестве наций и народностей, на решении наиболее важных вопросов референдумами, на советской форме народовластия, на многопартийности (при ведущей роли соперничающих и сменяющих друг друга у власти социалистически ориентированных пар-

тий), на разделении и взаимном контроле властей при преимущественных полномочиях органов представительной власти.

5. Разрушивший страну национально-территориальный сепаратизм, в основе которого лежит стремление национальной буржуазии получить "у себя" преимущественный доступ к разграблению природных ресурсов, народного имущества, - искореняется и заменяется гармоничным сочетанием централизованного государственного управления с широкой национально-территориальной самостоятельностью, самоопределением наций, национально-культурной автономией. Обеспечивается тем самым расцвет наций и народностей.

Новый социализм становится социальной базой для добровольного воссоздания Союза Советских Социалистических Республик. Некоторые бывшие союзные республики смогут ассоциироваться с СССР и при любых особенностях их общественного и государственного строя.

6. Внешняя политика новосоциалистического государства строится на безусловном приоритете равноправного сотрудничества с другими социалистическими государствами. Воссоздаётся мировой социалистический рынок. Всестороннее сотрудничество социалистических государств гарантирует их независимость, безопасность, технологическое неотставание от развитых капиталистических стран.

7. В отношении капиталистических стран проводится политика мирного сосуществования,

взаимовыгодного экономического, экологического, научно-технического, гуманитарного сотрудничества, а в отношении развивающихся стран - также и политика посильной невоенной поддержки их собственных усилий для обеспечения прогресса и независимости. Приветствуется развитие элементов социализма в недрах капиталистического общества, в частности в форме предприятий, находящихся в собственности работников.

Не сомневаясь в общей социалистической тенденции развития человечества, новый социализм отказывается от попыток искусственно форсировать этот процесс и оставляет капиталистический мир действию его собственных противоречий и закономерностей.

Таков в своих основных чертах новый социализм. Если основной формой современной цивилизации всё ещё является развитый капитализм, то её опережающая форма - новый социализм. Сталинизм и должен быть соотнесён с ним.

Ни авторитарно-бюрократический социализм, ни нынешняя реставрация капитализма, ни возможное возвращение к этатистскому социализму, который, очевидно, будет обречён проделать тот же путь бюрократического перерождения и загнивания, - ничто это не может считаться диалектическим отрицанием сталинизма. Таким отрицанием (а не простой сменой во времени) может быть только новый социализм.

Сталинизм не был сменён новым социализмом ни своевременно, в 50-е г.г., ни со значительным запаздыванием. Что ж, значит будет

сменен с чрезмерным запаздыванием, после пережитой катастрофы. Возможно, уже во второй половине 90-х г.г. Только новый социализм может стать логическим воспреемником того исторического периода, который по революционному псевдониму своего главного деятеля получил точное образное именование "сталинизм". Нравится это кому-то или нет, но именно сейчас, перед лицом постигшей страну катастрофы, сталинизм возвышается перед нами как великое явление мировой истории. Спасение заключается не в нём, не в его воспроизведении, да это и невозможно. Но вполне можно, не беря у него страшного, взять у него великое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение.....	3
1.	.Сталинизм в контексте советской истории.....	6
		
2.	Политическая доктрина сталинизма.....	30
		
	Основные предпосылки... ..	31
	Общая политика, внутренняя и внешняя.....	33
		
	Социально-экономическая и аграрная политика.....	38
		
	Идеология и нравственно-политическая культура.....	40
	Военная политика.	46
	Репрессивная полити-ка.....	50
	Политическое руководство и система управления.....	54
3.	Реальности сталинизма.....	67
	Сталин об итогах своей политики	68

Политическое завешание Сталина..... .	81
Элементы технологии сталинизма..... .	98
Сталинизм и троцкизм	112
Сталинские репрессии....	157
4. Этическая и политическая оценка ста- линизма.....	186
5. Личность Сталина.	235
Заключение.....	283

Б.П.Курашвили

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЛОГИКА
СТАЛИНИЗМА**

**Редакция авторская
Техн. редактор Е.В. Калинова**

ЛР N 070557

Сдано в набор 10.03.96.

Подписано в печать 5.04.96.

Формат 70х90 1/32

Объём 9 п.л. Тираж 3000

Заказ 1390.

Издательство “Былина”

**Отпечатано в АООТ “Политех-4”
129110 Москва Б.Переяславская, 46**